Михаил Шлаен

Годы, как птицы

Записки спортивного репортера

Издательство «ЧЕЛОВЕК»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – своего рода мемуары известного спортивного журналиста Михаила Шлаена. Естественно, большая ее часть посвящена спорту, с которым автор тесно связан более полувека. Накопленные годами воспоминания о различных резонансных событиях, в том числе возвращающих нас к истории отечественного спорта, его истокам, чередуются с рассказами о людях, ярких личностях, которые своими победами прославили страну, и с которыми автору довелось сталкиваться на протяжении всех этих лет. К сожалению, многих уже нет, но память о них светла.

Вместе с тем книга не только о спорте. В частности ее страницы посвящены и военной теме, Великой Отечественной войне, что неудивительно: автор и сам ребенком пережил ее начало, и является сыном боевого офицера.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Годы, как птицы… Записки спортивного репортера
  -
  - От автора
  - Баскетболистка Клаудиа Кардинале
  - Чертовски вкусны вареники
  - Обшарпанная квартира
  - Дубленка раздора
  - Путешествие на голодный желудок
  - Стриптиз в храме культуры
  - Прикосновение к прошлому или эхо минувшей войны
  - Человек-теплоход «Старшина Приходченко»
  - Письма с фронта
  - Огненные стадионы
  - К памятнику песне по тропе признания
  - Горы на фото и наяву
  - Аттракцион со штангой в парижском «Диснейленде»
  - Настоящий полковник
  - Гомельские
  - Левитан спортивного микрофона
  - Надо уважить Федю
  - Слава миру на земле! Слава хлебу на столе!
  - Все это было, было… (рубрика «Память»)
  - Анекдоты от Бубукина
  - Футбол и голуби
  - Отец водного поло

- Человек, опережавший время
- Он сказал: «поехали!»
- Он всегда был борцом
- Стопка «Ракии»
- Память не имеет права быть короткой
- «Большой на льду». “Bolshoi on Ice”
- Коротко об известном
- Хороша игра джоколо (рубрика «Сильные духом»)
- Я полагаю: это надобно шить
- За весла, друзья!
- От Петра Великого до наших дней
- Птица счастья завтрашнего дня

Годы, как птицы… Записки спортивного репортера

© М. Г. Шлаен, текст, 2016
© Издательство «Человек», 2016

* * *

От автора

Посвящаю с признанием любви
жене и дочери

Не все, что хотелось, вошло в предыдущую книгу воспоминаний «Я и ТЫ», написанную в соавторстве с Ольгой Приходченко, по жизненному совместительству моей супругой. Потому не оставляла мысль продолжить. Я приглашал госпожу Приходченко поучаствовать в этом процессе семейного творческого сотрудничества и чем-то своим дополнить. Мадам отказалась, занята другой, как она считает, более важной работой на историческую тему. Я могу только пожелать ей удачи, а сам, находясь у финишной черты своего репортерства, главным образом спортивного, не в ущерб настоящему по большей части снова окунаюсь в прошлое с его радостями и печалями, следуя строчке из Омара Хайяма: «Дни жизни даже горькие цени». Поскольку в любом случае смысл каждого из них – в познании людей и мира. Где-то в глубине души понимаю, что писательством это не пахнет, но все равно, возможно, будет интересно и востребовано. Если нет – то останется дочери как память об отце. Мы ведь все не вечны на этой Земле.

Я сижу за столом под номером 01611613031, небрежно выведенным белой масляной краской… Так начиналась наша с мадам Приходченко предыдущая книга.

Теперь не стол, а кровать за номером 13758 13 в девятой палате урологического отделения в Боткинской больнице. Сложнейшая операция по мужской части. Приступ случился на даче, обратиться с просьбой, срочно отвезти в Москву, было не к кому. Соседи или уже разъехались, или были навеселе, продолжали отмечать Первомай. Сам себя вез без малого четыре часа. Жуткие «пробки». Москва возвращалась с дач после майских праздников.

А ведь сколько было планов на 70-ю годовщину Великой Победы. Заготовил фотографии своих близких, чтобы пройти с ними маршем «Бессмертного полка», а потом, по традиции, отправиться либо к Большому театру, либо в Парк Горького. На вечер 9 мая Ольга собиралась созвать гостей и уже продумывала меню праздничного ужина. И все разом рухнуло. Палата на четверых, анализы, утренние осмотры, предоперационная подготовка. Саму операцию из-за продленных выходных перенесли на первый после них рабочий день. Домой в том виде,

в каком я находился (не хочется распространяться – в каком, не слишком привлекательная картина, о которой легко догадаться), не отъедешь, отрывать друзей, нагружать их своими заботами и проблемами в канун такого праздника не хотелось. Что делать почти неделю? И тут меня осенило, я вспомнил ту санаторную осень в Евпатории. Ноутбук с собой, почему не напрячься и попробовать убить время, занявшись новыми набросками с надеждой доработать их потом для очередной книги, продолжающей в определенной мере ту, прежнюю – «Я и ТЫ», но теперь, к сожалению, без «ТЫ».

Мысли, особенно ночью, роем носились в голове, факты наперегонки обгоняли друг друга. В другой раз заставил бы себя проснуться, записать, но сейчас мне не дозволено было излишне дергаться, и утром многие утекали, уплывали куда-то и с трудом возвращались, и то далеко не все. Но что-то все-таки проникло в сознание. Большей частью веселое.

Баскетболистка Клаудиа Кардинале

Смотрю в окно палаты, майское солнце настойчиво пробивается в него сквозь крону деревьев, окружающих наш корпус. Я вспоминаю другую палатку. Красную. Точнее – «Красную палатку». Фильм об экспедиции Умберто Нобиле на Северный полюс в конце двадцатых годов прошлого века. Генерал Нобиле хотел достичь его на дирижабле «Италия», высадиться на лед, как это совершила потом четверка наших отважных покорителей грозной Арктики во главе с Папаниным, мимо дома, в котором он жил, я прохожу каждый раз, гуляя по старому Арбату. У папанинцев, мы знаем, получилось, у Нобиле нет. И вот он, уже в старости, спустя много лет, собрав в своем воображении бывших участников экспедиции, мучается в сомнениях и догадках, правильно ли было все сделано, пытается понять, в чем была загвоздка, почему не удалось, что привело к крушению дирижабля и гибели людей. Тех, кто остался жив, спасли наши летчики и моряки. Это я так, коротко о содержании киноленты. В ней много переплетено человеческих судеб, сюжетных линий, одна из них – вспыхнувшая любовь между медсестрой Валерией Кристальди и гляциологом Мальмгреном, их роли сыграли Клаудиа Кардинале и Эдуард Марцевич. Впрочем, и без них звезд экрана фильм собрал предостаточно: Шон Коннори, Питер Финч, Никита Михалков, Донатас Банионис, Виталий Соломин, Юрий Визбор…

Позвонила давняя приятельница, переводчица с итальянского, с которой нас свел международный кинофестиваль в Москве: «Михаил, не жаждешь увидеть Клаудиа Кардинале, могу и познакомить?»

– С кем-кем, с Кардинале? Разыгрываешь меня, что ли? – огорошила Алла меня своим предложением. – Она что, в Москве?

– Никакого розыгрыша, вполне серьезно. Сейчас посмотрю расписание. Ага, подъезжай к половине третьего, в три у них экскурсия.

Заманчиво, но как-то боязно. Кто Клаудиа, мировая кинозвезда, а кто я – по сути, новичок в журналистике, начинающий спортивный репортер.

Алла поведала, что только накануне группа вернулась из Эстонии со съемок картины об экспедиции Нобиле.

– Так там же сейчас, как передает прогноз, страшная холодина, за минус тридцать. Не замерзла?

– Я-то что, мы привыкли, а Клаудиа… Ты бы посмотрел на нее. Ну и отчаянная барышня. Они там по сценарию с

Марцевичем в порыве любовной страсти обнимаются, целуются, кувыркаясь в снежных сугробах, кубарем скатываются с горы в узкую расщелину. На Кардинале легкая шубка, правда, перед съемкой ее растерли спиртом и водочки дали отхлебнуть, чтобы не закоченела. Все балдели, наблюдая за этой сценой. Никакого страха у Кардинале. Если бы один, а то несколько дублей сняли, пока у Марцевича что-то с ногой не случилось, сильно подвернул ее, а с Клаудии как с гуся вода, только снег с лица вытирала и слегка подпрыгивала в надежде согреться. Удивительно спортивная сеньора.

Стало еще более заманчиво и безумно интересно; откуда, судя по словам Аллы, у знаменитой киноактрисы такая спортивная прыть.

Когда я прикатил в отель, Кардинале сидела в холле, удобно устроившись в мягком кожаном кресле, и перелистывала какой-то журнал, кажется, это был «Советский Союз». На столике рядом с креслом лежала, видимо, та самая легкая норковая шубка. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь широкое окно с причудливыми рисунками-разводами от мороза, освещали ее лицо, словно и здесь лайтмастер постарался правильно выставить свет, как на съемочной площадке.

Я облачился в джинсы, купленные в подарок себе на день рождения у какого-то фарцовщика на Кузнецком мосту в тылу ЦУМа, и батник, буквально вырванный там же из рук другого представителя фарцоцеха, поскольку покушающихся на стильную рубашку made in France претендентов было немало. Если честно, нервная дрожь отбивала дробь всю дорогу, пока добирался до гостиницы. Я не знал, как вести себя со звездами кино, никогда с ними не общался, к зевакам, которые всегда окружают съемочную площадку, не относился, в массовках не участвовал, хотя одно время жил по соседству с «Мосфильмом». В общем, не брал, не видел, не трогал. Но нервный тик тут же улетучился, когда, улыбнувшись, Кардинале протянула мне руку. Алла предупредила ее, что разговор коснется не профессии знаменитой итальянки, а… спорта, и это успокоило итальянскую гостью: все, что угодно, только не кино. Я почувствовал, смена пластинки оживила Клаудиу. Общение с «голевого» паса приятельницы было недолгим, вот-вот должен был подкатить заказанный экскурсионный автобус.

– А разве вы не знаете, что я увлекалась плаванием и много времени провела в бассейне? И тренировалась отнюдь не как обыкновенная любительница, – уже началом разговора Кардинале сразила меня наповал.

Темный я, откуда мне было знать, но – странное дело –

неловкости от своей темноты не испытал, наоборот, Клаудиа, подогрев неожиданной новостью, подтолкнула к редкостной возможности разведать что и как. Свое детство и начало юности Кардинале провела с родителями-инженерами в Тунисе, которые переехали сюда из Сицилии, они и отвели Клаудиу в бассейн, совершенно не подозревая о ее способностях. Надо было чем-то занять дочь после школьных уроков, пока они на работе.

– Я высоко лежала на воде, тренер ухватился за это, еще ему нравилась моя координация, она у меня, наверное, от природы, – рассказала Кардинале. – Тренировки были в охотку, я не уставала, более того, вошла во вкус после первой победы на каких-то детских соревнованиях.

Я смотрел на Кардинале, не мог оторвать от нее взгляда, да и внутренне любовался этой женщиной, в которой чувствовалась дворянская стать и кость. Красавица! Широко раскрытые жгучие глаза, абсолютно правильные черты лица, с которого не сходила, словно застыла обворожительная улыбка. А какая точеная фигурка с шикарным бюстом! Роскошные волосы, спадавшие на спину до лопаток. А как держалась! Никакой заносчивости кинодивы. Даже не знаю, кто бы выиграл конкурс красоты, соревнуясь она с Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой и другими знаменитыми и популярными итальянскими актрисами.

Кардинале, как мне показалось, еще более оживилась, когда разговор с общих деталей углубился в голубые дорожки, он, видимо, возвращал ее к тем счастливым годам, когда она на них блистала. Еще как блистала – неоднократная чемпионка Туниса и Африки!

Приятельница знаками показывала мне, что пора заканчивать, гости уже все собрались на экскурсию. И тут Клаудиа буквально обескуражила меня еще одной новостью.

– Плаванием я вас удивила, а если я скажу вам, что и в баскетбол я играла, это уже когда я переехала в Италию, вернулась на родину. Сначала совмещала, а потом целиком переключилась на мяч, захотелось и на площадке показать себя. Азарт захватил. Впрочем, не только азарт. Раскрою вам секрет.

Кардинале, подняв голову, стрельнула своими очаровательными глазками – как я среагирую на ее тайну.

– В бассейне мы все время в воде, это не пляж, а здесь, на площадке, на виду, во весь рост, причесанные, накрашенные, в красивой форме. И мужчин на баскетбол ходит больше, в Италии же его очень любят, не меньше кальчио. Я к тому времени была уже девушка ничего из себя, да что там – хороша собой, и, конечно, хотелось, чтобы на меня обратили внимание.

Сейчас это привычное выражение – с этого места

поподробнее. А тогда захлестнувшее любопытство буквально вырывалось из меня, застыло на лице; без всяких слов было понятно, что меня раздирает интерес, как это с баскетболом произошло и что из этого в итоге вышло. В итоге вышло – чемпионка еще в одном виде и даже приглашение в молодежную сборную.

Переводчица, извинившись, прервала наш разговор, что немного огорчило Кардинале, судя по выражению ее лица, наверное, ей самой приятно было окунуться в свое спортивное прошлое. Но им обеим вовсю уже махали от дверей гостиницы. Однако и рассказанного оказалось достаточно, чтобы опубликовать в «Советском спорте» материал под названием «Баскетболистка Клаудиа Кардинале», который перепечатали многие зарубежные издания.

Чертовски вкусны вареники

Другая памятная встреча с миром прекрасного случилась много позже. К тому времени я был уже женат, и Ольгу эта встреча весьма расстроила. Она провожала меня на поезд до Будапешта, откуда, пересев на другой, нам нужно было катить в Загреб. Нам – это группе специалистов и журналистов, торопящихся на чемпионат Европы по фигурному катанию. Так вот, на Киевском вокзале жена обомлела, завидев нашу гопкомпанию – четыре мужика, остальные женщины, человек двадцать, все как на подбор, словно в пушкинской сказке, молодые, симпатичные, фигуристые. А что вы хотите – сами вчера еще леди льда, а сегодня все, кроме, кажется, двух, начинающие тренеры и хореографы.

– Знала бы, ни за что тебя не отпустила, – злилась Ольга, нервно дергая меня за рукав дубленки, вот-вот оторвет. – Они еще, наверное, не замужем, смотри, охмурят тебя, опутают тебя цепями Гименея. Мало тебе, что ли, было баб, только в 39 женился. С дружками летом Серебряный бор столько лет окучивали, и каток в Лужниках. Развода не дам, ты мой крутой нрав знаешь.

Ну, вот вспомнила, зря ей Володя Писаревский наболтал про третий пляж в Серебчиках и каток «Люкс», куда зимой перебирался практически тот же самый развеселый народ, что так любил поплавать именно в этом, и ни в каком ином, месте Москвы-реки. А что – уютно, зеленая зона, легкие Москвы, песочек, можно поиграть. И доигрывались… до непредвиденных заранее связей или постоянных любовников, а кто с серьезными намерениями – даже женились и обзаводились детьми. Я себя к таким серьезным тогда не относил.

Ольга не ошибалась, почти все барышни были на выданье. Но сокрушаться было поздно. Я расцеловал ее, пообещал вести себя хорошо, помахал на прощанье рукой и двинул в вагон знакомиться с группой, не зная прежде практически никого.

Эх, и веселые были оба те дня, что мы катили до Будапешта. В Киеве, куда поезд прибыл утром, двое мужиков из нашей компании, скрывавшие до поры до времени, кто они и откуда, мы знали только их имена, вдруг сошли на берег, точнее на платформу, и устремились к тележке носильщика, стоявшей прямо у нашего вагона. Они начали сгружать с нее коробку за коробкой и быстро заносить их в свое купе, забив в итоге все свободное пространство.

Чего там только не было, в этих коробках! Их содержимое

прояснилось только тогда, когда два этих человека, наконец, раскрыли себя, оказавшись работниками украинского спорткомитета, и пригласили всех к «праздничному столу», растянувшемуся почти по всей длине вагона. Призыв проводниц к порядку не возымел никакого отклика. С них сняли все заботы о нас (чай, печенье, вафли, прочие сладости, в общем, стандартный поездной набор), сохранив лишь одну – быть подносчиком снарядов, то бишь, чистых стаканов, в которые аккуратно, чтобы не разлить от тряски поезда, плескалась горилка с перцем. Нужно отдать должное – в приемлемых дозах, но вполне достаточных, чтобы разогреть молодую, пышущую здоровьем незамужнюю женскую компанию до требуемого тонуса. Но мысль об этом как-то не просачивалась из головы, естественное мужское желание, дарованное природой, куда-то улетучилось.

События развивались совершенно по иному сценарию, когда следом за бутылками горилки гостеприимные киевляне стали доставать из коробок вареники с разной начинкой, кровавую колбасу и другие творенья украинской кухни. Конечно, и, само собой, сало, слегка присоленное, как же оно пошло с черным хлебом, объедение. К границе, к Чопу одолели лишь половину запаса. Пограничники и таможенники пронеслись по вагону отнюдь не метеорами, чего-то там порасспрашивали, проверяя паспорта, куда-то заглянули. А куда торопиться, когда на них не косо смотрят, как на врагов, а зазывают к такому столу. Причмокивая от удовольствия, они с жалостью покидали наш вагон, после чего вся компания еще немного покуролесила и дружно завалилась спать, набираясь сил для опустошения другой половины халявной гастрономии. Ее должно было хватить до Будапешта. В общем, тяга к вкусной и здоровой пище затмила главный мужской инстинкт…

Во время чемпионата и вовсе было не до того, все силы отняли переживания за наших ребят, особенно за дуэты в парном катании и танцах на льду. А обратно мы летели самолетом, разными рейсами, киевляне к себе в Борисполь, мы заканчивали свое путешествие в Шереметьево вместе с чемпионами Ириной Родниной и Александром Зайцевым и Людмилой Пахомовой и Александром Горшковым.

Словом, зря моя дорогая, милая женушка ты так волновалась.

А вареники действительно были чертовски вкусны. Особенно с вишней и картошкой! Повторить бы…

Обшарпанная квартира

В Ереване, куда командой Госкомспорта мы летели на помощь в организации матча наших боксеров с американцами, нас встретил в аэропорту олимпийский чемпион Владимир Енгибарян, сразу предупредивший, чтобы не строили никаких планов на вечер, все приглашены в гости к руководителю городской федерации.

Руководитель ереванского бокса, какой-то высокий милицейский чин, крепко пожимал на входе в квартиру руку и, похлопывая по плечу, будто подталкивая, приглашал для знакомства махнуть по рюмке «Двина». Того самого знаменитого 50-градусного коньяка, что так пришелся по вкусу еще с Ялтинской конференции сэру Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю. Британский премьер-министр не мог отказать предложению Сталина отведать именно эту марку, и с тех пор настолько пристрастился к ней, что обязательно за обедом выкуривал гаванскую сигару (фотографии курящего Черчилля хорошо всем известны) и медленно потягивал из хрустального стаканчика дорогой армянский коньячок, расширяя временные рамки удовольствия. Снимков на сей счет нигде не видел, но забугровая молва доносила, что бутылки «Двина» Черчиллю едва хватало на день. Серьезный был толстячок. На его 75-летие Сталин распорядился отправить в подарок ровно 75 бутылок «Двина», на что именинник среагировал своеобразно и остроумно: я не возражал бы получить из Кремля и 100 бутылок, всего-то надо прожить еще четверть века…

Коньячными бутылками разных марок был уставлен круглый дубовый столик в прихожей. Нашлось место и для «Арени», «Иждевана», других популярных армянских вин, о которых еще Шарль Азнавур говорил, что они заключают в себе все то, что можно ощутить, но нельзя выразить словами. Правда, охотников испробовать оказалось среди нас почему-то меньше, нежели любителей коньяка. Каюсь, я выпил даже две рюмки «Двина», закусывая, как рекомендовал хозяин, холодным персиком, но, если честно, я больше испытываю уважение к традиционному русскому напитку, хотя иногда не прочь побаловаться и солнечным армянским. …Хорошо помню посещение в студенческие годы московского филиала треста «Арарат», что во дворе дома между Мясницкой и Кривоколенным переулком; в палатке при нем любой коньяк шел по сходной цене, чаще всего, конечно, трехзвездочный, и не надо было бежать в специализированный магазин в «доме скульптора Коненкова» на

Тверском бульваре у Пушкинской площади и выстаивать там в длинных очередях. Думаю, у тех, кто стоял в них, вся Армения ассоциировалась именно с заводом «Арарат». Впрочем, не только у них. Легендарный, как сейчас говорят, бренд воздействует на уклад жизни и повышение тонуса, не ведая границ.

Пока рассаживались за длинный овальный стол, и хозяин произносил традиционный тост (начал на армянском, затем продолжал на русском), я из-за любопытства (давно не был в кавказском доме) старательно осматривал все находящееся в зале и двух прилегающих к нему комнатах, двери в которые были открыты настежь. Изысканные мебельные гарнитуры, картины, очевидно, местных художников и множество аппаратуры – телевизоры, магнитофоны, проекторы, еще что-то. Пригляделся – все они были одной только японской марки «Шарп». Откуда столько, наверное, часто летает в Японию помогать ловить хулиганье и бандитов?

Рядом со мной сидел Юрий Золотарев, начальник отдела бокса Госкомспорта, я толкнул его в бок: «Юрий Егорович, куда мы попали, больно обшарпанная квартира…»

Золотарев не сразу врубился, начал возражать: да ты что, нам бы с тобой по такой, новая или недавно сделан ремонт.

– Ты не понял, взгляни на сервант и тот резной буфет у балконной двери, какая там техника, видишь?

И тут до него дошло. И мы дружно рассмеялись, поймав на себе недоуменные взгляды присутствующих.

Уходя, заглянули на кухню. Холодильник и микроволновка там были той же марки. Не поспоришь – действительно «обшарпанная» квартира, Золотарев был прав – всем бы такую…

Дубленка раздора

Традиционный хоккейный турнир на приз газеты «Известия» с забавным «Снеговиком» на его эмблеме, придуманным, как и сам турнир, известным известинским журналистом Борисом Федосовым, проходил долгое время в лужниковском Дворце спорта. Ежегодно в декабре он собирал в Москве многих самых ярких «звезд» шайбы и клюшки.

В подготовке к культовому по тем временам турниру тщательно продумывались все детали, в том числе объявлялся специальный конкурс для столичных и подмосковных ресторанов на право обслуживать зрительскую аудиторию и аккредитованную публику. Наибольшей популярностью пользовался журналистский общепит. Специальный ресторан для прессы находился на самом верхнем этаже Дворца, для многих он был табу, приходилось мириться с неосуществленной мечтой оказаться там. Действительно «чужим» проникнуть туда, как и вообще в пресс-центр, было крайне сложно, жесткий контроль по всем линиям, однако и своих жаждущих хватало. Ресторан гудел от избытка пишущей и снимающей братии. Всего за 4 рубля (вполне щадящая цена по тем временам, а для иностранцев с твердой валютой в кармане вовсе сущий пустяк) можно было вкусно и обильно пообедать – и, что важно, за те же деньги – не в сухую.

Вот это – «сущий пустяк» и «не в сухую» – особенно привлекало и вдохновляло скандинавов, их многочисленный десант (больше, чем у кого-либо из иностранцев) регулярно высаживался в декабре в Москве; создавалось впечатление, что они только и ждут этого часа вновь оказаться в знакомых пенатах на верхотуре лужниковского дворца.

Меня больше всего удивляло, что финнов, известных к чрезмерному пристрастию отнюдь не к лимонаду, судя по тому, как они утоляли «жажду» в Питере, за столами в ресторане для прессы уверенно обыгрывали соседи-шведы. Бойцы были еще те. Особенно мне запомнился один шведский фотокор. Каждый раз он изрядно закладывал за воротник, затем с огромным трудом спускался вниз и, покачиваясь, двигался к полю, где повисал со своим аппаратом на бортике (убери эту опору – точно упал бы). Я спросил Бориса Александровича Светланова, известного маэстро спортивного фото, что он в таком виде может наснимать?

– Не волнуйся, у него автомат, только нажимай на «гашетку» и не снимай палец, какие-то один-два нужных кадра его редактор сможет выбрать, а больше и не надо. Редактор с ними на такие

соревнования обязательно приезжает.

В Москве стоял сильнейший мороз, да еще неприятный ветер с Москвы-реки, когда в очередной раз этот швед прикатил на турнир. И опять все то же, только с продолжением. На сей раз, прилично набравшись, он никак не мог вспомнить, где оставил свою верхнюю одежду. Долго бродил по затемненному уже Дворцу пока не наткнулся на служебный гардероб у десятого подъезда, схватил первую попавшуюся ему на глаза дубленку, решив, что она его, из стокгольмского шопа, – и был таков, поплелся к метро «Спортивная».

Следом за ним в гардероб заторопился Николай Чигирин, он, работая с нашей сборной, заведуя клюшками, задержался по каким-то делам. В долгих напрасных поисках бедный Коля никак не мог понять, куда же подевалась его шикарная канадская дубленка (неужто украли, да не может быть?), и, не найдя ответа, вынужден был топать по тому же маршруту в легком пиджачке. Путь до метро вроде недолгий, с полкилометра, но на улице минус 25.

Пропажа обнаружилась на следующий день. Швед, на удивление трезвый, прикатил в Лужники с чужой дубленкой и извинениями Чигирин принял их, однако на всякий случай упрятал дубленку в более надежном месте. Не дай бог, кто-то еще повторит подвиг шведа.

…А дубленка его так все это время висела за ширмой в пресс-центре, дожидаясь хозяина.

Путешествие на голодный желудок

Что еще можно вспомнить. Да многое. Как, будучи в Болгарии, «оседлал» верблюда и катался по Китену, это близ Бургаса. Верблюду, видно, надоело долго терпеть меня на своем горбу всего-то за два лева (тогдашняя болгарская валюта), он так и норовил сбросить меня, я с трудом удержался, а, кстати, с немалым трудом и взобрался на него.

Или эта командировка в Забайкалье. Какой же чудесный по природе край! Я был там в мае – самое время расцвета багульника, его пробуждение после зимней спячки; как рассказывали мне местные жители, это своего рода праздник для них – все, суровая зима окончательно отступила и пришла долгожданная весна. Мы поехали на реку Ингоду, и я видел, как постепенно окружающие Читу сопки и леса окрашивались от этих цветов в разнообразье самых ярких тонов, чаще всего в фиолетово-розовые, а воздух был напоен таким ароматом, будто вдыхаешь «Красную Москву» или самые дорогие духи от Шанель. означающий окончательный приход весны и победу над суровой зимой.

(Много позже Людмила Титова, наша олимпийская чемпионка по конькам, выросшая в Чите, так образно, поэтично рассказывала мне о своем родном крае, что захотелось еще раз выбраться туда, но, увы, не получилось. А тогда несколько кустов розового багульника, самого, пожалуй, красивого я привез с собой в Москву, а затем отправился с ними в Питер, чтобы подарить девушке, за которой в ту пору ухаживал. Да простит меня Ольга за эти воспоминания, до встречи с ней тоже была жизнь).

Насладившись, надышавшись вдоволь запахом багульника и отпив чистейшей минеральной водицы из источника близ Читы, собираюсь дальше в путь в Иркутск, предвкушая скорую встречу с Байкалом. Перед отъездом забежал в магазин близ вокзала, чтобы прикупить что-то в дорогу. Полупустые, мягко говоря, прилавки, только на одном из них лежала какая-то колбаса.

– Девушка, можно вот этот кусочек?

Продавщица, пышногрудая ненатуральная блондинка (из-под косынки у нее выглядывали островки темных волос), зыркнула на меня жгуче ненавистными глазами.

– Вы что с луны свалились, колбасы ему нарежьте? – брызнула она в меня слюной. – Давайте талон.

– Какой талон?

– Такой, на серой бумаге с круглой печатью, ишь-ты, герой нашелся, – не унималась в гневе хозяйка прилавка, расстреливая

меня своим взглядом.

Никакого талона у меня и в помине не было, да и откуда ему было взяться. Кое-как выпросил четвертинку черствого черного хлеба, и сейчас в вагоне потихоньку надкусывал его, боясь сломать зубы. Мимо замызганных вагонных окон проплывали пейзажи, достойные кисти Левитана. Я уныло глядел на них, никаких чувств и радости они во мне не пробуждали. Какие к черту эмоции на пустой желудок, когда в животе бурлит и лишь одна мысль свербит, понятно какая… А тут еще соседи по купе, едва мы тронулись, повытаскивали из сумок свои домашние съестные припасы, разложили на столике и начали аппетитно, сладко причмокивая, уплетать за обе щеки, вызывая у меня соответствующий рефлекс. Та продавщица брызгала слюной, а я давился ею. И тут меня осенило: а отчего не скооперироваться с ними, у меня же с собой «было», бутылка местного горючего, которой снабдили читинские друзья. Какой же я идиот, что отказался от домашних пирожков с капустой, которые они еще мне активно совали, я отказался, надеясь прикупить на дорогу в магазине. Соседи – на удивление – недолго раздумывали, в общем, клюнули, до сих пор с благодарностью вспоминаю их: не дали парни умереть с голоду.

– Вы из самой Москвы, у вас там тоже жратва по бумажкам?

Я не знал, что ответить, не поверят, если скажу, что Москва тоже не жирует, вспомнил, как попозже вечером мы с соседями по дому подъезжали к гастроному на Большой Бронной и накидывались на все подряд (надо или не надо), что выбросят к закрытию магазина, эти синюшные куры, за которые шла откровенная драка, по одной в руки – и не больше.

За окном продолжали мелькать те же забайкальские пейзажи, постепенно они сменились сибирскими, границу, конечно, я не уловил, все одно – дивно. Теперь я с удовольствием набирался новых впечатлений от Бурятии, реки Селенги, рассекающей тайгу, чтобы влиться своими водами в Байкал, железной дорогой, которая ближе к Иркутску впивалась спиралью в небо.

Как же приятно путешествие на сытый желудок!

Стриптиз в храме культуры

Моя самая первая поездка за рубеж. На чемпионат мира по тяжелой атлетике в Варшаве. Бельведер, парк Лазенки с памятником Шопену, сочиняющему музыку под кроной раскидистой ивы, восстанавливаемый Королевский дворец, разрушенный в войну, Дворец культуры и науки (родная сестра шести московских высоток) – подарок вождя всех народов друзьям полякам.

– Вечерком попозже заглянем туда, – предложил мой польский товарищ Эдвард Вожняк. Он заехал за мной в отель на Раковецкой, бросил на стоянке машину, и дальше мы отправились пешком. Обогнув кафе «Кавказ», оказались на Маршалковской, центральной улице города. Отсюда до Дворца рукой подать.

Смысл предупреждения относительно «попозже» я познал, когда, спустившись по лестнице глубоко вниз, словно в подвал, мы оказались в небольшом тускло освещенном помещении со столиками, которые почти все были уже заняты. Стюард, завидев Эдварда, провел нас к столику на двоих у самой сцены – предусмотрительный Эдвард, как я понял, частый клиент этого заведения, заказал его заранее, но от меня держал в секрете, уже потом я понял, он хотел преподнести мне сюрприз. Но главная неожиданность поджидала дальше. Едва расселись, как на сцене под бравурную музыку появились сразу три темноволосые красавицы с длиннющими ногами, обнаженной грудью с малюсенькими наклейками-лепестками на сосках и в том, что с большим натягом можно было назвать трусиками. Поверх плеч, правда, была наброшена вуалевая накидка, которая, однако, из-за прозрачности ничего не скрывала.

Женщины в тот период, когда я за ними активно ухаживал, всегда были для меня сложным кроссвордом, который я пытался разгадать. Проявляя повышенный интерес к особо понравившимся, я мысленно раздевал их, старался представить, что за таинство скрывается за блузкой, кофточкой, платьем или костюмом. Это таинство влекло меня, раззадоривало, возбуждало. А здесь это, так притягивающее, таинство, откровенно вылезало наружу. Говоря сегодняшним молодежным сленгом, я раскатал губу и, ничего себе не фантазируя, каюсь, впился глазами в самые желанные места для мужчин. Природный инстинкт нанес жестокое поражение моим правилам.

– Елки-палки, куда Эдвард меня привел, это же стриптиз. Удружил приятель, спасибо. Не дай бог, кто-то прознает – все,

хана, кислород перекроют, плакала заграница. Еще и строгача закатят по партийной, мол, неустойчив, поддался буржуазному растлению, тлетворному влиянию Запада. И не надо смеяться.

Вместе с раздираемым любопытством меня вдруг одолевало и некое чувство страха. Проникшая к нам из-за латинского бугра ламбада и та не сразу стала доступной, казалась чересчур сексуальной, за гранью приличия и вне всякой морали, особенно, когда партнер и партнерша в откровенных позах терлись друг о друга. Но она выглядела детским садом в сравнении с этим. Как это можно: стриптиз – в храме культуры, подарке самого товарища Сталина…

Покрутившись сначала меж столиками, а затем на шесте, пани, не смущаясь, сбросили с себя за ненадобностью и этот одежный минимум, остались в чем мать родила, и преспокойно, под восторженное улюлюканье отправилась за занавеску за сценой.

– Ну как? Понравились девочки? Хочешь познакомлю, они недорого берут, если что – я добавлю, – черт его знает, то ли Эдвард явно шутил, то ли подначивал меня. Но мне было не до шуток.

– Да успокойся, Михаил, – Вожняк догадался о моих терзаниях. – Скоро и до вас стриптиз доберется, нельзя же все время жить за захлопнутыми воротами.

Не то, чтобы я чувствовал себя таким запуганным, но железный занавес еще не до конца открылся. Тогда и на огромный рынок, что через мост по ту сторону Вислы, рядом со стадионом, хода не было. Чрево Варшавы, рай для спекулянтов, злачное место, нужно избегать такие. Долгий и нудный инструктаж перед выездом, как себя вести, не ходить по одному и т. д., не вылетал из головы. А на рынок тянуло, на те деньги, что нам меняли на злотые, всего 30 рублей, можно было по дешевке сторговать джинсы, пусть и самопалы, однако хорошо сшитые, поляки в этом деле мастера.

«В театр не попали, билетов не достали», – поется в оперетте «Белая акация». Так и я: на рынок не попал, джинсы не достал, а в Старе мясте (старом городе, историческом центре польской столицы) набрел на магазин посуды и приобрел столовый сервиз на 12 персон; до сих пор хорошо сохранившийся, он напоминает о том первом визите за кордон.

…Я собирал вещи, когда позвонил Эдвард: «Завтра уезжаешь, может, куда-нибудь сходим на прощание? Есть тут одно шикарное кафе в Лазенках».

– Кафе в следующий раз, если выпустят, а сегодня, может, была не была, двум смертям не бывать, еще раз окультуримся?

– О, пан прозрел. Звоню – заказываю столик.

Так случилось, что в следующий раз я попал на стриптиз спустя много-много лет в канадском Ванкувере. Все было красиво, доступно, девушки-чешки были столь же хороши, как польские, и все-таки он не произвел на меня такого впечатления, как тогда впервые в Варшаве во Дворце культуры и науки.

* * *

Мои мысли, мои скакуны. Все, стоп, скачки закончены. Пора менять тему.

Прикосновение к прошлому или эхо минувшей войны

Раннее июньское утро. Кто-то усиленно тормошит меня за плечо. Еле продираю слипшиеся от крепкого ночного сна глаза. Сквозь щелочки вижу склонившееся надо мной слегка румяное лицо деда, по которому расплылась добрая улыбка:

– Вставай, арпеус, пора.

Это он мне такую кличку придумал, а еще – арпенариус. Что это такое до сих пор не знаю, но на всю жизнь запомнил. К нему самому в домашнем кругу приклеилось – яичко – с ударением на «я», коллективное творчество гостей, не переводившихся в доме.

– Что, еще дрыхнет? – на помощь деду приходит бабушка. – Ваня, идем завтракать. Без него пойдем, пусть спит.

Бабушка – женщина боевая, с жестким характером, слово свое сдержит, одни уйдут. Они с дедом одногодки, оба в Гражданскую партизанили в Забайкалье, там и познакомились. После собрания, где деда в партию принимали, бабушка уже в ней состояла, на четыре года раньше вступила, до революции, еще в киевском своем подполье. Это когда дед служил рядовым в Преображенском полку.

Как без меня? Накануне только и разговоров было, что меня берут с собой, и я представлял, как гордо – на зависть дворовой ребятне – шагаю между ними. Брючки, белая рубашка, галстук наглажены; как раз перед Первомаем приняли в пионеры, я научился так завязывать его, чтобы узел был побольше, так, мне казалось, красивее.

Я сбрасываю с себя на пол одеяло – к неудовольствию бабушки, она не любит это, аккуратистка, все у нее разложено по местам, как положено.

– Мишка, собери постель, – слышу ее голос-приказ, – быстро умываться и за стол.

Успеваю глянуть в окно, небо заволокло, по стеклу стекают тонкие струйки, дождь мелкий-мелкий.

Дед уже при параде – генеральский мундир в орденах: три Ленина, Кутузова I и II степени, это я точно помню, а еще куча медалей. Бабушка в коричневом вязаном костюме, тоже при наградах, седые волосы красиво уложены. Вот так в свой Сокольнический райком партии она ходит на работу.

24 июня 1945 года. Мы идем на Красную площадь на Парад Победы. Сколько лет хранил я эти пропуска, в которые каллиграфическим почерком были вписаны имена деда –

Барсуков Иван Антонович и бабушки – Шлаен Роза Ильинична, как самую драгоценную реликвию, и так и не уберег, куда-то пропали. На меня пропуск не требовался, только каждый раз, пока мимо Боровицких ворот, а затем по Кремлевской набережной мы добирались к своим местам на гранитных трибунах между Спасской башней и Мавзолеем Ленина, на каждом милицейском кордоне, когда проверяли документы, спрашивали: «Ваш внук? Проходите». И отдавали честь – деду.

Идти-то всего-ничего, может, километр с хвостиком, но для деда это целое расстояние, потому и вышли заранее. Часто останавливаемся. Нет, даже не одышка – ноги. Заболели сильно, после того, как перед самой войной в санаторий укатил. До него все было нормально, сколько он со мной возился на Патриарших прудах, где они раньше жили. Как там его в этой здравнице лечили?.. Одно лечат, другое калечат.

Какой с меня, тогда второклассника, рассказчик про тот парад? Что-то, конечно, ухватил детской памятью – как Жуков выезжал на белом коне из Спасских ворот, а навстречу ему Рокоссовский, тоже на лошади, только не на белой, строй войск, как швыряли немецкие знамена к подножью Мавзолея. Сталина видел, когда он обернулся в нашу сторону и помахал приветливо рукой. Каждый, кто был по эту сторону Мавзолея, наверное, воспринял это приветствие, как обращенное именно к нему.

(Спустя годы, когда стал постарше, сколько раз я видел Рокоссовского не верхом на коне, а пешком проходившего мимо нашего дома. Их немало – с большими маршальскими звездами на погонах и звездами поменьше – неторопливо шли мимо, направляясь с улицы Фрунзе, из здания Министерства обороны, в «Кремлевку», поликлинику на углу улицы Грановского и Калининского проспекта. Но почему-то они не так мне врезались в память, разве что Ока Иванович Городовиков, благодаря своим кавалерийским буденновским усам, а вот Константина Константиновича запомнил. Высокий, статный. Мы, ребятня, замирали, провожая прославленного маршала восхищенным взглядом…)

Рядом на трибуне стояло еще несколько человек в генеральской форме. Еще только когда пришли, дед за руку поздоровался с каждым. И бабушка – тоже, ей даже кто-то из них цветы подарил. «Вместе с Ваней работают», – шепнула она мне на ухо. Когда по площади двигалась боевая техника, они невозмутимо наблюдали за ней, лишь перебрасывались между собой какими-то редкими, понятными, наверное, только им, фразами. Откуда мне знать, что они ко всему этому – пулеметам, пушкам, гаубицам, минометам, танкам имеют прямое отношение.

Что дедовы сослуживцы, эти дяди с орденским иконостасом на кителях – и есть руководство таинственного министерства вооружения. Через три года мне доведется снова увидеть их, но уже без парадной амуниции – на квартире, когда они придут поздравлять Ивана Антоновича с 50-летием.

Хорошо помню тот день, он глубоко врезался в память. Они плотно уселись за большой круглый стол посредине комнаты, откуда вся панорама Кремля как на ладони, и начинались воспоминания. Не на сухую, конечно. Русские же мужики. «Столичная» и «Московская» со знаменитыми, подзабытыми сейчас, этикетками украшали праздничный стол вместе с обильными закусками – под стать тем, что красовались на цветных фотографиях в «Книге о вкусной и здоровой пище» в твердом коричневом переплете с золотым тиснением названия. Жаль, куда-то подевалась эта книга, сегодня она точно раритет. Но больше всего нравились, шли нарасхват домашние румяные пирожки с капустой и картошкой. Хорошо, что напекли их не одну сотню… Я сам уплетал их с преогромным удовольствием.

– Дед у тебя настоящий волжский богатырь, гордись им, – поглаживал меня по голове один из гостей. – Подрастешь, узнаешь, как много сил он отдал, чтобы мы победили в войне.

Когда гости ушли, бабушка мне сказала, что этого дядю зовут – Дмитрий Федорович, он дедушкин начальник. Мне, одиннадцатилетнему, это имя ни о чем не говорило. Что это был сам Устинов, будущий маршал и министр обороны, узнал значительно позже. А в те годы он был министром оборонной промышленности, дед – его заместителем. Каждый раз, когда отмечается очередная годовщина нашей великой Победы, я стараюсь вспомнить имена этих людей, которые в тылу эту Победу обеспечивали. Заслуженные люди, только орденов Ленина на всех у них было, наверное, под полсотни. Постараюсь вспомнить и сейчас, не всех удастся, только тех, кто был у меня на слуху, так что не обессудьте. Василий Михайлович Рябиков, Владимир Николаевич Новиков, Горемыкин, Агеев, Лобанов, Мирзаханов, Ветошкин, Тропкин, Домрачёв… А Борис Львович Ванников, которого Устинов сменил на посту наркома, а самого Ванникова перебросили рулить наркоматом боеприпасов, вообще жил через стенку, в соседнем подъезде. И Николай Павлович Карасев, еще один зам Устинова, обитал здесь, и Лазарев, директор завода в Подольске, Савченко и многие другие ведущие спецы из оборонки. По воле товарища Сталина они переехали сюда, в трехэтажную надстройку в старинном доме, что рядом с Боровицкими воротами, буквально в канун войны. Дед с бабушкой до этого жили на Патриарших прудах, вообще по

соседству с наркоматом. Но вождю захотелось его руководство приблизить к Кремлю. Одни поселились здесь, в переулке напротив знаменитого Дома Пашкова, другие на Чистых прудах.

Сам дед пришел в эту отрасль еще до войны, сначала начальником управления, и курировал производство оружия и техники для нужд армии в Туле, Коврове, Ижевске. Позади были долгие годы работы главным механиком на ЗиСе. Дружил с легендарным красным директором Иваном Алексеевичем Лихачевым. Производство, цеховая атмосфера были его стихией, он чувствовал себя здесь своим – с 17 лет, как, после окончания ремесленной школы, стал за токарный станок в своем родном Мелекессе, что в Ульяновской области. Потом были рабфак, ВТУЗ. Глубокий исследователь истории родного края Валерий Гордеев в книге «Бери и помни мелекесские истории» пишет, что не без участия Ивана Антоновича был положительно решен ставкой вопрос об эвакуации автозавода в 1941 году из столицы в Ульяновск. Благодаря земляку, подчеркивает далее писатель, ульяновские авто– и моторный заводы – детища московского образца и сегодня наиболее стабильные предприятия в области.

Есть на Волге утес, а есть и этот небольшой город Мелекесс со своим укладом жизни и самобытностью. Однажды мне посчастливилось побывать в нем – когда в Ульяновске проводился турнир по хоккею с мячом. Мелекесс напротив, через Волгу, на берегу Куйбышевского водохранилища, попали как раз на широкую масленицу, уж нас там покатали на тройках с бубенцами и блинами от пуза накормили. Славный городок. Эх, задержаться бы тогда в нем на денек, навестить семью родной сестры деда. Самой Прасковьи Антоновны уже не было в живых; троих ее сыновей-фронтовиков разбросало по стране, старший, Федор, обосновался в туркменском Небит-Даге, младший, Дима, в Воронеже, в Мелекессе остался лишь средний, Костя, заядлый охотник. Они не часто наезжали в Москву, особенно Прасковья Антоновна, но когда выбирались, на мне лежала почетная обязанность встречать их на Казанском вокзале и сопровождать в прогулках по Москве. Любимым местом для Прасковьи Антоновны был Новодевичий монастырь. Ходить ей было тяжело, в войну застудила ноги, и мы медленно, несколько раз, объезжали его на машине. Грязновато было, на месте болота строились Лужники.

Как-то я стал свидетелем, как Костя, автомеханик по профессии, спросил Ивана Антоновича:

– Дядя Ваня, вот вы, когда работали на ЗиСе, к Форду в Америку ездили. Как там?

Я тогда не мог оценить ответ, всю его глубину, а ведь он

затрагивал, переносился на всю производственную цепочку, в которой нет мелочей, в том числе и бытовых: «У них абсолютно чистые туалеты…»

Сделаю здесь небольшое отступление и порассуждаю о родстве, родственных связях. Формально, схематично они выстраиваются строго последовательно, как того требует генеалогическое древо жизни. Но сама же жизнь нередко эту последовательность размывает реально складывающимися взаимоотношениями внутри каждой семьи. Своих детей – так уж сложилось: Гражданская война, тяжелая контузия, непростые тридцатые, война – у Ивана Антоновича и Розы Ильиничны не было, и всю свою нерастраченную родительскую любовь они перенесли на моего отца, родного племянника Розы Ильиничны. Он был у них за сына, фактически они его и вывели в люди. Потому они для меня дедушка и бабушка. А я в домовой книге так и был записан – внук.

Мелекесс теперь это Димитровград. Заглянул в Википедию, когда писал эти заметки. Конечно, мне человеку, много лет связанному со спортом, приятно, что отсюда известные атлеты штангист Юрий Захаревич, пловец Станислав Донец, боксеры Сергей Казаков и Евгений Судаков, что здесь родились сын Чапаева Аркадий, солист группы «Руки вверх» Сергей Жуков и Аполлон Сысцов, бывший министр авиационной промышленности. Вот только имя деда, к сожалению, не увидел. Может потому, что, как полагает писатель Гордеев, Ивана Антоновича до сих пор считают не только самым именитым генералом среди мелекессцев, но и самым секретным. Эх, давно пора, наверное, снять этот гриф.

Сам дед неохотно рассказывал о себе, тем более о военных годах. Уже после смерти деда от Любови Яковлевны Думновой, его многолетней и верной помощницы, умницы, женщины с золотыми руками, услышал, что с началом войны он занимался эвакуацией заводов на Восток и скорейшим их пуском на новом месте, в одном Златоусте несколько месяцев пробыл, пока не наладилось дело. Ничего я не знал и про квартирный телефон, что стоял на столике в прихожей, удивлялся лишь, что его номера нет ни в одном открытом справочнике. А про то, что он прямой линией был связан с Кремлем, а потому и засекречен, услышал много позже от бабушки, уже когда заканчивал школу. Что-то ее прорвало, и она вдруг разговорилась, вспомнила один случай, рассказывала она о нем с ужасом, хотя времени прошло достаточно, раньше раскрыть ту тайну было нельзя. Позвонил Берия. Трубку сняла Мария, домработница, в семье она была своей, настолько сжилась с хозяевами за многие годы.

– Мне Барсукова, – прошипел голос в трубке, – это Берия.

– Какая Берия? Звони позже. Спит Иван Антонович, не буду будить, только что заснул, час, как вернулся с работы. Ой, господи, погодите.

Спохватилась, видимо, до нее дошло, кто звонит, и побежала за дедом.

– Иван Антонович, вставайте, Берия звонит, а я, дура безмозглая, не то ляпнула. Ой, что теперь будет.

Ничего не было. Посмеялись, когда дед сказал, что это домработница, и она прекрасно варит щи и печет пирожки с капустой.

– Пригласи, когда в следующий раз сварит, с удовольствием попробую.

Я до сих пор ощущаю вкус Марусиных щей во рту.

С работы дед приезжал не раньше трех ночи, а то и под утро, все так работали, а уже в одиннадцать министерский водитель Виктор поджидал его у подъезда на «эмке», чтобы везти на Маяковку. Приходилось приспосабливаться к режиму вождя, как мне, повзрослевшему, объяснила все та же Любовь Яковлевна Думнова. Она жила в соседнем подъезде, над Ванниковым, и нередко в выходной заглядывала в гости. Втроем они разгадывали кроссворд в «Огоньке», аккуратно приходивший в воскресенье утром (доставать журнал из почтового ящика на первом этаже поручалось мне), а между делом ударялись в воспоминания о войне. Кроме тех городов, которые я уже назвал, звучали еще и Молотов (ныне – Пермь), и Куйбышев, еще какие-то, вылетело из головы. И новые для меня имена: Сергей Кириллович Медведев, Борис Михайлович Пастухов, Александр Эммануилович Нудельман, Руднев Константин Николаевич. Кто они были, до поры до времени мне было неизвестно, узнал спустя годы, что в войну директорствовали на оборонных предприятиях. Руднев потом как зампред Совмина возглавлял Госкомиссию, которая провожала Гагарина в космос, а под началом Нудельмана и Медведева мне довелось поработать после окончания института.

Любовь Яковлевна, когда деда схоронили, культ личности разоблачили, и можно было, наконец, свободно вздохнуть и рассказать правду, рассекретила ту загадочную историю с лечением Ивана Антоновича в санатории, после которой ему стало тяжело ходить. Бабушка отчего-то не решилась, продолжала держать ее в тайне, как и свое дореволюционное прошлое, и комиссарство в Забайкалье.

Санаторной палатой на самом деле оказалась тюремная камера, куда еще вместе с кем-то из руководства наркомата

упрятали буквально накануне нападения на нас гитлеровской Германии. Но еще раньше, по надуманному обвинению, был арестован Ванников. Его обвинили, как он сам потом говорил, «во всех тяжких преступлениях» и держали в одиночке. Ничего о судьбе своих помощников и сослуживцев он не знал. Война началась, а командование оборонкой было оголено. Лишь в июле – сначала Ванникова, а следом он вызволил остальных – всех выпустили, наказав свидетельствовать – ничего лучшего не придумали – о пребывании на курорте для укрепления здоровья. Подправили здоровье… Ноги перебили, ребра переломали. Знал Сталин или нет обо всем этом – загадка, которую теперь уж не разгадать. Возможно, и знал и выжидал, а быть может, ему сразу боялись сообщить. Не знаю, что случилось с бабушкой, из нее лишнее слово не вытянешь, та еще была партийная закалка, выработанная дореволюционным киевским подпольем. А тут, черт его знает, какая муха ее еще раз укусила, как тогда с рассказом о звонке Берия, но однажды, возвращаясь из «кремлевки», спецстоловой в знаменитом Доме на набережной, куда она была прикреплена как старая большевичка (была еще и другая, на улице Грановского), она вдруг выдавила из себя, как деда, еле волочившего перебитые ноги, вызволили из камеры, долго вели по извилистым тюремным коридорам и затолкнули в душ. Ну, все, думал он, расстрел. После мытья ему принесли свежее полотенце, чуть ли не махровое, белье и… костюм, в котором арестовали. Снова долго шли длиннющими коридорами, пока не доставили в сопровождении конвоиров на КПП, а затем дед оказался на улице, где его поджидала машина, которая отвезла на работу в наркомат. Оттуда он позвонил домой, сообщил, что вернулся из санатория, мол, все в порядке, не волнуйтесь…

В настоящем санатории деда я помню лишь однажды, в Барвихе, где-то в конце сороковых. Укатил туда под сильным нажимом врачей из Кремлевки, однако лечению ног там мало что помогло. Несмотря на строжайший запрет, с бабушкой мы его однажды навестили, вызвав явное недовольство. У входа в санаторий столкнулись с плотного телосложения мужчиной с густыми, цвета угля, усами. «Это Георгий Димитров, болгарский вождь», – шепнула мне на ухо бабушка. Еще бы знать мне тогда, кто это такой.

Как видите, кое-что все-таки я о деде и изложил – и сейчас, и в книге «Я и ТЫ», которую мы написали вместе с моей женой Ольгой Приходченко. (О ее деде, старшине-моряке Павле Антоновиче Приходченко, вы тоже здесь прочтете. Тоже героический был человек).

Но хочется, чтобы о деде узнали больше, поэтому я отсылаю читателей к мемуарам людей, с кем он был рядом в самые тяжелые годы, – Дмитрия Федоровича Устинова и Владимира Николаевича Новикова.

В. Н. Новиков, бывший замнаркома вооружения, а затем – замминистра оборонной промышленности, в своей книге «Накануне и в дни испытаний» пишет, что когда он был главным инженером завода в Ижевске, которое среди оборонных предприятий считалось одним их первых, к ним часто стал приезжать из наркомата начальник главка Иван Антонович Барсуков. «Беззаветный труженик, очень любивший технику, он раньше двух часов ночи с завода не уезжал. Постоянно бывал в цехах. Если я говорил о наших трудностях, узких местах, Иван Антонович сразу решал, как выйти из положения. У Барсукова была особенность, над которой мы между собой подшучивали. В острой ситуации он, взъерошив волосы, почти серьезно говорил: – Ты знаешь, Владимир Николаевич, если мы этот вопрос не решим – тюрьма. Барсуков очень любил рассказывать о своей прошлой работе, особенно у Лихачева, на автомобильном заводе в Москве, когда это предприятие еще строилось. Там он был главным механиком. Вспоминал, как вел совещания Иван Алексеевич Лихачев. Задержалась установка пресса, вопрос: «Кто виноват?» Ответ: «Не успел главный механик». Лихачев, глядя на Ивана Антоновича, говорит: «Объявляю за это выговор». Барсуков уточняет: «У меня, Иван Алексеевич, уже девять выговоров записано». Лихачев тут же решает: «Девять выговоров снять, а десятый объявить». И. А. Барсуков мне нравился заботой о деле, ответственным отношением даже к самому маленькому вопросу, требовательностью… Особенно много выездов на заводы было в период эвакуации и организации производства на новых местах… И. А. Барсуков три месяца не покидал район Златоуста».

Д. Ф. Устинов: «Главные вопросы деятельности отрасли решались коллегией наркомата, которая аккумулировала в себе коллективный опыт и знания его руководящих работников. Члены коллегии – заместители наркома В. М. Рябиков, И. А. Барсуков, И. А. Мирзаханов, Н. П. Карасев, начальники ведущих главков и техотдела несли ответственность за состояние дел на конкретных участках и направлениях работы отрасли».

Освоение производства нового образца оружия – одна из трудных задач. Однажды на Ковровском заводе случилась задержка с выпуском противотанковых ружей Дегтярева. Каким-то образом это дошло до Сталина, естественно, от вождя последовал нагоняй. Устинов поручил деду взять это, можно считать, «расстрельное», дело под особый контроль.

«Для оказания помощи заводу оборудованием, вспоминает далее нарком, в Ковров в соответствии с постановлением ГКО в однодневный срок были доставлены из Москвы сто пятьдесят токарных станков разных типов. Для общего руководства… в Ковров выехал И. А. Барсуков.»

Дед с честью выкрутился из сложного положения, о чем незамедлительно было доложено вождю, а Устинов нашел добрые слова о своем боевом заме: «Иван Антонович Барсуков, работая главным механиком Московского автозавода, а затем заместителем наркома вооружения, показал себя хорошим организатором. Человек исключительной скромности, он, когда этого требовала обстановка, был и настойчив».

И сколько еще раз – это уже снова земляк деда писатель Валерий Гордеев – генерала Барсукова бросали в «сталинские прорывы»: исправлять поломки в снайперских винтовках, перестраивать технологии металлургических производств, помогать Ворошилову «исправлять» недостатки пушек для танков и САУ, выбивать сверхплановые пушки для генерала Конева перед наступлением…

А эта, начатая еще до войны, эпопея с самозарядными винтовками, когда из Кремля поступило указание перейти полностью на их выпуск и прекратить производство винтовок системы Мосина. А ведь был отрицательный опыт во время финской войны. Бойцы с малым сроком военной подготовки терялись при любой неполадке в «самозарядке» и требовали вооружить их мосинской, очень простой в обращении. К доводам специалистов из наркомата созданная по этому поводу правительственная комиссия не прислушалась. Вынесенный вердикт гласил: заказ (заводам) дать только на самозарядные винтовки. Узнав об этом, вспоминает В. Н. Новиков, заместители наркома Василий Михайлович Рябиков и Иван Антонович Барсуков сочли решение крайне ошибочным и настойчиво высказались за то, чтобы Борис Львович Ванников опротестовал его немедленно, пока оно еще не оформлено официально.

Б. Л. Ванников вспоминает: «В. М. Рябиков и И. А. Барсуков возобновили атаки на меня… настойчиво предложили мне обратиться к Сталину. Я не решался, но все же позвонил И. В. Сталину. В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, оставшиеся рядом со мной, с волнением ждали, что ответит он на просьбу принять меня по вопросу о заказе на винтовки. Сначала Сталин сказал, что уже в курсе дела и согласен с решением комиссии. В. М. Рябиков и И. А. Барсуков знаками настаивали, чтобы я изложил по телефону свои доводы. Сталин слушал. Потом он сказал: – Ваши доводы серьезны, мы их обсудим в ЦК и через

четыре часа дадим ответ. Мы не отходили от телефона, ждали звонка. Ровно через четыре часа позвонил Сталин. Он сказал: – Доводы наркомата вооружения правильны, решение комиссии Молотова отменяется». По словам В. Н. Новикова, Ванников часто возвращался к тому дню и думал: «А что, если бы Новиков, Рябиков и Барсуков не предприняли столь упорного нажима на меня?» С началом Великой Отечественной войны завод в Туле, выпускавший «самозарядки», был эвакуирован, и ему требовалось время, чтобы на новом месте наладить производство. А если Ижевский завод, подчинившись решению комиссии, снял бы с выпуска мосинскую винтовку – вообще беда. Ни одного винтовочного завода – и это в такой трудный для страны период. Нетрудно представить, чем это могло в итоге обернуться.

Нет, я определенно горжусь дедом, что он был в числе тех, кто предотвратил такое развитие событий.

Однако я как-то упустил из вида бабушку. Разве можно было предположить, что, провожая в конце мая сорок первого меня с мамой на Украину, на самую западную границу (мы ехали навестить отца, он служил там после финской кампании, в которой командовал саперной ротой), можем больше не увидеться. В такой переплет попали в первые же часы войны. Сама Роза Ильинична ни за что не хотела покидать Москву, забурлило забайкальское комиссарское прошлое и боевитый характер большевички с дореволюционным стажем, даже в ополченцы рвалась. Остудили отправкой вместе с другими райкомовскими на строительство оборонительных сооружений на подступах к Москве, на Ленинградском шоссе. В конце концов, она подчинилась деду, эвакуировалась на Урал, в Молотов, вместе с другими наркоматовскими семьями. Но уже в сорок втором вернулась обратно.

Ну а мы с мамой, волею судьбы и обстоятельств, оказались в Грузии. Бабушка нашла нас там только в середине сорок третьего года, порадовав известием, что предпринимает все усилия, как бы быстрее возвратить нас назад. Письма от нее приходили редко, видимо, не так-то просто было доставлять их на Кавказ. Как они там с дедом, мы узнавали из весточек отца. До фронта письма из Москвы долетали.

* * *

Отец к Параду Победы в Москву, к сожалению, не поспел, задержали дела в части. Он обозначил их работой, а что за работа у саперов/минеров известно. Я написал ему, что видел. И про то,

как 9 мая с ребятами прорывались на Красную площадь, благо все лазейки, проходные дворы знали. С Манежной площади не смогли, зашли с Дзержинки, через Большой Черкасский переулок и улицу Куйбышева, ныне Ильинку. И еще в моих детских военных воспоминаниях того времени – Садовое кольцо, как по нему гнали пленных фашистов. Я захлебывался в впечатлениях, рассказывая об этом деду с бабушкой, а заработал нагоняй – как посмел один, никого не предупредив, идти туда, к Земляному валу. А я был не один, с ребятами из нашего двора.

Дед из-за болезни вынужден был оставить работу, и умер совсем молодым – в 59 лет. Ехал один с дачи на партсобрание в министерство, уже дома ему стало плохо, скорая опоздала… Оторвался тромб, умер на руках моей мамы. Он похоронен на Новодевичьем кладбище. Не ведаю, была ли действительно его воля, как утверждала бабушка, но дачу с большим участком в Быкове, на которой он успел пожить всего три лета, она подарила государству под детский дом. Зиновий Дашевский, сосед по дому, далеким теперь уже по времени телефонным звонком обрадовал меня, когда взволнованным голосом сообщил: ездил к друзьям в Быково и видел на детдоме мемориальную доску с выгравированным на ней соответствующим текстом, сочиненным бабушкой. К сожалению, ушло то время, а с ним и доска исчезла. Вот так мы храним память…

Бабушка пережила деда на 24 года и схоронена вместе с ним. А ведь могло быть все наоборот, ее еле спасли еще в тот год, на который пришлось их с дедом 50-летие, сорок восьмой. Сложнейшую операцию на сердце ей делал сам Бакулев. Что скрывать: как русские люди, когда бабушку выписали из 1-й Градской, они с дедом по-русски и выпили под Марусины щи и пирожки с капустой. Бабушке было разрешено лишь пригубить глоток вина, портвейна «три семерки».

Я хожу по квартире, где каждый уголок – напоминание о них. Вот за тем самым большим круглым столом на Первомай и в годовщину Октября ровно к четырем часам обязательно собиралась большая компания друзей дома. «Яичко» (с ударением на «я») во главе праздничного стола в любимой темно-синей рубашке. Здесь стоял диван, на котором я спал, а тут пианино, купленное специально для меня, но я так и не научился играть, о чем сейчас очень сожалею. Как и о том, что куда-то после ремонтов подевался тот «кремлевский» телефон, столик остался, а того аппарата нет. Номер его рассекретили и внесли в общий городской справочник. Выхожу на балкон, откуда вместе с дедом и бабушкой столько раз наблюдал за праздничными салютами и повисшими в ночном московском небе, разрезаемыми лучами

мощных прожекторов, дирижаб лями с портретами вождя и его ближайших соратников (эх, знать бы тогда всю истину того противоречивого времени).

И мысленно сам салютую им обоим.

9 мая я с женой Ольгой обязательно на Новодевичьем кладбище. Центральная аллея, четвертый ряд направо. Низкий поклон и спасибо за все. Так и хочется воскликнуть, нарушая привычную тишину: «Гром Победы раздавайся!»

* * *

Вот как ведь бывает. Я давно хотел лично познакомиться с Юрием Захаревичем – и в бытность его спортсменом, олимпийским чемпионом по тяжелой атлетике, на счету которого был 41 мировой рекорд (больше устанавливали только Василий Алексеев и Давид Ригерт), затем тренером, президентом Федерации этого вида. Однако что-то не складывалось. Но вот форум ветеранов-олимпийцев. Получив приглашение от главы Российского союза спортсменов Галины Евгеньевны Гороховой, всемирно признанной примы фехтования, трехкратной олимпийской чемпионки, на банкете за столом я соседствую со знаменитыми волейболистками и крепкого телосложения человеком средних лет в твидовом пиджаке. Очередь для тоста доходит до нашего стола и ведущая форума дает ему слово, представляет: Юрий Захаревич.

Я даже подпрыгнул от неожиданности: вот это да, как же я его не узнал! Когда Юрий закончил, я наклонился к нему и спросил: «Вы из Мелекесса?» Теперь пришла очередь удивляться Захаревичу – это я прочитал по его глазам и резко вскинутой вверх голове.

– Да. Но почему вы не сказали – из Димитровграда, а именно так – из Мелекесса?

– Потому что Мелекесс мне ближе, мой дед родился в Мелекессе.

– А кто ваш дед?

Я рассказал ему. Даже о том, что в санатории, где дед лечился, видел Георгия Димитрова, в честь которого назван ныне Мелекесс. Захаревич заметно оживился, тоже был поражен, что в Википедии в перечислении знатных людей города нет упоминания об Иване Антоновиче Барсукове.

– Днями я еду туда, люблю рыбачить зимой, на вездеходе с утра отъезжаю от берега километров на десять и сижу, пока не стемнеет. Кайфую. Не столько от выловленной рыбы, сколько от

самого процесса. А в наш краеведческий музей обязательно загляну, и в мэрию. Я почетный гражданин Димитровграда, и ваш дед тоже должен быть им, он заслужил, он гордость города.

Человек-теплоход «Старшина Приходченко»

Ну, вот пришло время и про деда Ольги, моей жены, рассказать, Павле Антоновиче Приходченко, он достоин того, а еще, как видите, у него с моим дедом и отчество одинаковое. И вообще, на склоне лет больная для меня военная тема вытесняет нередко спортивную. Я посчитал: те четыре страшных года сократили нашу большую семью на 16 человек. Кто не вернулся с фронта, кто был расстрелян или сгинул в концлагерях.

Судно это «Старшина Приходченко» ходило по Черному морю как грузо-пассажирское, приписанное к ялтинскому порту. Весной и летом оно брало на борт отдыхающих, жаждущих насладиться красотой местного прибрежья или широкими водными просторами под ласковыми лучами южного солнца. Осенью же и зимой резко меняло свои задачи, превращаясь в сухогруз. И все это, говоря техническим языком, благодаря переоборудованию по проекту № 2801 ЦПКБ-3. Собственно, у него не было даже названия, в строгом морском регистре оно значилось именно так. Между тем, если покопаться в истории и заглянуть в его паспорт, то построенное в 1959 году оно сошло со стапелей Ильичевского порта как теплоход «Ильичевск», а спустя два года его переименовали в теплоход «Старшина Приходченко». И этим Ольга очень гордится, и я часто слышу от нее рассказ, чем дед заслужил такой чести.

Но для начала немного из его биографии. Рожденный в тогдашнем новороссийском крае, в Гурзуфе в 1896 году, он в десять лет был принят в найм к помещику Бекетову, а, едва исполнилось четырнадцать, сбежал от панских пут и кнута. И куда? Юнгой на судно какого-то грека. Там тоже хорошо учили, спина не заживала, зато морское дело, будучи фактически неграмотным, изучил досконально, знал с закрытыми глазами. Когда в 1914 году мобилизовали, то отправили служить в 134-й Феодосийский полк. Первая мировая война принесла деду чин младшего командира, два серьезных ранения и… три Георгиевских креста. Свой послужной список он расширил после революции, которую принял сразу и бесповоротно, пополнив его взятием Перекопа, в боях за который опять был тяжело ранен и отправлен на лечение в Одессу. Здесь деда и настигла стрела амура в лице бабушки Ольги. Не смог устоять от взгляда ее голубых глаз, обрамлённых густыми ресницами, они навсегда покорили молодого солдата, а еще косы толщиной с кулак,

которые как корона красовались на голове симпатичной девушки.

В Одессе Павел Антонович сначала восстанавливал разрушенный гражданской войной порт, но его тянуло в море, и он стал старшиной самоходной баржи. Рейс за рейсом – и акватория Черного моря и рек, в него впадающих, изучены, как свои пять пальцев.

С короткой биографической прелюдией все. Теперь о той тяжелой поре. Великая Отечественная война застала всю семью, трудившуюся вместе с дедом на той самой барже, в Вилково. Из Дуная выходили под непрерывным обстрелом вражеской артиллерии, в основном ночью, не зажигая огней. В Одессу пришли только 28 июня. Вся баржа была в пробоинах, но ни груз, ни плавсостав не пострадали. Несколько дней на ремонт – и в боевой строй на защиту города. Затем последовал приказ взять на борт его баржи № 317 десант и высадить его в Феодосии. Едва вернулся к месту дислокации, как очередное боевое задание: подготовиться к высадке десанта теперь уже в Керчи. А наступил уже декабрь, очень холодный, со штормовыми ветрами, и вообще та первая военная зима выдалась настолько суровой, что даже старожилы не могли припомнить, когда случалось подобное. Тем не менее, приказ был выполнен, и не один, а друг за другом три десанта доставила к месту тяжелых боев за Керчь дедовская баржа. Последний раз причалить как можно ближе к берегу не смогли, пролив уже прочно сковал лед, баржа так и застряла в них, пришлось под огнем немцев добираться до берега ползком. Осколками разорвавшегося снаряда Павла Антоновича ранило в грудь, руки, голову. Хорошо, что его заметил один из наших самолетов, прикрывавших высадку десанта с воздуха, и подобрал со льдины. Снова госпиталь, несколько сложнейших операций. В Одессу он вернулся вместе с войсками, освобождавшими город, и первым делом – в порт. Участвовал в его разминировании на суше и на море, первым в пароходстве удостоился ордена Ленина. Ольга гордилась, что все дедушку уважают, для нее он самый крупный и красивый из всех мужчин в морской форме.

Уйти бы деду на пенсию, которая ему была положена, как инвалиду войны, а он напросился, практически с нуля, на строительство Ильичевского порта. Место, выбранное для него, было не то, что для Одесского, где бухта удобная во всех отношениях, клятое место. Всё, что за день сделают, море за ночь размоет, так и бодались с природой. Но и этот бой он тоже выиграл, правда, ценой собственной жизни. Бой оказался для него последним: в августе 1959 года Павел Антонович скончался, а было ему всего 61 год. Спустя два года Павел Антонович словно отправился в символический рейс, когда было решено назвать его

именем то самое судно.

Эта весть, как гром среди ясного неба, обрушилась на всю ее семью. Первым ее узнал родной дядя Ольги Леонид Павлович, сын Павла Антоновича. Инициатива исходила от портовиков, участников Великой Отечественной войны. Ур а! Дедушка снова выйдет в море. Все плакали от счастья – бабуля, мама, Ольгина старшая сестра Алла. Дома такой аврал поднялся: событие-то какое, надо собрать гостей, отметить по-одесски. И как отметили! С широтой той души, которая была у деда.

Вначале «Старшина Приходченко» ходил по Херсонской, Измаильской и Николаевской линиям, а затем «перебрался» в родные одесские черноморские просторы как прогулочный теплоход. И какой популярностью он пользовался у одесситов и гостей города!

Наверное, так и продолжал бы курсировать до 16-й станции Большого Фонтана, но случился август 1991 года, и судно вдруг исчезло в мутных волнах того времени. И неожиданно обнаружилось в Ялте. Тоже символично, конечно, – в Крыму ведь дедушка родился, стал моряком. Все бы ничего, пусть привязка иная, если бы по-прежнему оно разрезало черноморские волны как «Старшина Приходченко» Но убрали имя деда на судне, стерли память о нем. И оттого Ольге жутко обидно.

Ей долго не удавалось выбраться в Крым, чтобы самой отследить судьбу судна, тому были разные причины. Но вот, наконец, мы с ней оказались на отдыхе в санатории в Гурзуфе, на родине Павла Антоновича, и, естественно, отправились на поиски, чтобы, в конце концов, прояснить ситуацию. Прояснили, лучше бы этого не делали… В Ялтинском пароходстве выведали, что судна уже нет, отогнали его, безымянное, сначала на самый дальний причал, а затем, после длительного стояния на «приколе», и вовсе разрезали на металл. И никто о его боевом прошлом и не вспоминает. Мы с Ольгой это сделали, в ближайшем ресторане на ялтинской набережной махнули по чарке водки. На закуску заказали луфарь, бычки и барабульку, которые, как сказала Ольга, дед просто обожал, домой таскал столько, что бабушка еле успевала их жарить по своему рецепту, секрет которого не раскрывала даже близким подругам.

– Придется подождать, в наличии нет, зато сейчас будут свеженькие, только из моря, правда, бычки не обещаю, – предупредил нас официант. Он удалился, подозвал какого-то парня, что-то ему быстро нашептал, мы поняли: послал гонца к рыбакам на пирсе.

А мы и не спешили. Время обеденное, солнце приятно припекало, но излишнюю теплынь остужал легкий ветерок.

Интересно было наблюдать и за людьми. Осень, начало октября, вроде бы народ должен разъехаться, да какой там. Лето, неожиданно даже для крымчан, не сдавалось. Пляж полон, на набережной не протолкнуться. Магазины нараспашку, в них все, что душе угодно, даже дорогие шубы и меховые куртки. Зачем они здесь? Ах да, заботятся о северянах и сибиряках, прикупят перед возвращением домой, у них-то уже жесткий минус.

Всенародно признанный напиток, которым мы помянули деда, раскрепостил Ольгу, оторвал от грустных мыслей, да и вся атмосфера вокруг, теплая южная, красивый парк, напоминала ей родную, одесскую и, я чувствовал, настраивала на разговор о ее обожаемом городе. Наверняка не обойдется без очередного упоминания о знаменитом Привозе с его свое образным, разбавленным сочными местными шутками-прибаут ками напополам с анекдотами, настоянными на горючей смеси населявших город десятков национальностей языком, что придавало особый шарм. Я сам, когда бывал в Одессе, специально приходил на Привоз или Новый рынок, а еще в сквер к памятнику Воронцову, чтобы насладиться этой языковой палитрой, схожей с музыкальной полифонией.

Ольга действительно разговорилась, однако я услышал такое, чего, честно, совсем не ожидал. Перескажу по памяти, не ручаюсь, что слово в слово, но по смыслу близко. А начала она с того, что напомнила мне, где деда с его баржей застала война. Вилково, устье Дуная, рядом Измаил, укрепленные крепостные бастионы которого штурмом, заставив турок бежать, брали доблестные русские богатыри. С тех пор за землей этой закрепилось название – Новороссия. Своими высочайшими указами так повелела русская императрица Екатерина Вторая. Быть тому на Юге России!

Но кому исполнить сию государеву волю? Такой человек был. Свой, коренной национальности, который во всем этом принимал самое активное участие и роль которого или искусственно принижена, или упрятана за спины более, как кому-то видится, достойных. Вокруг его имени и по сей день разгораются жаркие споры, иные и сейчас считают это имя нарицательным, свидетельством обмана и пыли в глазах, застилающих истину.

Когда граф Безбородко представил Екатерине Второй перечень деяний на Юге России за 19 лет ее правления, в нем значилось: устроено губерний по новому образцу 29, побед одержано 78, замечательных указов издано 88, указов для облегчения народа 123. 144 вновь построенных города, благодаря чему население в крае за 35 лет увеличилось с 19 миллионов до 36.

Я обалдел, когда Ольга, не запинаясь, произнесла наизусть все эти факты и цифры; она потом по моей просьбе повторила, и я записал, перепроверять не стал, полностью доверившись любимой супруге.

За кем числилась упомянутая в рапорте большая часть этих деяний во благо России, уж треть новых городов и поселков на Юге империи точно, властная царица прекрасно знала. В храме в центре Херсона над его могилой скромный букет цветов. Вот только некоторые его титулы и звания: президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал, новороссийский гене рал-губер на тор, гетман екатеринославских и черноморских казаков.

А если коротко – светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический. Язык не поворачивается назвать Херсон, которому было суждено стать колыбелью и первой базой Черноморского флота (Потемкин сам и командовал им), экономическим и политическим центром Новороссии, потемкинской деревней. И уж тем более Севастополь – город русской военно-морской славы или Керчь, превратившийся при фаворите Екатерины Второй в важный торговый порт.

И ведь Одесса своим величием, колоритом и тем местом, которое она занимает в истории, тоже обязана этой достойной личности, украшающей богатую биографию России. Так может мы, наконец, перестанем разбрасываться направо-налево, так, мимоходом, не задумываясь, устоявшимся стереотипом – «потемкинская деревня»?

Как генерал-губернатор Новороссии Потемкин пригласил к возведению в степи Одессы выдающегося человека, можно сказать, гражданина мира испанца де Рибаса, которого справедливо причисляют к одному из первых и главных строителей города. Заслуги его оценены захоронением не где-нибудь, а в самом Петербурге. На смену де Рибасу, продолжив его дело, пришла другая, не менее колоритная, фигура – француз Ришелье, который за 12 лет правления тоже внес значительную лепту в преображение этого края, возглавив его после Потемкина. И все это вместе невозможно вычеркнуть из памяти, отторгнуть из славной истории России.

Соотечественник Ришелье Наполеон Бонапарт, общепризнанный национальный герой Франции, чью могилу в самом центре Парижа посещает весь мир, в молодости мечтал попасть на службу в Россию, и не к кому-нибудь, а именно к князю Потемкину. Как, впрочем, и немало других европейцев, так что в этом Наполеон не был оригинальным. Что привлекало конкретно корсиканца? Наверное, то обстоятельство, что некоторые его соотечественники состоялись именно в России, а

потом у себя на родине стали выдающимися гражданами. Так почему не последовать их примеру, почему не избрать тот же – через Россию – путь к восхождению?

С этой затаенной мыслью Бонапарт, порубив головы французской королевской семье и знати, на волне революционного массового подъёма народа, отправился ее реализовывать, имея конечной целью видеть себя властелином мира. Вот уже перед ним склонила голову колониальная Африка, не устояла и Европа. Наполеону этого показалось недостаточно. Алчный, обнаглевший, жадный до чужих территорий, он решил, что для него не существует и границ России, пора и ее завоевать.

Что из этого вышло – известно. Сам он еле ноги унес в рваных обмотках вместо надраенных до блеска сапог, бросив на произвол судьбы тысячи французских солдат. Вот уж кто в полной мере ощутил на себе всю прелесть настоящего нашенского мороза, навечно вмерзнув в русскую землю. Им было не до любования красотой нашей природы; Бородино, горящая Москва, река Березина и другие памятные места превратились для них в ад.

Разорённая войнами, обескровленная и поражённая смертельными болезнями Франция лежала посреди Европы и источала смрад. Кто помог ей? Кто протянул руку помощи? Тот, на кого она и осмелилась пойти этой смертельной для себя войной. Россия помогла. Царь Александр, внук Екатерины Второй, уговорил герцога Ришелье оставить пост новороссийского генерал-губернатора, вернуться домой и принять на себя руководство страной в период Реставрации. Ришелье сделал это скрепя сердце, он уже этим сердцем прикипел к Новороссии, к Одессе, вынашивал новые планы в отношении ее. К сожалению, его мечта вернуться в Россию, в любимую Одессу не сбылась, но добрая память об этом человеке увековечена памятником у начала Потемкинской лестницы. И де Рибаса не забыли – он в названии главной улицы города. А величественная Екатерина по соседству с ними обоими – в скульптурном ансамбле.

Монолог затянулся, но грех было бы прерывать его, хотя очень и давно хотелось заморить червячка. Я все это время с завистью смотрел на Ольгу (сколько человек знает про свой родной город, да и вообще про события тех лет) и внутренне восхищался: «Ну, Ольга, ты даешь! Сколько лет уже в Москве живешь, а одесская рубашка, значит, все-таки ближе к телу». Ольга прервалась, лишь когда к нам подскочил официант и так радостно выпалил, что рыба уже жарится, еще несколько минут потерпите, а пока не желаем ли мы чего еще. Желаем. Заказали еще по рюмке.

Рыбу официант разложил на двух блюдах, две такие «рыбные горки Ай-Петри». Лопали с преогромным удовольствием, только Ольга все приговаривала:

– Вкусно, но луфарь какой-то мелковатый, у нас куда крупнее и жирнее, этот, видимо, еще не нагулялся.

У нас – естественно, в Одессе. Да, море одно, однако на ее малой родине оно прохладнее, для рыбы это лучше.

Письма с фронта

Солдатские треугольники, смятые открытки и надорванные конверты, пожелтевшие от времени листки с загнутыми углами, вырванные из блокнотов или тетрадей, а то и просто клочки попавшейся под руку бумаги, наскоро исписанные неровным почерком (не до каллиграфии, многие пишутся в короткие промежутки затишья меж боями), – сегодня все это священная реликвия едва ли не в каждой семье. Прикосновение к ним – как прощупывание пульса и соответствующая реакция на показания тонометра. Зашкаливают они или нет? Насквозь пронизывает нервный тик, сердце бьется так, что вот-вот выскочит из груди. Что там в этих корявых строчках, выведенных ручкой (где отыскались чернила, шариковых ведь не было тогда?) или карандашом в короткие промежутки затишья?

Долгожданная весточка с фронта. Их у меня дома, присланных отцом, хранится сорок одна. Сорок одно памятное письмо со штемпелем военной цензуры – «Просмотрено» и личным цифровым клеймом цензора. Первое датировано 10 октября 1941 года, последнее – 1 мая победного 1945-го. Может, были еще, но они не сохранились. Да и спросить не у кого – мама давно умерла…

Великая Отечественная застала нас с ней в городе Владимир-Волынский. Маме было 29 лет, мне – 4 года и 4 месяца. Владимир-Волынский (это по-русски, по-польски – Wladzimier Wolynski) – приграничный город (стык Западной Украины и Польши) на правом берегу реки Луга. Там служил мой отец, Шлаен Григорий Давыдович, туда передислоцировали его часть после войны с белофиннами, на которой отец командовал саперной ротой. Мама решила навестить его, из Москвы, по ее воспоминаниям, мы укатили где-то в начале июня.

С первых часов Владимир-Волынский, находившийся географически практически на одной вертикали с Брестом, подвергся мощной бомбежке с воздуха и артиллерийскому обстрелу. Нас, несколько семей с малыми детьми, погрузили на грузовую машину и отвезли на сборный пункт в Коростень, это тоже недалеко от границы. Дальше подогнали два эшелона для эвакуируемых. Нам повезло, наш товарняк умудрился проскочить, а другой весь разбомбили.

Путь для возвращения в Москву был отрезан. Эшелоном нас доставили в Сталинград, откуда потом отправили в Сальск Ростовской области. Там я заболел дифтерией в тяжелой форме, меня еле спасли. Наступала осень, а у нас с собой никаких теплых

вещей, собирались ведь наскоро. Оставаться в Сальске было тоже небезопасно из-за наступления немцев на Кавказ, и нас в ноябре сорок первого перебросили в Грузию, сначала в Тбилиси, а затем в Сагареджо (это в Кахетии), где мы пробыли почти три года, пока наконец кружным путем смогли вернуться в Москву.

Большинство писем с фронта приходили от отца именно туда. Обратным адресом значилась полевая почта. Понять по их меняющимся номерам, где отец конкретно находится, естественно, было невозможно, лишь потом мы узнали про Юго-Западный, Донской, Сталинградский, 1-й Белорусский фронты.

Сорок одно письмо, я и сегодня читаю их с содроганием, но сдерживаю слезы, а вот жена не может, плачет. Я хочу привести выдержки из некоторых, ничего не меняя в этих драгоценных для меня строках. Это своего рода семейная летопись тех страшных лет, тяжелой доли, выпавшей на нашу страну.

«Дорогие мои Сонюся и Мишенька! Может быть, уже немного поздно, но лучше поздно, чем никогда, разрешите вас поздравить с новым 1942 годом, годом полного разгрома гитлеровских разбойников. (Такова была вера в нашу скорую победу. – М.Ш.). Может быть, 1943 год встретим уже все вместе.

Розыском вас я мог заняться, только начиная с ноября месяца 1941 года, до этого я ничего делать не мог, ибо находился в таких условиях, что писать в письме не могу. Куда только я не слал телеграммы, написал в переселенческое бюро при Совнаркоме СССР, ни ответа, ни привета. Тогда я написал в отдел радиовещания Юго-Западного фронта и в Москву, и на днях, я, правда, сам не слышал, но мне сказали, что по радио передавали мой привет вам и мой адрес, может быть, вы услышали, если у вас есть радио. В конце концов, получил от тебя письмо. Когда узнал, что вы в Сальске, а враг приближается к Ростову, я сильно волновался, хотя был уверен, что если и удастся гитлеровским бандитам захватить Ростов, то дальше он не пройдет, а Сальск все-таки находится от Ростова в 150 с лишним км… Будь мужественной, вот уничтожим заклятого Гитлера и его банду и снова заживем, как прежде, и даже лучше»

(14.01.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька!!! Ваше письмо от 3.1 я получил, за которое я вам очень благодарен. Дорогая Сонюся, ты пишешь, что настал

холод и у тебя нет зимнего пальто, все осталось на месте. Я знаю это, и все время думаю об этом. Очень рад, что тебе хоть удалось достать пальтишко для сына. Постарайся, может быть, тебе удастся достать где-нибудь и себе. Я очень прошу тебя – не волнуйся, будем только живы, все у нас будет, дай только разделаться с ненавистным врагом… Я очень доволен, что, хоть не у себя, но все-таки наш сын был на новогодней елке.

Что касается меня, так не беспокойся, я здоров, чувствую себя хорошо, знай, что я сильно и крепко люблю свою Родину, а вместе с ней и тебя, моя дорогая, и нашего дорогого сыночка. Я делаю все, что от меня зависит, для скорейшей победы над гитлеровскими бандитами. Знай, хотя я и не хотел тебе писать, но пишу, что у меня было тяжелое время, но свой партийный билет я не выпустил из рук. Эта маленькая красная книжечка дала мне много сил для победы над врагом, и я победил. Подробно я писать в письме не могу, когда увидимся, тогда ты все узнаешь.

Дорогая Сонюся! Воспитывай нашего сына в духе преданности нашей большевистской партии…

Мишенька! Скоро мы увидимся, а сейчас прошу тебя, слушайся мамочку, напиши мне подробно о себе, как ты живешь, с кем и где играешься, как ты кушаешь, все-все напиши и скажи маме, чтоб она тебя сфотографировала, и пришли мне карточку. Крепко, крепко целую тебя, твой папа».

(27.1.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька! Два раза отправил вам деньги по 1000 рублей, т. е. всего 2000 рублей. Очень прошу не задерживаться с ответом. Еще удалось собрать небольшую посылочку и переслать вам. В посылочке несколько банок консервов (мясные и рыбные), пару кусков мыла, хоз. и туалетное, немного сахара, немного конфет для ребенка к дню рождения, и еще там кое-какая мелочь».

(7.2.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька! Очень прошу, Сонюся, писать мне чаще, буквально обо всем, о себе, о нашем сыночке. Слушается ли он тебя, как себя ведет?

Знаешь, и на войне бывают моменты, когда хочется знать больше.

Дорогая Сонюся! Через 13 дней будет 24-я годовщина нашей доблестной Красной Армии, ее в этом году придется нам встречать на далеком расстоянии друг от друга, но знай, я всегда с тобой, моя дорогая женушка, и сыночек. Я надеюсь, что 25-ю годовщину мы с тобой встретим вместе в условиях полной победы над немецким фашизмом. Крепись, моя дорогая, воспитывай нашего сына в духе непримиримости к врагу. Что-нибудь известно вам о маме, она в Москве? Люблю вас и жду фотокарточку, целую вас, ваш Гриша».

(10.2.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька! У меня есть новость, мне присвоили звание капитана перед праздником 24-й годовщины Красной Армии. Сегодня, 26.2. 42 г., я получил от тебя письмо. Спасибо. Кстати, может, ты позабыла, что сегодня мой день рождения. Я вспоминаю, как перед войной мы отмечали его в Москве, вечером собрались мои друзья, и ты своими умелыми руками приготовила для стола много хороших вещей. Я думаю, ты помнишь».

(26.2.1942 г.)

«Милая моя Сонюся! Через 4 дня будет 8-е марта. Поздравляю тебя с Международным женским праздником и желаю тебе самого лучшего в твоей жизни. В прошлом письме писал тебе, что мне присвоили звание капитана, а еще к годовщине Красной Армии получил благодарность от зам. Командующего фронтом».

(4.3.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие! Сонюся! Я тебе очень благодарен за твое поздравление с днем рождения. Сегодня как раз 8-е марта, и такая скука меня взяла, что я далеко от тебя. Ты, наверное, читала в газетах, что нашу старую дивизию переименовали в гвардейскую, учитывая ее заслуги с первого дня войны. Много есть, о чем рассказать, но это можно рассказать только устно, придется все отложить до хорошей встречи… Я наконец получил письмо от мамы, написанное ею самой, она в

эвакуации в Туркмении, но рвется в Москву… И еще новость, Лева, сын ее сестры, уже лейтенант-зенитчик».

(8.3.1942 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька! Сегодня в день праздника 1 мая поздравляю вас с ним. Праздник 1 мая в этом году проходит в иной обстановке. Тов. Сталин в своем поздравительном приказе к 1 мая приказал уничтожить в 1942 году всех оккупантов, захвативших нашу родную землю. Ты обязательно прочтешь этот приказ, а также подробно и внимательно прочтешь ноту тов. Молотова от 28 апреля 1942 года. Милые вы мои, борьба предстоит еще жестокая и упорная, но мы победим, ибо мы боремся за правое дело, за свою собственную землю, за свой собственный народ. Кровь стынет, когда читаешь ноту тов. Молотова, да и без ноты я это крепко вижу и знаю».

(1 мая 1942 г.)

«Мои дорогие Сонюся и Мишенька!!! Сегодня вот уже год, как проклятый Гитлер напал на нашу страну. Как сейчас помню, как ровно в 4 часа утра начался обстрел, и ты, Сонюся, меня будишь и говоришь, что это стреляют, а я еще ответил спросонья, наверное, учеба, а потом поднялся, в окно посмотрел на границу, и видно было зарево, а через час снаряд оторвал угол у дома около магазина, что впереди нас, до него было метров 20–25. Ты помнишь, как все думали, что это какой-то инцидент, а это оказалась самая настоящая война и ей вот уже год. Обо всем остальном тяжело вспоминать. Не тужи, будем только живы, уничтожим этого злейшего врага человечества и у нас снова все будет».

(22.6.1942 г.)

«Милая Сонюся! Не забудь, что через 10 дней будет 25-я годовщина Красной Армии, а еще через три дня будет мой день рождения. Недавно видел моих сослуживцев из Владимира-Волынского Абрамова, Прилепского и Балицкого. Абрамов уже подполковник, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Прилепский пока капитан, но скоро будет майор.

Его представили к ордену Красной звезды. Все

передают тебе привет».

(13.2.1943 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька»! Делюсь радостной вестью, мне присвоили звание майора и наградили орденом Красной звезды. Что ж, надо отблагодарить свою любимую Родину еще лучшей работой по скорейшему разгрому врага. (Отец нередко в письмах использует это слово – работа, думаю, понятно, что он имеет в виду, что за работа на фронте. – М.Ш.)»

(7.9.1943 г.)

«Дорогой мой сыночек! Я очень рад, что ты хорошо учишься, что ты уже большой и сильный и можешь бить фашистов. Ты просишь в своем письме, чтобы я прислал тебе тетради. Я бы с удовольствием тебе, но посылки не принимают, если смогу послать, обязательно пошлю. Дорогой сыночек, напиши в Москву дедушке Ване и бабушке Розе, попроси их, чтобы они помогли тебе с мамой скорее вернуться в Москву. Крепко поцелуй мамочку, целую тебя, твой папа».

(22.1.1944 г.)

«Дорогой мой сыночек! Я рад, что ты с мамой уже в Москве, что ты уже ученик 2-го класса. Сейчас у тебя каникулы, играйся только там, где мама разрешает, на улицу не ходи, там трамваи, машины. Скоро мы разгромим ненавистного врага, и мы увидимся, твой папа вернется с победой. Передай от меня всем большой привет. Целую, твой папа».

(12.6.1944 г.)

«Здравствуйте мои дорогие Сонюся и Мишенька! Извини, что задержался с письмом. На том месте, где я сейчас нахожусь, самая горячая пора началась, именно на нашем участке фронта, гоним ненавистных фашистов с нашей земли, скоро освободим город, где тебя с Мишенькой застала эта проклятая война. Буду в том районе, если сумею, заеду, посмотрю, что там делается, думаю, там ничего не найдешь, все разбито. Я обязательно напишу».

(2.7.1944 г.)

«Дорогая Сонюся! Я уже за границей. Город освободили, ты, наверное, слышала об этом, но заехать не удалось, двигаемся дальше».

(28.8.1944 г.)

«Дорогие мои! Поздравляю с 27-й годовщиной Великой Октябрьской революции! Надеюсь, следующую годовщину мы отметим все вместе, делаем все для этого, для нашей Победы. (Отец оказался провидцем: именно 7 ноября 1945 года я увидел его впервые с того памятного дня 22 июня 1941 года, мне шел уже 9-й год)».

(10.11.1944 г.)

«Здравствуйте мои дорогие! Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров, а во-вторых, дорогие, разрешите вас поздравить с наступающим Новым годом, годом наших окончательных побед! После Нового года меня ждет новое место службы, сейчас лишь могу сообщить, что нахожусь далеко-далеко за пределами нашей границы».

(30.12.1944 г.)

«Здравствуйте мои дорогие! Поздравляю вас с 1 мая! Сейчас нахожусь на такой работе на 1-м Белорусском фронте, что ни до праздников. Победа наша близка».

(1 мая 1945 г.)

* * *

Что добавить к этим письмам? А надо ли? Я ничего не менял, только кое-де проставил запятые.

Огненные стадионы

Оглядываюсь в прошлое. Копаюсь в старых, истрепанных временем, блокнотах. Медленно, чтобы не пропустить, листаю страничку за страничкой. Ищу нужные мне давние записи. Грядет очередная годовщина Великой Победы. Пометки эти, наскоро сделанные, чтобы поспеть за рассказчиком, или более подробные, неспешные – память о спортсменах-фронтовиках, с которыми в разных ситуациях меня свели годы корреспондентской работы. Хочется оживить их, что и делаю, и всплывают передо мной мужественные лица этих замечательных людей. Почти никого из них уже нет на этом свете, но вечная им благодарность, как и всем, кто отстоял на полях грозных сражений нашу свободу.

У кого-то, как поется в песне, привыкли руки к топорам, а для них было привычно держать в руках мирные спортивные снаряды, бить рекорды, добиваться победы в соревнованиях, но едва началась война, как многие сменили весла, ракетки, боксерские перчатки на боевое оружие. На долгие четыре года стадионом стало огненное поле. «Понятия – оборона и атака – приобрели совершенно иной смысл: это не был соперник по беговой, фехтовальной или конькобежной дорожке, на гимнастическом либо борцовском ковре, это был вероломно напавший на родную страну враг, и он должен быть уничтожен». Последнее предложение не случайно заключено в кавычки. На эти слова я натыкаюсь в одном из блокнотов, а принадлежат они Герою Советского Союза генерал-полковнику Глебу Бакланову, бывшему командующему 34-м гвардейским стрелковым корпусом. На Параде Победы Глебу Владимировичу было доверено возглавить сводный полк Первого Украинского фронта.

Памятная встреча с боевым генералом помечена апрелем 1975 года, а поводом послужило приближающееся 30-летие Победы; временами, правда, мы отвлекались от этой темы и переводили разговор, что называется, в спортивное русло. Конечно, не случайно. Один из лучших перед войной в стране гимнастов, Глеб Владимирович возглавлял всесоюзную Федерацию этого вида, был членом Олимпийского комитета, а еще ранее, занимая должность начальника Управления физической подготовки и спорта Сухопутных войск, активно участвовал в организации спортивной жизни в стране, содействовал продвижению СССР в олимпийское движение, побывав с этой миссией на Играх XIV Олимпиады в Лондоне.

О себе генерал Бакланов рассказывал скупо, зато не раз подчеркивал, что на фронте самые рискованные и ответственные

боевые задания, он поручал спортсменам, особенно это касалось разведчиков. И обосновывал это так: у человека, занимающегося спортом, помимо обычных качеств, силы, выносливости, прекрасно развиты скорость принятия единственно верного в непредвиденной ситуации решения, быстрота реакции на мгновенно меняющуюся обстановку.

– А главное – все это они способны быстро претворять в активные действия, – заметил Глеб Владимирович и привел несколько примеров. Я записал один, поскольку он касался известного в прошлом боксера, неоднократного чемпиона страны Льва Темуряна.

Однажды так сложилось, что они вдвоем в населенном пункте неожиданно столкнулись лицом к лицу с фашистским офицером. Тот уже направил на них автомат. Решали доли секунды, и этих ничтожных мгновений Темуряну оказалось достаточно, чтобы сблизиться с гитлеровцем, отбить в сторону его вот-вот готовое выстрелить оружие и мощным ударом в челюсть нокаутировать противника. Темурян потом с улыбкой говорил, что это был, кажется, девятнадцатый нокаут в его боксерской карьере, но те 18 случались на ринге, а здесь был совершенно иной поединок.

– Как вы думаете, что было бы, если бы рядом не было Темуряна, а был бы другой солдат, не спортсмен? – хорошо помню этот, обращенный ко мне, вопрос Бакланова и его ответ: «Да вряд ли бы мы с вами сейчас так мирно беседовали…»

Я захлопнул блокнот с этой записью и принялся лихорадочно искать другую, со схожим сюжетом из тех фронтовых лет. Черт возьми, да где же она? Ведь точно должна быть, делал ее, когда оказался в дружной компании борцов ЦСКА, готовившихся к Спартакиаде Вооруженных Сил. Конечно, можно произвести по памяти, но лучше соблюсти точность, быть ближе к тексту. Слава Богу нашел, пометка: Г. Н. Звягинцев, засл. тр. СССР.

А рассказ о том, как Георгий Звягинцев вместе с еще двумя бойцами выполнял важное задание: для успеха задуманной операции на их участке фронта необходимо было срочно взять «языка».

«Была поздняя осень, дожди, грязь непролазная, – читаю подробно записанные воспоминания Звягинцева. – Под прикрытием темноты доползли до окраины какой-то деревушки, занятой гитлеровцами. Залегли, выжидаем, кто появится на улице. Я вдруг замечаю на околице здоровенного фашиста, как мы говорим, косая сажень в плечах. Подумал: если вдруг он борьбой занимался, как я, то определенно тяжелого веса, а я выше полулегкого никогда не поднимался».

Что было дальше? Улучив момент, Георгий рванулся к немцу

и, не дав опомниться, приемом, которым он не раз на турнирах борцов-«классиков» припечатывал своих конкурентов лопатками к ковру, сбил его с ног. Пока пришедшие на помощь товарищи связывали фашиста, объявился еще один, он сзади навалился на Звягинцева, начал его душить. Контрприемом, теперь уже из самбо, Георгий освободился от захвата, перевернул немца и так вмял в грязь, что у того затрещали кости.

«Втроем еле дотащили их до наших, – читаю дальше, – чересчур грузные были, черти.

Когда стали допрашивать, выяснилось, что я не ошибся, оба действительно увлекались перед войной борьбой. Нам бы с ними в мирное время посостязаться, не мне, конечно, а Толе Парфенову, он у нас в тяжелом весе выступал, а пришлось вот на фронте столкнуться».

Звягинцев вспомнил Толю, Анатолия Парфенова, могучего, как Александр Карелин или Иван Ярыгин, русского богатыря, своего давнего товарища по спорту. Война разлучила их. Парфенов за форсирование Днепра удостоился ордена Ленина. Отличился он и во время Висло-Одерской операции, его танк Т-34 при наступлении на Варшаву, под городом Калиш, рискуя, первым проскочил по минному полю, проложив дорогу нашей боевой технике. Тот его подвиг был отмечен орденом Боевого Красного Знамени. Кто мог тогда предположить, что через 11 лет в Мельбурне Анатолий Иванович Парфенов совершит еще один подвиг, но спортивный: станет олимпийским чемпионом! И это с раненой на фронте рукой, которая не сгибалась.

У самого Георгия Николаевича боевой путь простирался от хорошо известной наполеоновской армии реки Березина, через Сталинград, Курскую дугу, Донбасс, а закончил он войну в Вене, кавалером двенадцати боевых наград. На ковер в родной армейский клуб Звягинцев уже вернулся не действующим борцом (помешали несколько тяжелых ранений, два осколка из груди так и не были извлечены), а тренером, и сколько же он воспитал замечательных учеников, которые с честью защищали честь страны на всех крупнейших международных турнирах. Возвращаясь же к фронтовым годам, нахожу еще один пример из его биографии, когда спортивная борьба была хорошим дополнением к винтовке, автомату, пулемету.

«Помню бой за одно село, было это в Белоруссии. С высотки за ним прекрасно просматривалась вся местность вокруг. Там решено было развернуть командный пункт перед готовящимся наступлением. Но сначала надо было во что бы то ни стала выбить оттуда врага. До него вроде рукой подать, однако фашисты вели такой шквальный минометный огонь, что не

оторвать голову от земли. Но сколько мы можем лежать? Перебежками заняли позицию для атаки в какой-то ложбинке. Решили, как только стрельба немного стихнет, броском, быстро, не дав опомниться, ворвемся в их окопы. Дальше, как мы говорим в спорте, дело техники. Ребята в батальоне подобрались крепкие, в рукопашном бою одолеем фашистов. И одолели, приказ выполнили».

И сколько еще известных спортсменов довоенной поры, проявив мужество и отвагу, не щадя себя, с честью выполняли боевой приказ Родины: «Только вперед, ни шагу назад!» Приближали тем самым радостный День Победы. Уже на шестой день Великой Отечественной войны принял бой известный гребец Юрий Исаев, в 21 он командовал ротой. Через два плена, два побега пролегли его фронтовые дороги. В память о тех днях стихи Юрия Михайловича, который после войны был старшим тренером сборной страны:

Я помню бой – зимой в болоте,
По пояс в ледяной воде.
Нас меньше взвода было в роте,
Но враг не смог пройти нигде!

Что и говорить, и говорю это с грустью, время никого не жалует. С каждым годом тают ряды тех, кто ковал на фронте и в тылу нашу Победу. Участвуй мы в предвоенные годы в Олимпиадах, по уровню своей подготовки многие наши спортсмены смело могли претендовать на медали Игр. Но судьба распорядилась так, что эту смелость им пришлось демонстрировать не на спортивных аренах, а на полях боевых сражений. Извлекаю из своих блокнотов новые воспоминания.

Обновленный олимпийский канал в Крылатском. Начало июня. Гонки Большой Московской регаты. Наблюдаю за ними в окружении Алексея Комарова и Евгения Самсонова. Оба – хрестоматия и история этого вида спорта. Из экипажа той нашей знаменитой восьмерки, которая в пятидесятые годы не знала себе равных в Европе, а на дебютной для нас – Олимпиаде-1952 в Хельсинки завоевала серебряные медали. Ветераны расстроены, только что завершился финал у одиночек, никто из наших не попал в призеры.

– Эх, Сашу Долгушина бы сейчас сюда, – вздыхает Комаров, – показал бы он, как надо грести.

До войны это имя – Александр Долгушин – гремело на всю страну. Шестикратный чемпион СССР. Его рекорд прохождения классической двухкилометровой дистанции держался почти 15 (!)

лет. Первый среди гребцов заслуженный мастер спорта. Он и на фронт ушел добровольцем первым среди них. Воевал в составе отряда «Славный» Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), читай – диверсионном спецназе. На счету младшего сержанта Долгушина было немало успешно выполненных секретных заданий, но после одного из них он не вернулся на базу, попал под огонь фашистов.

– Алексей Филиппович, – обращаюсь к Комарову, – вы ведь тоже воевали, может, расскажете, а я запишу.

– Да что ты на меня насел, среди нас, гребцов, таких немало было. Вон спроси у Саши Тимошинина (Александр Тимошинин – двукратный олимпийский чемпион. – *М.Ш.*), его отец, Иван Тимошинин, даже в параде том участвовал – на Красной площади 7 ноября 1941 года. А Женя Зиновьев Берлин брал, на рейхстаге свой автограф оставил. Игорь Поляков и Володя Родимушкин из нашего хельсинкского экипажа, один связист, другой царице полей служил, слышал о такой? Славная наша пехота, без нее ни за что войну не выиграли бы. Розу Чумакову обязательно упомяни, она в авиаполку радисткой была. Женя (обращается к Самсонову), что сидишь, давай напрягай память, кто еще?

Евгений Борисович Самсонов (бывший многолетний главный тренер сборной страны, при котором наши мастера академического весла добились наивысших олимпийских успехов), в силу возраста не нюхавший пороха боя, но познавший в тылу все тягости трудового фронта, напрягает:

– Леша, ты Сиротинского Женю не назвал и Ипполита Рогачева, они в разведроте служили, Алексей Смирнов и Павел Санин вместе с Долгушиным в ОМСБОНе были…

– Алексей Филиппович, спасибо, что вместе с Евгением Борисовичем этих людей вспомнили, но все-таки хочу услышать, что вы о себе расскажете. Помните, где застала вас война?

– Конечно. На любимой «Стрелке», которую сейчас, к сожалению, уничтожили, и застала. А ведь это для нас, гребцов, святое место, сколько знаменитых ребят здесь выросло. Слава Иванов, трехкратный олимпийский чемпион, он эстафету у Долгушина и Юры Тюкалова принял. Ну, да ладно, ты сейчас о другом просишь рассказать. Мы к чемпионату Москвы готовились, конкретно наш экипаж восьмерки к принципиальному поединку с питерцами, это давний спор, как у Кембриджа с Оксфордом. Начало назначили на 22 июня. Все хорошо, тепло, солнечно, ветра нет, погода как раз для нас, раскатываемся, и вдруг ровно в 12 отключают музыку это объявление по репродуктору – война… Гонка все же состоялась, мы выиграли, но радости, конечно, не испытывали, мыслями

были уже на пороге военкоматов. Если не ошибаюсь, Игорь Поляков и другие ребята из ЦДКА сразу со «Стрелки» рванули к себе в клуб. В общем, кто сразу на фронт попал, кто в партизанских отрядах воевал.

Боевой путь самого Комарова начался в августе сорок первого с Карельского фронта. Затем их 71-ю стрелковую дивизию перебросили под Ленинград. Из того времени в память врезались тяжелые бои под Синявиным и полученная контузия, от которой он излечивался почти год. А когда излечился – снова прямиком в военкомат. Теперь уже оказался не в пехоте, а попал в минометный полк. И опять в самое пекло – Курляндский котел.

– А война где для вас закончилась?

– Погоди немного, расскажу, сейчас лучше на воду смотри, восьмерки идут, – Алексей Филиппович замолчал, наблюдая за яростным соперничеством «линкоров» (так величают в академической гребле эти экипажи), которое закончилось в пользу гостей из Эстонии. Россияне финишировали чуть сзади.

– Вот так, немного, мы в Хельсинки американцам уступили, но потом выиграли Хенлейскую регату. Это в те годы как в чемпионате мира победить. Что ты спросил? Где войну закончил? В Прибалтике. Услышал о нашей победе в ночь с 7-го на 8-е мая. Прослужил в армии еще год и демобилизовался. Вернулся в Москву ранним утром, а вечером где уже был? Правильно, на «Стрелке». Можно сказать, уже в тот вечер начал готовиться к Олимпиаде. Но это я так, образно говорю, по-профессорски, будто читаю лекции своим студентам. Я ведь, может, ты не знаешь, доктор педнаук, а не только гребец. И еще люблю им декламировать строчку из стиха Юры Исаева: «И рядом с праздником великим стоит великая печаль».

«Наступил момент, когда надо вернуть долг Родине за все ее заботы, за все то, что она дала нам, ее сыновьям».

Это выдержка из заявления, с которым в первый же день войны прибыл в военкомат Александр Канаки, чемпион и рекордсмен страны в метании молота. Он храбро сражался под Сталинградом, командовал батальоном, когда форсировали Дон в районе станицы Клетской. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, Канаки был дважды ранен, но остался в строю, пока операция не была успешно завершена. Орден Красной звезды украсил после того боя грудь капитана Канаки. А уже спустя три года после войны ее украсила золотая медаль в честь очередной (всего их было 16!) победы в первенстве СССР, причем результат, показанный Александром, оказался лучше, нежели у чемпиона лондонской Олимпиады-1948.

В мой пухлый блокнот вписаны и немало других славных

имен армейских спортсменов-фронтовиков – представителей «королевы спорта» Елена Карпович, Юрия Литуева и Феодосия Ванина, велосипедиста Владислава Ростовцева, мотогонщика Сергея Сергеева, волейболиста Константина Ревы, горнолыжников и альпинистов Михаила Боброва, Александра Гусева и Дмитрия Ростовцева, стрелка-снайпера Георгия Козлова. Легкоатлету Николаю Копылову и лыжнику Лазарю Паперник у за мужество в боях с фашистами было присвоено звание Героя Советского Союза. В предвоенные годы что ни всеармейские соревнования по прыжкам с трамплина, то неизменно попадание в тройку призеров, а чаще победы, Виктора Харченко. От Москвы через Сталинград, Курскую дугу пролегли фронтовые дороги, завершившиеся в Берлине, маршала инженерных войск Виктора Харченко. И это не однофамилец, это тот самый мастер покорения трамплинов.

О чем еще рассказать, кого упомянуть? Давайте-ка, скажем, вспомним кинофильм «Небесный тихоход». С чего это вдруг, спросит читатель. Но вряд ли этот вопрос задаст человек моего поколения. Мы были влюблены в Николая Крючкова, а вместе с ним в главного героя картины, роль которого он исполняет, – летчика Булочкина.

Что-то знакомое имя, скажет истинный любитель лыж и биатлона, заглянет в справочник, и чутье его не обманет. «Георгий Иванович Булочкин. Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион страны в лыжных гонках и соревнованиях патрулей» – это если кратко.

Не буду дальше интриговать, скажу, что роль летчика Булочкина писалась… со спортсмена Булочкина, причем по наводке Крючкова; они познакомились еще до войны на съемках фильма «В тылу врага», Георгий Иванович был дублером знаменитого артиста в тех эпизодах, когда по сценарию дело касалось спуска на лыжах с крутых гор, стрельбы на ходу и т. д.

В общем, когда приступили к съемкам «Небесного тихохода», Крючков настоял, чтобы его герою дали фамилию – Булочкин. На то была еще более веская причина, нежели обычное знакомство: за плечами у Георгия было овладение штурманским мастерством в авиаучилище. 22 июня 1941 года со своим командиром старшим лейтенантом Завьяловым они по приказу подняли свою боевую машину в воздух, защищая от врага небо над Тарту, а всего в первые месяцы войны совершили 70 боевых вылетов. Бомбили живую силу и технику фашистов, передовые порядки гитлеровских войск.

В одном из воздушных поединков их бомбардировщик был сбит, пришлось выбрасываться с горящего самолета. Пока

спускались к земле, по куполу парашюта с вражеского «мессера» непрерывно раздавалась очередь за очередью. Слава Богу, пронесло. Булочкин с трудом разыскал в лесу своего командира, у того оказались простреленными оба бедра и плечо, передвигаться самостоятельно он не мог. Георгия почти у самой земли тоже ранило в ногу. Превозмогая боль, он 14 суток (питались лишь ягодами), тащил на себе Завьялова, пока не выбрались за линию фронта и не попали к своим. Булочкин участвовал в освобождении Польши, в Берлинской операции. На праздниках Победы в ЦСКА, где он был немало лет тренером по биатлону, я видел на парадном мундире Георгия Ивановича ордена Красного знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной звезды, с десяток, наверное, боевых медалей.

Согласитесь, достойного человека выбрали в прототипы главного героя фильма «Небесный тихоход», блестяще сыгранного Николаем Афанасьевичем Крючковым.

К памятнику песне по тропе признания

Еще раз отвлекусь-ка я от своей привычной спортивной тематики, на которой около полувека заточен, и переключусь на культуру. А о причине сейчас поведаю. В Севастополе после посещения памятных мест города-героя мы с женой Ольгой с удовольствием прогуливались по просторной набережной, наслаждаясь панорамой моря, которое будоражила легкая волна. Оттуда, с прогулочного катера, неторопливо вползавшего в ворота гавани, доносилась мелодия «Севастопольского вальса». Немного подустав, присели отдохнуть; на скамейке в парке с видом на Графскую пристань и знаменитый Памятник затонувшим кораб лям оказались рядом с пожилой женщиной с накинутым на плечи, поверх кофты платком и копной тщательно уложенных седых волос. Молчание длилось недолго, старушка, обернувшись к нам, прервала его вопросом: «Приезжие?». Мы махнули головой. Естественно, разговорились, хотелось узнать, чем живет город.

Тем временем музыка зазвучала громче, это катер причалил к берегу, чтобы высадить одну партию туристов и захватить следующую для морской прогулки – обязательный элемент экскурсионного вояжа. Старушка тут же среагировала:

– Я специально прихожу сюда, чтобы послушать эти слова: «Тихо плещет волна, ярко светит луна, мы вдоль берега моря идем, и поем и поем…» Они словно про меня. Девчонкой я гуляла здесь с моим Димой, пока не началась эта проклятая война. Мне без малого 16, в десятый перешла, Дима на два года старше, он уже морскому делу учился. Шли, крепко держась за ручку, и громко, не стесняясь, распевали нашу любимую: «Дан приказ ему на Запад, нам в другую сторону». Про Диминого деда, он воевал в Гражданскую.

– Дима был вашим женихом?

– Можно и так сказать, только не случилось нам обвенчаться. Погиб мой морячок, когда десант в Керчи высаживали, не дожил до освобождения родного Севастополя. Я так и не вышла замуж, больше никого не смогла полюбить, одна вот старость коротаю. Двоюродная сестра есть, но она далеко, на Урале. Лет пять не виделись, на пасху последний раз приезжала.

Тишина. Только звуки вальса, подхватываемые легким ветерком, нарушали ее. Накрапывавший мелкий дождик прекратился, края облачков нежно облизало солнце. Сразу

заметно потеплело.

Севастополь благоухал осенней зеленью кипарисов и платанов и всей цветочной радугой, чайки не стеснялись подлетать к берегу и, опустив крылья, словно заглядывали прохожим на набережной в глаза: ну не жадничайте, покормите нас хоть чем-нибудь. У нас были вкусные булочки с клубникой и вишней, прикупленные на пристани в Балаклаве, куда мы заглянули по дороге в Севастополь, и мы охотно поделились ими со свободолюбивыми красавицами-птицами, музой моряков.

Старушка вдруг встрепенулась, снова повернулась к нам и сказала:

– А «Севастопольскому вальсу» где-то здесь, на бульваре, должен скоро памятник ему появиться, знаете об этом? Двое кружатся в вальсе, девушка в легком ситцевом платьице и молодой военный моряк. Когда установят, мне кажется, как увижу его, так сразу нас с моим Димой и вспомню.

Она ни разу не назвала его полным именем – Дмитрий, только так – Дима, редко – Димочка.

Откуда нам, заезжим москвичам, знать про этот символичный памятник, и как жаль, расставшись с нашей соседкой, мы не удосужились спросить ее имя. Она, уходя, сообщила еще, что чаще всего в то счастливое довоенное время они танцевали под мелодию «В парке Чаир». Ох, как моя мама любила ее; в отцовском военном городке, рассказывала она, по вечерам без конца крутили эту пластинку, она уже скрипела-шипела, сколько иголок на патефоне поменяли. «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль, снятся твои золотистые косы, снится веселая звонкая даль…» Розы на огромных клумбах на широкой парковой аллее, что вела к городскому театру, давно распустились, радуя глаз, вот только миндаль мы не заметили, отцвел, видимо, уже… А косы? Может, у нашей соседки они и были золотистые, но время и переживания посеребрили их.

– А где у вас тут этот парк? – через минуту нам стало стыдно за свою дремучую неосведомленность, когда старушка, с укором взглянув на нас, поведала, что парк этот вовсе не в Севастополе, а там, где кончается Севастопольский тракт (так и сказала: не шоссе, а тракт).

– Вы где отдыхаете? В Гурзуфе? Так это же рядом с вами. Где Мисхор, Ласточкино гнездо, Воронцовский дворец. Сколько таких замечательных мест в Крыму, почаще приезжайте, за раз все не объедете.

Посетовала, что самой вряд ли доведется еще побывать в парке Чаир, все-таки 89 годков скоро стукнет. «А вы обязательно наведайтесь, в Москве вашей златоглавой такого сроду нет».

В последних словах почувствовался одновременно и некий вызов, и гордость за свой край. 89? Крепкое, однако, довоенное поколение. И телом, и духом. Столько горя и несчастий перенести, столько горестных слез войны пролить – и не сломаться, не сдаться.

Она, на удивление, довольно бодренько приподнялась, опираясь на палочку, откланялась и медленно побрела в сторону фонтана, оставив нас в раздумье: памятник песне, что-то необычное в этом есть, всенародное признание что ли? Как у Пушкина с его воздвигнутым нерукотворным памятником, к которому, уверен был поэт, не зарастет народная тропа. И ведь к таким душевным песням не зарастает. Ольга вдруг запела: «Я вижу везде твои ясные зори, Одесса! Со мною везде твое небо и море, Одесса! И в сердце моем ты всюду со мной, Одесса, мой город родной!»

А что другое могла затянуть коренная одесситка, хотя и живет уже немало лет в Москве. Эта песня Тони из оперетты «Белая акация» давно стали гимном ее любимого города, ровно в полдень фрагмент из нее звучит на Приморском бульваре, как пушечный выстрел в Петропавловской крепости Петербурга.

Мы вдруг лихорадочно начали вспоминать музыкальные символы других городов. Конечно, начали со столицы. «Я по свету немало хаживал, жил в землянке, в окопах в тайге, похоронен был дважды заживо, знал разлуку, любил в тоске. Но Москвою привык я гордиться, и везде повторял я слова: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!»

На наше внутреннее «Ура!» прошел и глиэровский «Гимн великому городу», Петра творенью: «Державный град, возвышайся над Невою, как дивный храм, ты сердцам открыт! Сияй в веках красотой живою, дыханье твое Медный всадник хранит».

Может, такую же судьбу – стать узаконенным музыкальным позывным – обретет и «Севастопольский вальс». Хотелось бы. Впрочем, решать это самим севастопольцам. Написанный в 1955 году, он, кажется, уже неотделим от города вечной славы наших доблестных военных моряков. Остается назвать его авторов: поэт Георгий Рублев, композитор Константин Листов. И ведь что любопытно: «В парке Чаир» тоже музыкальных рук и таланта Листова дело, как и не менее известные в морских кругах «Ходили мы походами».

Больше всего радовалась этому обстоятельству моя жена: Листов же ее земляк, одессит. Родственные у них души. Черноморские. О деде ее Павле Антоновиче, о том, что он мальчишкой сбежал из дома, пристроился юнгой на торговом судне и где только не бороздил бескрайние водные просторы, уже

сказано. А ведь это и о нем:

Ходили мы походами
В далёкие моря,
У берега французского
Бросали якоря.
Бывали мы в Италии,
Где воздух голубой,
И там глаза матросские
Туманились тоской.

В Великую Отечественную, в дни героической обороны Крыма с самоходной баржи, где Ольгин день был шкипером, высадились три десанта. Может, и той старушки Дима был среди тех, кто с палубы баржи шагнул в бессмертие, штурмуя гору Митридат, выбивая оттуда ненавистного врага, как это было в Севастополе на Сапун-горе и Малаховом кургане. Как все-таки в жизни много взаимосвязано.

На обратном пути Ольга вдруг толкнула меня в бок:

– Слушай, помнишь, когда мы искали на посадку синеглазку, забрели в Кашин, а там памятный знак в честь «Землянки». «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза. И поёт мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза». Стихи точно Алексея Суркова, на День Победы много раз их слышала, а вот кто композитор вылетело из головы.

Вернулись после экскурсии в свой санаторий и первым делом к оставленному в номере ноутбуку. Константин Яковлевич Листов. Вот это да! Сколько же у него таких шедевров! И как не упомянуть среди них еще один – знаменитую «Тачанку». Ну разве не музыкальные позывные для Ростова? У Одессы-мамы есть, пусть и у Ростова-папы будут:

Эх, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
Пулемётная тачанка, все четыре колеса.
Эх, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
Пулемётная тачанка, все четыре колеса.

Напутствие старушки мы выполнили, съездили в парк Чаир. Я, наслаждаясь этим природным великолепием всех цветов радуги, вдыхая аромат растений, внутренне ругал себя: ну как же так, дорогой Михаил, ты же отдыхал когда-то, в свой самый

первый отпуск в Мисхоре, на пляж, девушек, гульки время находил, а побывать здесь, прикоснуться к этим чудесам, этим деревьям, которым полтысячи лет, – нет. Что там только не растет, чего мы там только не навидались!

В парке Чаир распускаются розы,
В парке Чаир сотни тысяч кустов.
Снятся твои золотистые косы,
Снится мне смех твой, весна и любовь.

Была, правда, осень, но какое это имело значение в тот момент, когда в парке звучала музыка, в которой слилось танго страсти и пламя нежных чувств.

…Мы с Ольгой, обнявшись, стояли на балконе, вглядывались в выплывший из-за артековской Медведь-горы лунный серп, сменивший солнечный закат и повисший на слившемся с морем звездном ночном небе, любовались многовековыми платанами, олеандрами и кипарисами, которых и в санаторном парке предостаточно, и такая радость с гордостью нас охватывала: все это – Крым! Земная жемчужина, созданная Всевышним. И какой редкостный, с какой богатой историей – со времен Екатерины Второй и Потемкина – край. С городами-героями – Севастополем и Керчью. А где-то по изрезанному штормами побережью, за горизонтом освещают южное ночное небо огни еще одного города-героя Одессы. Сегодня их разделяет граница, а в Великую Отечественную связывало воедино мужество и отвага людей одной огромной страны, чьи музыкальные позывные, нет, беру даже выше – музыкальный герб знал весь мир: «Широка страна моя родная…»

Над нашим восьмиэтажным корпусом замерла Большая Медведица. Она размахнулась на полнеба, не то, что у нас на подмосковной даче, где выглядит куда скромнее, и, казалось, вот-вот своим габаритами навалится на крышу и сдавит ее. Мы до боли в глазах всматривались в лунную дорожку, разрезавшую море, и вдруг в голову стремительно ворвалась эта дивная мелодия на стихи Игоря Шаферана. Я запел, Ольга подхватила:

Гляжу в озёра синие,
В полях ромашки рву…
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.

Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой,

Грустить с тобой, земля моя,
И праздновать с тобой.

Когда закончили, Ольга, оглянувшись на горы, плотно укрытые ночным занавесом, которые амфитеатром окружали Гурзуф, предложила: «А давай теперь вот эту – про наше приволье-раздолье».

Вижу горы и долины,
Вижу степи и луга –
Это русская картина,
Это Родина моя.

То й страны, упомянутой чуть выше, уже нет, но есть наша матушка Россия. Каждый ее город, каждый уголок издает какой-то особенный, присущий только ему, музыкальный звук. А все вместе, звонким многоголосьем они гармонично вливаются в эти строки из гимна:

От южных морей до полярного края
раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

Вот они, главные музыкальные позывные России.

Горы на фото и наяву

Люблю посещать выставки спортивных фотографий. В них динамика, в них экспрессия, переживания, в них сама жизнь.

Кавказ подо мною… Ну как не придут, просто не могут не прийти, на память эти пушкинские строки, когда, задерживаясь подолгу у каждой работы, пристально вглядываясь в каждое фото (общее впечатление – неописуемой красоты природа), сам словно взбираешься на Эльбрус, продираешься узкими тропами в сердцевину Шхельды или Баксанского ущелья, встречаешь восход солнца у подножья Ушбы, а закатом любуешься на знаменитом перевале Донгуз-Орун… А сколько еще таких прекрасных уголков, ожидающих своей очереди быть запечатленными, а затем поражать воображение. Нет, не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна, когда так величественна собственная страна.

– Он испытал на себе мощь восьмибального морского шторма, едва не смывшего его за борт, проплавал около года в Тихом океане, не раз замерзал на Северном полюсе, несколько часов парил под куполом парашюта, но все-таки горы с их огромной силой притяжения были и остаются главным его увлечением, – знакомлюсь в аннотации с одним из участников выставки, Владимиром Копыловым. – Он связан с ними как профессиональный спасатель, путешественник, альпинист, просто ищущий, любознательный человек.

Пристрастия этих людей, энтузиастов жизни на грани риска с девизом «Нет ничего недосягаемого!» – вот они, на слайдах: головокружительные спуски неведомо откуда, фрирайд, леденящее душу – извините за тавтологию – ледолазание по каменистым кручам. Фантазия, в общем, бьет ключом. Помноженная на смелость, она придумала и хелли-ски, лыжи на вертолете, когда, паря над хребтами, вы каждый раз выбираете новую точку для приземления и продолжаете катить дальше вниз по белоснежному насту. Когда видишь это – пусть даже на фотографии, – то непроизвольно происходит выброс адреналина и как-то стыдно становится за собственную неумелость. Это я о том, что, будучи где-то рядом, на Чегете, почти два часа кубарем, а то и на пятой точке съезжал с него.

Однако, как бы ни впечатляли виды, главные герои, конечно, сами люди. И меня тянет окунуться в их жизнь, уже не на снимках, а реально. Убедиться, действительно ли нет непреодолимых преград, и что лучше гор могут быть только горы.

Кавказ подо мною, а еще – в рифму – Памир подо мною, Тянь-

шань подо мною, а где-то за их отрогами Тибет и Гималаи и величественная Джомолунгма со своим суровым нравом. Олимпийские вершины давно и с успехом взяты, «семитысячники» в родных краях покорены, оставалось обуздать эту грозную непальскую крепость, защищаемую круговой обороной неприступных подходов и известную всем под другим названием – Эверест. И будь всё наше, Александр Сергеевич, жив, возможно, скорректировал бы он свои собственные строки:

Эверест подо мною… Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Тоже складно. Только не уверен, что сюда долетает орел, как сомневался Гоголь, всякая ли птица долетит до середины Днепра. Зато опасных обвалов движенья в избытке, и к краю стремнины дорога ох как нелегка.

Время разбрасывать камни, время собирать камни и время упрямо взбираться по этим камням под небеса. Она, Джомолунгма, величайшая вершина планеты, давно зовет, манит, неужели не настала пора и нашим альпинистам разгадать ее тайну?

…Яркое солнце, ласково поглаживая верхушки сосен, слепит глаза. Машина медленно тащится по узкой, прилепившейся к скале дороге, как бы штопором ввинчивающейся в ясное голубое небо. Такой же голубизной отливает лед Медео – знаменитый каток притулился к началу дорожного серпантина. Еще один перевал, и за мостом через бурную речку, сбегающую вниз меж огромных валунов, цель моего путешествия.

Вдруг слышу: «Выбирай веревку! Закрепляй конец!». Нарушая привычную тишину, команды звучат отрывисто, а звонкое эхо далеко разносит их по нескончаемой цепи гор. За густой кроной вековых деревьев, сохранивших изумрудную зелень и зимой, не сразу разглядел пытающихся выбраться из глубокой расщелины двух людей. Один, упираясь ногами в скалу, подтягивался на руках, другой висел у него за плечами.

– Кто организует страховку? Казбек, Валера, потерпеть и попотеть надо. Голова холодная, спина мокрая, – кричит им сверху человек в темно-синем комбинезоне.

Завидев меня, оборачивается, представляется: Виктор Седельников.

– Не волнуйтесь, ничего не случилось, обычное занятие. Отрабатывается подъем и транспортировка пострадавшего. Все ведь может случиться там, в Непале, ко всему надо быть готовым.

Склоны хребта Кунгей-Алатау. Лагерь альпинистов, один из этапов тренировки нашей гималайской экспедиции перед штурмом Эвереста. Альпинисты уважительно именуют его – Горой, вот так, с прописной буквы.

– Никому никаких поблажек, – продолжает Седельников. – Работа тяжелая, но ребята знали, на что подписались, с горами шутки плохи, они не переносят легкомысленного к себе отношения, а Гора тем более, а потому – «не жалею, не зову, не плачу, просто некогда – ишачу».

– Вы хотите сказать, у каждого своя дорога?

– Именно так. И раз ступил на нее – иди до конца, как бы ни пытались тебя с нее сбить. Только тогда, по-моему, наступит то самое ощущение счастья, как у человека, завидевшего свет на финише долгого-долгого тоннеля. Только у нас не тоннель, а горы, куда еще только предстоит взойти. Сколько их на свете!

– Выходит, дорога эта нескончаемая?

– Для настоящего альпиниста, безусловно. Нет, поправлюсь: на многие-многие годы. Все-таки, когда тебе за сто, немного трудновато карабкаться по склонам, хотя и такие случаи известны.

Мы дружно смеемся, при этом я вспоминаю одного глубокого старца-кабардинца, про которого мне рассказывали, что он в своем возрасте на Эльбрусе свой в доску. Так и сказали – свой в доску.

Многие в группе Седельникова – «снежные барсы», те, у кого за плечами восхождение на все отечественные «семитысячники», их четыре – пики Коммунизма, Победы, Ленина, Корженевской.

– Все опытные, все – большие мастера, и все-таки Ерванд Ильинский – самый именитый и авторитетный среди них. Он прекрасный тактик, славится умением ориентироваться и выбирать оптимальные пути в любых горах, даже если никогда прежде там не был. Для штурма Эвереста – ценнейшее качество, – говорит Седельников. – В команде он за играющего тренера, мой главный помощник.

Через плечо у Седельникова перекинута рация. Слышу вдруг прорывающийся сквозь треск чей-то хриплый голос:

– Ребята прошли третью иглу. Самочувствие нормальное, как у космонавтов, готовы к выходу в открытый космос.

– Это еще одна наша группа, точнее связка. У нее задание более сложное, их орбита и открытый космос – траверс массива Иглы Туюк-Су. Таких игл-пиков несколько, подходы к каждой таят

немало опасностей, – поясняет Виктор. – Зинуру Халитову и Сереже Чепчеву умения не занимать. Серега – прекрасный скалолаз. Мы вместе с ним работали на Кавказе со швейцарцами. Так вот, он с ними за один день в сильнейший туман совершил траверс грозной и коварной Ушбы. Это у нас – высший класс. А Зинур, когда шел на пик Победы, взобрался на него по северной стене, где прежде никто не ходил, а в память о восхождении оставил айсбаль.

– Что оставил? – я не стесняюсь выдать свою альпинистскую безграмотность.

– Айсбаль. Про ледоруб вы, я надеюсь, слышали, – лицо Седельникова осветляет улыбка, – так вот, это тот же ледоруб, только немного укороченный и с молотком вместо лопатки. Мы применяем его на скальноледовых маршрутах для рубки ступенек на крутых склонах и забивания крючьев.

Нашпигованный хотя бы минимумом знаний из уст человека, у которого за плечами не один покоренный «семитысячник», я с сожалением расстаюсь с этими отважными людьми, для которых горы – дом, работа, жизнь. Вполне хватило времени, чтобы убедиться в этом, да и хватит мешать занятым серьезным делом людям своими дилетантскими расспросами. И вообще пора уезжать, солнце вот-вот спрячется за скалами, надо поспеть до темноты покинуть лагерь. Олег Попов, ответственный за сбор, по каким-то вопросам спешит в Алма-Ату и вызвался подкинуть меня. И хорошо, не надо лишний раз гонять в город прикрепленный к альпинистам уазик.

– До новой встречи здесь, в Кунгей-Алатау, приезжайте, журналисты не так часто радуют нас своим посещением, – Седельников что-то еще хотел мне сказать, но опять заработала рация, его отвлекло новое сообщение: связка преодолела следующую иглу, еще одна – и траверс Туюк-су будет пройден, начнется подготовка к спуску. Он лишь помахал мне на прощание рукой.

– За все спасибо, – кричу я, – при первой же возможности обязательно приеду. У вас тут так уютно и красиво.

– А ребятам не до красот, специфика работы. Уют и красота для них, когда возвращаются домой, где их с нетерпением ждут, когда попадают в объятия родных, в глазах жен слезы радости, а дети бросаются на шею: папка вернулся! Не все, к сожалению, возвращаются, – Олег Попов немногословен, на лице никаких эмоций, только строгий взгляд на скользковатую дорогу, чувствуется, им до миллиметра изучен каждый ее загиб.

– Спуск зимой по извилистой и узкой горной дороге соизмерим по сложности со схождением с вершины? – спрашиваю

Олега, замечая, как аккуратно, профессионально, выбрав оптимальную скорость, ведет он машину.

– Оба непросты. Но с Туюк-Су, где сейчас ребята, конечно, труднее. А уж с Эвереста, могу предположить, намного тяжелее. Там, на такой высоте, против человека еще и погода. У вас в Москве, если минус десять, вы уже хнычите: холодно, а если за минус пятнадцать, то боитесь на улице показаться, обморозитесь. А на Горе? Даже не представляю, мне кажется, полюс холода из Оймякона на Эверест сместился. Вернутся ребята – расскажут.

Новой встречи пришлось ждать недолго, и не в Кунгей-Алатау она состоялась, а в московской гостинице «Космос». В просторном и бурлящем от переизбытка народа холле я записываю на старый пленочный магнитофон рассказ Юрия Глотова, как оно прошло, восхождение на «Крышу мира». Вот-вот на подмогу Юрию должны подойти и другие счастливые участники экспедиции. Нарасхват они в эти майские дни. Встречи, выступления. Событие-то какое, всем интересно услышать, как удалось поставить победную точку на этой – еще раз извините за тавтологию – высочайшей точке на земном шаре.

– Может, ко мне в номер поднимемся, – предлагает Глотов, – здесь шум, гам, спокойно не поговоришь.

Пока лифт возносил нас на десятый этаж, Глотов успел рассказать, что маршрут для восхождения был избран совершенно новый, не хотелось повторять предыдущие, из-за чего специалисты с мировыми именами ему выставили наивысший коэффициент трудности. И еще о том, что всех участников после долгой кропотливой подготовки, утомительных тренировок, тщательного медицинского отбора, как буд то лететь им в космос, на финише ждала проверка в барокамере. Юрию удалось «подняться» на 11 километров, а Валера Хрищатый еще выше, ему и 15 километров были бы по плечу, но испытания прервали. Хватит.

Вскоре в номер заглянули Валерий Хомутов и Владимир Пучков. Наперебой посыпались воспоминания. Кто-то, кажется, Пучков, пошутил: у нас хоккейные фамилии, нам бы шайбу гонять по гладкому льду, а мы по камням ледяным карабкаемся. Неожиданно ребята дружно затянули: «Есть одна у летчика мечта – высота, самая заветная мечта – высота».

– Для кого-то цель – побольше голов заколотить, а для нас – поглубже за облака и тучи спрятаться, – поддержал Владимира Хомутов.

Они поначалу втроем входили во вспомогательную группу, обеспечивающую восхождение остальных ребят. Однако, уже в ходе работы в Гималаях, им объявили: на штурм Горы пойдут все.

– Мы в тот день находились в третьем промежуточном лагере, это где-то 7850 метров, и за сутки перебрались в пятый, до вершины оставалось около 400 метров, – пояснил Глотов. – Там и начали готовиться к решающему броску. Как назло, полнялся шквальный ветер, он сбивал с ног, грозился сбросить в обрыв, пришлось двигаться не по гребню, а чуть ниже, что, конечно, усложнило дело.

– Но не мы герои, а то еще так подумаете и народ в заблуждение введете, – продолжал Хомутов. – Герои – Володя Балыбердин и Эдик Мысловский. Они первыми взобрались на «крышу». На «крышу мира», понимаете? Это вам не с высотки «Эмпайр стейт билдинг» Нью-Йорком любоваться. Там – скоростной лифт, в три приема с комфортом на самую верхотуру, 104 этажа, поднимет. А тут на каждом шагу опасность сорваться подстерегает.

Накануне штурма из третьего промежуточного лагеря Балыбердин и Мысловский вышли вместе с шерпом Навангом, но вскоре Наванг отказался идти дальше, сославшись на сильную резь в глазах от полученного накануне ожога на ярком солнце. Что делать? Пришлось тягать вверх тяжеленные рюкзаки с запасом кислорода за себя и того непальского парня. Беда поджидала позже, когда Мысловский, передвигаясь по перилам, сделал неловкое движение и сорвался. Спасая себя, он сбросил рюкзак в зияющую дыру пропасти. Из-за этой потери у них кислорода на двоих остался самый минимум, пришлось пользоваться им по очереди.

Проведя ночь в пятом лагере, утром Балыбердин и Мысловский вышли на склон Джомолунгмы. Вот она игла, самая манящая горная вершина на свете. Кажется, протини руку, и порез об его острие оставит след на ладони. Но надо еще дотянуться до нее. Томительное ожидание, пока, наконец, в третьем часу дня в эфир ушло известие: наши – на Эвересте; они поднялись на его макушку по юго-западной стене, с коварством которой еще ни одна прежняя экспедиция не была знакома, ибо избегала ее, выбирая более щадящие маршруты. Что бы ни говорили – у нас все и всегда по максимуму!

– 4 мая непальский офицер связи зафиксировал восхождение Балыбердина с Мысловским на Сагарматху, как на непальском звучит Джомолунгма, – включился Глотов. – Причем не сразу, сначала для подтверждения потребовал по радио перечислить находящиеся там предметы, так полагается. Пришлось ребятам лишний час померзнуть. Ну а мы завершили подъем в День Победы. С Эвереста передали свои поздравления с праздником.

– И какие чувства испытывали, когда все осталось позади? –

спрашиваю Юрия.

– Не поверите, но в первые минуты лично я никакого восторга не испытал, настолько устал физически, и ребята говорили о том же. Да и вообще там, наверху, когда под тобой земной шар, эмоции как бы приглушаются. Радость приходит гораздо позже, мы ощутили ее, когда встретились все на базе, откуда все начиналось.

Ту самую первую базу экспедиция разбила еще в марте на высоте 5350 метров. И таких промежуточных лагерей на склонах Эвереста предполагалось еще четыре. Найти для них мало-мальски подходящую площадку и, тем более, оборудовать было не легче, чем, как потом оказалось, подняться на саму вершину.

К сожалению, за давностью лет та пленка куда-то затерялась, да и стерлась она от частого прослушивания, и в утиле давно тот старенький магнитофон, но хорошо, что успел рассказ Глотова и других покорителей Эвереста о тех майских днях 1982 года перенести на бумагу.

– Как вспоминаю ледник Кхумбу-Гимал, так до сих сорокаградусный мороз вместе с мурашками бежит по коже, – Глотов съеживается, передергивает плечами. – Сплошное крошево льда плывет вниз, за сутки как минимум на метр. А трещины какие, и эти глыбы огромные выше моего дома, этажей в семь. Еще одно препятствие – ледовая стена, хорошо, что мы захватили специальные крючья, без них – никак.

Не просто было проложить дорогу по леднику, но это только полдела. Не проще было забросить в первый промежуточный лагерь, на высоту в несколько километров снаряжение, топливо и питание, не одна тонна груза. Пятый промежуточный лагерь был на 8500 метров, туда доставили груза поменьше, но тоже прилично – полтора центнера, самое необходимое. На штурм вершины уходили по очереди «наигранными» связками и звеньями, как в хоккее, каждый – с двумя-тремя кислородными баллонами, спальным мешком, запасом харчей. Килограммов 20 на брата.

Сама обработка маршрута – тоже исключительно сложный и трудоемкий процесс. Те, кто идут впереди, набивают крючья, навешивают веревки.

– Знаете, сколько мы, меняя друг друга, всего навешали и вбили? 3 километра перил и, наверное, полтысячи крючьев. Это не в дерево молотком гвоздь вбивать, а в заледенелый камень.

Голодов извлекает из-под кровати припасенный, видимо, для сувенира, крюк и показывает мне, как это все происходит.

Спуск Балыбердину с Мысловским дался с преогромным напряжением, забирая последние силы. Вскоре и их остатки,

кажется, иссякли. Жутко холодно. День клонился к концу, солнце постепенно садилось за соседними грозными пиками. Спасала своим бледным светом прорезавшаяся сквозь быстро наступавшую темень луна. Но еще немного – и она не спасет, быстро вокруг все станет черным черно, даже очертания гор не разглядеть.

– Руководство решило направить навстречу им Сергея Бершова и Михаила Туркевича. Они захватили с собой кислород, напоили ребят горячим компотом, помогли придти в себя. Мы, альпинисты, народ обычно сдержанный в порывах радости, а уж тут, встретившись, четверка дала волю чувствам Дружные крики «Ур а!» оглушили Гималаи, местная непальская округа, наконец, услышала во всем разнообразии русскую речь.

Эмоции, однако, унялись быстро. Сергею с Михаилом пора было самим выдвигаться на штурм. Надвигалась ночь, условия подъема резко осложнились, риск возрос, но у Туркевича с Бершовым с лазанием по любым скалам было все в порядке, они, как кошки, залезут, запрыгнут, куда хочешь. И, взбираясь по скользкой, как лед катка, отвесной стене, они чувствовали себя легко и привычно, будто на скалах под Ялтой. Еще двое наших на «крыше мира»!

– Если вы спросите, что способствовало успеху связки Валентин Иванов – Сергей Ефимов, то я бы сказал так: их навык действий в экстремальных ситуациях, – извлекаю дальше из своих записей рассказ Глотова. – Слышали про Мак-Кинли на Аляске? Мы, альпинисты, считаем ее самой, пожалуй, суровой вершиной по метеоусловиям. Примерно полтораста экспедиций ежегодно пытаются покорить ее. Удается единицам, Валентину и Сергею удалось. Их тактика подъема сработала и сейчас. Ерванд Ильинский помог. Редко кто так ориентируется в самых неожиданных ситуациях, как он.

Ильинский по своим заслугам (столько восхождений на «семитысячники»!), наверное, больше других заслуживал быть на Эвересте, но не сложилось, а ведь всю жизнь думал об этом, еще со своего самого первого восхождения, в 22 года. Судьба порой играет человеком и, к сожалению, нередко бывает несправедлива. У Ильинского она отодвинула осуществление его мечты на целых 8 лет, она исполнилась, когда ему стукнуло 50 лет.

Переключу на время внимание читателей на Михаила Михайловича Боброва, но отнюдь не уведу их в сторону от повествования, поскольку Бобров – сам человек, известный в альпинистских кругах, заслуженный тренер России.

Будучи как-то в Питере, я спросил его, ветерана Великой Отечественной войны: «Михаил Михайлович, вы столько лет в

спорте, знаете все и вся изнутри, в адрес кого вы бы с подчеркнутым пиететом произнесли: команда».

Дожидался ответа недолго.

– Мой уважаемый молодой тезка, никак не хочу обидеть представителей других видов, но для меня именно применительно к альпинизму понятие «команда», «командный дух» обретают особый смысл. Ведь альпинисты доверяют друг другу очень многое, вплоть до жизни. Ты же знаешь, чем мне довелось заниматься в ленинградскую блокаду в первые годы войны? – продолжал он. – Друзья по секции зазвали вместе с ними выполнять ответственную задачу – тщательно маскировать ориентиры для вражеской артиллерии и авиации, лишить немцев возможности прицельно бомбить и обстреливать наш великий город. А какая это была мишень для них – золотые купола Питера, купол Исаакиевского собора, шпили Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Михайловского замка.

Так вот, думаешь, случайно зазвали? Уверен, нет. У нас была команда с абсолютным доверием друг к другу, не раз проверили это на Кавказе. Все мы – Алоиз Земба, Ольга Фирсова, Алла Пригожева, я, потом группа расширилась, чувствовали себя солдатами на передовой. Бывало, висишь в самодельной люльке, накидываешь брезент на шпиль, а совсем рядом мимо тебя фашистский «мессер» сквозит, самодовольную рожу летчика видишь. Что там у него на уме, сейчас как нажмет на гашетку… Впрочем, мы старались не думать об этом, каждый и все вместе делали одно дело и чувствовали локоть друг друга.

Я внимательно слушал почетного гражданина Санкт-Петербурга, чье 90-летие было отмечено (редчайший случай) выстрелом в полдень с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, и вдруг вспомнил, что ведь это мой собеседник, а никто иной командовал группой, которая прикрывала наших отважных альпинистов во время сложнейшей операции теперь уже не в небе над Питером, а на Кавказе, когда с любимого Бобровым Эльбруса они сбрасывали фашистские штандарты и установили алые стяги. Вы не слышали или подзабыли ту февральскую историю 1943 года? Сейчас напомню.

…Во время зимней Олимпиады в Сочи по канатной дороге в уютном вагончике, разукрашенном в олимпийские цвета, поднимаюсь на Розу хутор, где обосновались горнолыжники. Любуясь открывшимся видом на гряду гор, возвышающимся над ними гордым заснеженным Эльбрусом, произношу про себя: «Кавказ подо мною, один в вышине, стою под снегами у края стремнины…» И вдруг меня осеняет: а ведь там, за перевалом

через Большой Кавказский хребет, Терскол, где впервые я стал на горные лыжи, специальные укороченные для новичков. С небольшого склона боялся скатиться. Инструктор сван Валико нас, нескольких неумех, уводил на окраину поселка в сторону Азау, к научной базе МГУ, где была простенькая трасса, и учил, как кантовать лыжи, тормозить плугом. Там в короткую передышку, забежав глотнуть горячего чая в какую-то забегаловку, оказался за одним столом с мужчиной среднего роста и плотного телосложения в сером свитере грубой вязки и такой же вязаной шапочке, чувствовалось, домашнего производства, сделано заботливыми женскими руками.

– Гусев Александр Михайлович, – представился он. – Впервые здесь? Прежде никогда не катались? Не переживайте, освоитесь, как говорят, не боги…

Успокоив, продолжал, обведя устремленным вверх взглядом окружающую панораму: «Боевые места». Так и сказал: не великолепные, красивые, а именно – боевые.

Я не придал тогда особого значения этому, обменялись телефонами; я вернулся в группу выполнять очередную команду Валико, и только когда созвонились, вернувшись в Москву, узнал, кто был этот человек – Гусев Александр Михайлович.

ШТАБ ОПЕРГРУППЫ ЗАКФРОНТА ПО ОБОРОНЕ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

2 февраля 1943 г., № 210/ог, г. Тбилиси Начальнику альпинистского отделения военинженеру 3 ранга ГУСЕВУ А.М. ***ПРЕДПИСАНИЕ*** *С группой командиров опергруппы в составе: политрука Белецкого, лейтенантов Гусака, Кельса, старшего лейтенанта Лубенца, военнослужащего Смирнова… выехать по маршруту Тбилиси – Орджоникидзе – Нальчик – Терскол для выполнения специального задания в районе Эльбруса по …снятию фашистских вымпелов с вершин и установлению государственных флагов СССР.*

Зам. командующего войсками Закфронта генерал-майор И. А. Петров

Нет, уважаемые читатели, это не совпадение фамилий и инициалов. Это один и тот же человек. В Великую Отечественную начальник горной подготовки 9-й горнострелковой дивизии, а затем командир отделения альпинистов Оперативной группы

Закавказского фронта по обороне Главного Кавказского Хребта. А в мирное время блестящий ученый-исследователь, доктор физико-математических наук, профессор МГУ, участник экспедиций в Антарктиду и, наконец, заслуженный мастер спорта по альпинизму. Все это я выведал не сразу; первый наш телефонный разговор был словно продолжение того шапочного знакомства, но, когда Александр Михайлович несколько раз повторил «боевые места», тут я почувствовал что-то не совсем обычное за этими двумя словами и настойчиво попросил Гусева расшифровать, приоткрыть тайну, если она действительно кроится за ними.

– Ну, хорошо, – согласился наконец профессор, – но сначала скажите, как у вас с лыжами, научились? Сорок минут с Чегета спускались? И что с того, куда торопиться.

Все, о чем дальше последует, полностью совпадает с датами проведения Сочинских Игр, и это мне кажется символичным, хотя между этими событиями не одно десятилетие. У победы – что в спорте, что в обыденной жизни, что в бою – одни корни, их не надо перечислять, они хорошо известны.

Летом 1942 года после взятия Ростова гитлеровцы рвались на Кавказ, и одним из символов своего успеха и ради пропагандистской шумихи командование фашистских войск считало водружение стягов вермахта над Эльбрусом. Выполнять задание отрядили группу опытных альпинистов из горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс» во главе с капитаном Хейнцем Гротом. Тот хорошо знал эти места, до войны не раз совершал здесь восхождения вместе с советскими спортсменами, естественно, наиболее важные подходы к высочайшей точке Кавказа ему были знакомы. Один из них, через «Приют одиннадцати», что на высоте четырех с небольшим тысяч метров над уровнем моря, примостившийся у подножья Эльбруса, он и использовал. В конце августа цель была достигнута; преодолев отчаянное сопротивление располагавшегося в Терсколе малочисленного подразделения красноармейцев, немцам удалось закрепить свои штандарты сначала на одном склоне Эльбруса, затем и на другом. Грот стал едва ли не национальным героем, его наградили «Рыцарским крестом», фотографии капитана на фоне флагов третьего рейха украсили все германские газеты. Заголовки трубили: «Кавказ покорен! На очереди нефтяной Баку».

– Когда в начале февраля 1943 года меня вызвали в штаб нашей фронтовой Опергруппы, а это случилось в день полного разгрома фашистов в Сталинграде, я понял: ждет что-то важное, – вспоминал Александр Михайлович. – Это был приказ немедленно сбросить с Эльбруса гитлеровскую символику, эти ненавистные

штандарты и водрузить наши красные полотнища. Задание срочное, не из простых, но как его срочно выполнить, нужна соответствующая подготовка. Эльбрус так просто не поддается, на вид несложная, а на самом деле коварная горка, с ней на «вы» надо быть.

Это могли сделать лишь опытные альпинисты, а они воевали на разных фронтах, и Александр Михайлович занялся их вызовом. В общей сложности под началом военинженера 3 ранга Гусева в месте сбора в «Приюте одиннадцати» оказалось 20 человек, в том числе будущие заслуженные мастера спорта Евгений Белецкий, Владислав Лубенец, мастера спорта Любовь Каратаева и Леонид Кельс. Их перед штурмом поделили на две группы, одной командовал сам Александр Михайлович, другую доверили Николаю Гусаку, тоже известному перед войной покорителю многих заоблачных вершин.

Погода явно не благоприятствовала: метель, ветер усложняли восхождение, которое Гусев решил начать глубокой ночью. Фашисты не ожидали подобной дерзости от русских, и утром 13 февраля им только и оставалось, как рассматривать в бинокли на месте их штандартов на западной вершине Эльбруса красный флаг. Их установила шестерка горовосходителей под началом Гусака. Но продолжал еще мозолить глаза германский стяг на восточном склоне. Снова тщательная подготовка – и 17 февраля его штурмом занялась группа Гусева. 15 часов сложнейшего восхождения – и вот уже на ветру развевается флаг СССР.

На этом я поставил бы точку, но история вдруг приобрела неожиданный поворот и связано ее продолжение с мастером спорта по альпинизму Евгением Гиппенрейтером. Он, как биолог, кандидат наук, часто разъезжал по различным научным симпозиумам и однажды, находясь в Мюнхене, любопытства ради решил заняться поисками Грота. Кто-то ему сказал, что он жив и обитает как раз в этом городе. И Евгений нашел его, напросился в гости. Грот вспомнил много любопытных деталей из той истории со штандартами, подробно интересовался, как поживает русский капитан Гусев, просил передать ему привет, а при прощании сказал, что с удовольствием бы совершил с ним какое-нибудь восхождение. Только не на Кавказе. В России и без Кавказа много гор…

В мирное время штурм Эльбруса, других вершин – конечно, не война, а если все-таки кому-то нравится подобное сравнение, то это война с собственными нервами и откровенный вызов стихии, и в этой жестокой битве нельзя ни на миг усомниться: товарищ, не задумываясь, придет на выручку, если это понадобится. Потому-то и подбираются в альпинистские дружины

люди по всем параметрах схожие между собой, с притертыми характерами, умеющие и мыслить, и действовать одинаково расчетливо. Сами горы сплачивают их. Высоцкий замечательно расставил все по местам:

Если парень в горах – не ах,
Если сразу раскис – и вниз,
Шаг ступил на ледник – и сник,
Оступился – и в крик,

Значит, рядом с тобой чужой,
Ты его не брани – гони:
Вверх таких не берут и тут
Про таких не поют

Валерий Хрищатый и Казбек Валиев и в жизни, и в горах не разлей вода. Казбек – сгусток энергии, порыва, оптимизма, человек большой силы и выносливости. Валерий, наоборот, спокойный, рассудительный, уравновешенный, во всех делах основательный, природа тоже не обделила его здоровьем. Когда пришел их черед, циклон, разбушевавшийся в Гималаях, достиг невероятной силы. Им пришлось возвратиться в пятый лагерь и ждать, пока он стихнет. Через несколько часов они снова выдвинулись на штурм и лишь ближе к рассвету добились своей цели.

Ребята страшно устали, отдав все силы схватке со стихией. Их возвращения с нетерпением ожидали Ильинский и Чепчев. Но погода, проклятая погода, она внесла свои коррективы, сдвинула график восхождения на полсуток, ближе к ночи. А Хрищатый не захватил с собой пуховые штаны и на спуске вдруг ощутил, как быстро холодеют конечности. Казбек застудил мышцу, у него начался сильнейший кашель, от которого он стал задыхаться. Вдобавок ко всем приключениям оказалось сломанным ребро, и, как он потом признался, создавалось впечатление, что оно своим острым сколом упирается в сердце.

– Темп спуска заметно упал, – слушаю Глотова, – каждый шаг давался Валиеву с превеликим трудом. Хрищатый, как мог, подбадривал его, а сам ощущал усиливающиеся боли в руках и ногах, они покрылись волдырями. Кислород был на исходе. В базовом лагере уже знали о случившемся, знали и о том, что Ильинский и Чепчев свою миссию выполнили, всю необходимую помощь оказали. Они уже собирались к выходу на маршрут и штурм Горы, а тут – приказ руководителя экспедиции Евгения Игоревича Тамма:

Ильинскому с Чепчевым сопровождать вниз Валиева и Хрищатого.

Уговоры и споры ни к чему не привели. Легко понять состояние Валерия и Казбека, внутри у них все клокотало, бурлило, никакой радости от восхождения на третий полюс земли. Получалось, что вроде их вина. Ильинскому и Чепчеву оставалось до вершины Эвереста, как от Центрального телеграфа до Красной площади. Всего метров 300 с небольшим… Но негласное правило: сам погибай, а товарища выручай никто не отменял.

Еще раз заглядываю в запись беседы с Юрием Глотовым, которой тридцать с лишним лет.

– Когда, возвращаясь на родину, поднялись над Катманду, все прильнули к иллюминаторам. Очень хотелось еще раз взглянуть на Джомолунгму. Какая она оттуда, из поднебесья. К сожалению, не удалось увидеть, пролетели мимо. А тут стюардесса объявляет: высота полета 8 тысяч метров. Значит, мы были почти на километр выше, а точнее – на 848 метров.

Я аккуратно складываю обветшалые от времени листочки и возвращаюсь к Пушкину:

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады…

Этим людям покой только снится. Им совсем не кажется, что после Эвереста они всего достигли. Я вспомнил слова Виктора Седельникова, услышанные там, в Заилийском Ала-Тау: выбрал дорогу – иди по ней до конца! Наверное, это и есть, девиз настоящих альпинистов, горовосходителей по призванию, сердечному и душевному порыву. Ведь сколько еще в мире вершин, куда пока не ступала нога человека. Не только «восьмитысячников». Да и на «крышу мира» ведет немало новых непроторенных путей, ждущих своих первопроходцев. Так или иначе, эту строку еще одного классика они заслужили: «Безумству храбрых поем мы песню!»

…Выставки спортивных фотографий – летопись отечественного спорта. Как долго не хватало здесь снимков с самой макушки планеты с лицами наших людей. Теперь они есть. Усталые, но счастливые лица.

Алма-Ата – Кунгей-Алатау – Москва, 1982.

Аттракцион со штангой в парижском «Диснейленде»

Об игре с железом, футбольных страстях и рукопожатье месье Саркози

Увидеть Париж – и умереть? Зачем? Не лучше ли, налюбовавшись вдоволь городом-красавцем, городом, насквозь пронизанным историей, вспомнить ту ее частицу, которая касается не Бастилии, не Наполеона, в общем, всего французского, а нас, россиян, нашего спорта. Именно здесь он получил доступ на официальную международную арену с правом участия в чемпионатах мира и Европы и – как самая вершина – в Олимпийских играх.

Я вспомнил об этом знаменательном и радостном событии во время чемпионата мира – 2011 среди штангистов. Все ведь разворачивалось 65-ю годами раньше, за какой-то час до старта мирового первенства – 1946, и так случилось, что это тоже был турнир тяжелоатлетов и проходил он именно в столице Франции. Нашу федерацию по этому виду спорта первой среди других федераций приняли в члены международной организации (IWF).

Тогда во дворце «Шайо» и родился первый официальный советский чемпион мира, подтвердивший сие высокое звание первыми для нас официальными мировыми рекордами (извините за перебор со словом «первый», но из данной песни именно это слово не выкинешь). Это был Григорий Новак, которого за богатырскую мощь и выдающиеся достижения (в общей сложности он установил 23 рекорда мира и 86 – СССР, этот результат держался до тех пор, пока на арене не появился Василий Алексеев) как только не величали: и «подъемным краном», и «советским Геркулесом», и «фабрикой рекордов». Но главное: по примеру Петра Первого было вновь прорублено окно даже больше, нежели в Европу, – в мир. На сей раз путь был открыт для всего отечественного спорта!

Портье в отеле подробнейшим образом объяс нил мне, как быстрее с Монматра добраться до аре ны чемпионата. Я поблагодарил его и, в свою очередь, пригласил на турнир, о котором он знать ничего не знал, как, думаю, и остальные 99,99 процента французов и заезжих туристов, коих в любое время года во Франции великое множество. Практически никакой рекламы, информации по радио, телевидению, в газетах, за исключением,

пожалуй, «Экип», да и то она поскупилась на место для штангистов. Но только не для супергигантов. Здесь главное спортивное издание страны сподобилось на более развернутый материал, посвятив его (что радовало) цепочке наших богатырей – от Юрия Власова до Василия Алексеева (попутно были названы Анатолий Писаренко, Леонид Тараненко, Александр Курлович).

Алексеев находился тогда на лечении в кардиологическим центре в Мюнхене. Кто мог подумать, что через две недели Василия Ивановича не станет, опытнейшие немецкие врачи так не смогут запустить изношенное тренировками, соревнованиями и несправедливостью сердце человека, олицетворявшего могучесть земли русской, и великого атлета. Напоминание о 80 мировых рекордах Алексеева, в общей сложности о 42-х его титулах европейского и мирового чемпиона, как в отдельных движениях, так и в многоборье, сопровождалось – то ли в шутку, с французским юмором, то ли всерьез – байкой, что почти каждому из этих достижений способствовало съеденные перед соревнованиями полкило черной икры… Даже если это так, порадуемся только качеству отечественного продукта, энергетике, содержащейся в нем. Только, братцы, на одной икре мало чего добьешься. И шприцы, уколы Алексеев начисто отвергал. Сам тренировался и команду, в бытность главным тренером сборной страны, тренировал по собственной методике силовой подготовки, на придуманных им специальных тренажерах.

С горестной вестью о кончине Василия Ивановича Алексеева, невосполнимой утрате выдающегося штангиста в памяти сразу всплыло несколько эпизодов, связанных с этим необыкновенным человеком. Расскажу об одном. Я работал тогда в Госкомспорте СССР и был вызван к начальству, которое проинформировало: из США к нам едет съемочная группа известной телекомпании, которая снимает многосерийный фильм о самых выдающихся спортсменах всех времен и народов, и надо срочно разработать программу ее пребывания и сопровождать. Были названы четыре кандидатуры. К Алексееву в Шахты мы полетели после съемок одной знаменитой гимнастки, которая за целый день работы у нее в доме не удосужилась предложить гостям хотя бы чай (хорошо, что обед и ужин были предварительно заказаны в гостинице). Каким же резким контрастом был прием американских телевизионщиков Василием Ивановичем и его супругой Олимпиадой Ивановной.

Как сейчас перед глазами картина: Василий Иванович в спортивном костюме, тапочках на босу ногу спешит с рынка домой с четырьмя огромными арбузами в обыкновенных сетчатых

авоськах. Чуть ли не начальными кадрами это вошло потом в ленту. Затем посиделки за уже накрытым столом, угощенья собственными соленьями и настойками. «Надо же перекусить с дороги, работа подождет, я никуда не убегу, – успокаивал американцев Алексеев. – Олимпиада Ивановна постаралась, пробуйте все подряд».

Гости только и успевали насладиться русским гостеприимством, пригубили и водочки, операторы, как мне казалось, с огорчением, временами отрывались от стола и вели съемку, а запись завязавшейся непринужденной беседы без традиционного: вопрос – ответ шла постоянно. Алексеев – душа на распашку, своим тихим вкрадчивым голосом говорил откровенно о житье-бытье. Не только спортивном, да и гостей больше интересовало, что вне помоста, каков великий штангист в обыденной жизни. Думаете, на этом все кончилось? Мы тоже так думали. Как бы не так. Сюрприз поджидал за воротами дома: два микроавтобуса, которые доставили всех на дачу, территория которой спускалась каскадом к самому берегу Дона. «О, нам 26 минут, отведенных на фильм о каждом спортсмене, явно не хватит, – огорченно вздохнула режиссер Эрика Эльбаум. – Придется просить продюсеров ради Алексеева сделать исключение и изменить формат».

Действительно, не хватит, если гостям еще пришлось познать, что такое настоящая уха, которую Василий Иванович готовил по своему рецепту, русская парилка с окунанием в Дон с его быстрым течением. Алексеев сам, никому не доверяя, по очереди «отхлестал» веничком Эрику и ее коллег, а потом, опять же по очереди, каждого, обернутого в простыню, словно пушинку, вскинул на вытянутые руки. «Сколько вы все вместе весите? О, меньше моих 645 кг в троеборье… А я-то думал, еще один рекорд установил!» – лицо богатыря озарила игривая озорная улыбка. Таким Василий Иванович и запомнился. Все это тоже вошло в фильм. Насколько мне известно, именно серия об Алексееве была признана лучшей.

…При отъезде не забыл спросить у портье, воспользовался ли он моим предложением. «О, да, вместе с детьми», – воскликнул он и добавил: «Русские – супер!». Я не знаю, кого он имел в виду конкретно, возможно, Светлану Царукаеву и Хаджимурата Аккаева, которые были признаны лучшими щтангистами 2011 года по версии журнала «World Weightlifting». Такое с россиянами произошло впервые за 28 лет существования столь престижной премии.

К штанге я вскоре вернусь, а сейчас разрешите «променять» ее временно на мяч. Футбольный. Увидеть Париж – и не побывать

на матче, тем более, когда играет сборная Франции? Нонсенс. В гости к ней пожаловали американцы. Проникнуть на национальный стадион в Сент-Дени казалось невозможным при том ажиотаже, который творился вокруг встречи. Но кто не рискует, тот не пьет шампанское. А я его попробовал настоящее французское шампанское после поединка в кругу французских журналистов. И это при том, что коллега из Москвы не очень-то разделял их радости по поводу скромной победы. Оркестр «трехцветных», где главную скрипку играли Франк Рибери, Флорент Малуда и Оливер Жиру, сыграл тушь лишь однажды, больше подопечные опытного тренера американцев, легенды немецкого футбола Клинсманна хозяевам не позволили.

Чемпионат тяжелоатлетов проходил на территории знаменитого парижского парка «Диснейленд». По вечерам парк переливался яркими огнями, сверкал, блестел, зазывал не за слабые денежки на сотни аттракционов, а попутно в многочисленные магазины, кафе и рестораны. Однако самим участникам было не до веселья и развлечений. Какой смех, когда предстоит тягать такие килограммы…

«Диснейленд» находится в 30 км от столицы. До места соревнований я добирался городской электричкой и ни разу не опоздал, настолько строго, чуть ли не секунда в секунду, выдерживается ее расписание. Вот уж поистине, увидеть Париж – и обалдеть от такой точности движения любого транспорта, будь то метро или автобус. Но еще больше обалдел, заглянув в закулисье чемпионата, где из вздыхающего от огорчения или, наоборот, аплодирующего зала на разных языках постоянно и требовательно звучали команды: «Стой!», «Держать!», где только русскоязычной публике были понятны термины «эх, забаранил» (получил нулевую оценку) или «порвал» (т. е. выполнил рывок). 24-летняя красавица горянка из Северной Осетии Светлана Царукаева, которую называли вечно второй, поскольку до этого ей никак не удавалось побеждать на официальных стартах, наконец, выиграла. При собственном весе до 63 кг она вскинула в рывке на вытянутые вверх руки 117 кг! Каково!

– Дома, как отмечать победу будут?

– Бабушка к моему возвращению спечет наш национальный пирог, трехслойный, с разными сортами сыра. Попробуйте – пальчики оближите.

А в Кзыл-Орде наверняка приготовили вкусный бешбармак в честь первого в истории Казахстана трехкратного чемпиона мира, русского парня Ильи Ильина, корнями связанного с этой республикой, здесь он родился и вырос.

А теперь вот о чем. Все-таки не одним спортом живет

человек, тем более, находясь в Париже. Хотите увидеть французского президента воочию? Нет ничего проще. Надо в национальный праздник – День перемирия в Первой мировой войне занять где-то к часам двум место на Елисейских полях у памятника бывшему премьер-министру и военному министру Жоржу Клемансо, с именем которого французы в первую очередь связывают то победное для себя событие. И еще надо попасться на глаза полицейскому из кордона. Завидев поверх плаща мою аккредитацию и прочитав, кто я, откуда и зачем, он проявил крайнюю вежливость и услужливость:

– Пожалуйста, сюда, сэр, за ближнее оцепление, здесь вам будет лучше видно месье Саркози и слышно, что он говорит. Скоро он должен подъехать.

Это праздничное утро в Париже начинается с парада. Правда, он не такой масштабный, как в День взятия Бастилии, но, тем не менее, я изрядно впечатлился, наблюдая по телевизору за красочным действием у Триумфальной арки. Торжественный марш под звуки «Марсельезы», после которого другой обязательный ритуал – вручение наиболее отличившимся памятных наград. Но даже не это произвело особое впечатление, а то, какое внимание президент Франции уделил ветеранам, удостоив их слов признания и уважения нации, а затем, как окруженный детьми погибших уже в наше время французских солдат месье Саркози тепло, сердечно общался с их вдовами и родителями.

– Сэр, не волнуйтесь, еще немного терпения, президент вот-вот будет здесь, – предупредил полицейский, который почему-то упорно обращался ко мне – не месье, а именно так – сэр.

И действительно вскоре президентский оркестр развернулся в боевые музыкантские порядки и заиграл бравурную мелодию вроде нашего «Встречного марша», под которую к памятнику «Отцу победы», как до сих пор называют Клемансо французы, подкатил президентский кортеж. Из головного автомобиля вышел Николя Саркози и энергичной походкой направился к заготовленному для возложения разноцветному (под стать национальному флагу) венку. После церемонии он поспешил в народ, пожимая руки всем, кто протягивал их. Я тоже протянул. О, теперь долго мыть руки не буду…

К чему сказанное чуть выше? У России ведь свое видение, свои счеты с Первой мировой. И вроде не наш это вовсе праздник. Тем не менее, я был вовлечен в его атмосферу, но по-своему. В Париже ведь все происходило, где именно штангисты распахнули широко ворота нашему спорту на мировую арену. Так что, спасибо тебе, столица Франции, где это произошло осенью

далекого теперь 1946 года.

Париж – Москва, 2011 год.

Настоящий полковник

Этот очерк написан после Белой Олимпиады-2002 в Солт-Лейк-Сити. Хотя с тех пор минуло достаточно лет, мне кажется, мысли, высказанные его героем, еще долго были актуальны.

Это вы о ком, Алла Борисовна?

Я знавал одного человека, который, не покидая пределы Арбатского военного округа, прошагал (точнее – «протирал штаны») от рядового до заветной серо-каракулевой папахи. Сомневаюсь, однако, что он герой пугачевского песенного романа. Женщина боевитая по своей натуре, она наверняка одаривает своим уважением людей со схожим характером.

Сидящий против меня полковник порохом пропах с головы до ног. Он не был в горячих точках, но имеет полное право отнести песню нашей примадонны на свой счет. Или стоять навытяжку под газмановские «Офицеры». Долгие годы совсем иное у него поле битвы, но исход ее чаще всего решается истинно по-военному – снайперской меткостью.

– Когда я почувствовал, – рассказывает двукратный олимпийский чемпион по биатлону полковник Анатолий Алябьев, – что становится сложнее тягаться с молодыми, да и вообще пора заканчивать с активной спортивной карьерой, определиться с местом в жизни, то подумал: тренеров у нас предостаточно, а вот войскам с моим опытом, знаниями и умением я, возможно, принесу больше пользы. Так и решил свою военную судьбу. Жаль, конечно, было расставаться с армейским спортклубом, который, собственно, вывел меня и в люди, и в чемпионы. Зато, считаю, занял именно свою нишу, работу люблю, да и о моем спорте она не дает забыть – схож ведь он очень с тем, чем сейчас занимаюсь.

…Учебный военный центр под Питером. Еле различимая в предутренней темени цепочка солдат растянутой змеей извивается меж высоченных стройных елей. Задача – затяжным подъемом взобраться в горку, с которой вся местность словно на ладони, окопаться, оборудовать огневые позиции. Лыжи проваливаются в снежную целину. Густой пар валит изо рта. Мороз, настоенный на повышенной влажности, хлещет по телу с такой силой, что даже сквозь толстенные варежки ладони примерзают к палкам.

– А теперь поставьте себя на место этих молодцев, – предлагает Алябьев, – легко ли после такого напряга, когда пульс бьет по руке с частотой чуть ли не под 150–180 ударов в минуту, как на дистанции биатлона, точно поразить цель. Это – главное, и

мы обязаны – не в обычной обстановке, а действительно приближенной к боевой, – обучить этому всех. Они любым оружием обязаны владеть.

Полагаю, читателям нетрудно догадаться, кто увлекает за собой эту горстку курсантов, хотя и старается Анатолий Николаевич дезавуировать свое участие. В свое время мне не раз доводилось быть в этом центре, и, естественно, нарисованную им картинку представляю достаточно четко. Ох и тяжко ребятам. Но, когда невмоготу, когда сверлит голову проклятая мысль: правильно ли выбрал профессию, не бросить ли все и найти уютное хлебное местечко на гражданке, – как много в такой момент зависит от командира, его личного примера. Вот он, впереди, стисни зубы, но не отставай, давай за ним. Ты же, в конце концов, родился мужчиной! И эти парни, вчерашние школьники и завтрашние офицеры, упорно тянутся к цели. А секундная слабость? В ней не стыдно признаться, с кем не случается…

– Я в таких случаях напоминаю ребятам строку из рубаи Омара Хайяма: «Упавший духом гибнет раньше срока».

– Увлекаетесь Омаром Хайямом?

– У него можно почерпнуть очень много метких выражений, для спорта полезных. Меня привлекает его философия жизни, он очень тонко чувствует ее во всех ее проявлениях. «Дни жизни даже горькие цени, ведь навсегда уходят и они».

– Тогда, наверное, и эти строки вам близки: «Чем ниже человек душой, тем выше задирает нос. Он носом тянется туда, куда душою не дорос».

– Ну, с этим я за свою спортивную карьеру, да и вне ее, сталкивался множество раз. Еще ничего из себя не представляет, а гонору выше шпиля на Адмиралтействе. И попробуй переломай, переубеди. – А сами-то вы, Анатолий Николаевич, ведь тоже суровую школу прошли, как ваши нынешние курсанты, и вообще, как в армии оказались? Готовеньким спортсменом забрили?

Какой готовенький?! В моей глуши о биатлоне знать никто не знал.

Меж высоких лесов затерялося небогатое наше село… Так в песне, так и в жизни. Деревня Данилково, где Анатолий родился, упряталась в самом сердце Вологодчины. Вокруг – летнее чудо, зимняя сказка. Грибов, ягод море. Ими питался Михайло Ломоносов, когда топал из своих Холмогор в столицу. Ведь шел он аккурат по Архангельскому тракту, который как раз через алябьевские места извивался. Добраться до Вологды – сначала полсотни кэмэ на автобусе, потом еще 800 поездом. Алябьев впервые увидел его, когда седьмой класс заканчивал.

– Тогда же первый раз по асфальту прокатился, – улыбается он, – а то все по нашему бездорожью на лошади. В телегу или сани впрягаешь, но чаще верхом зад отбиваешь. Всему в деревне научили – пахать, сеять, корову доить, даже пробовал кружева плести. У меня сельских специальностей уйма. И силушкой деревня не обделила, корни ее из земли тянутся.

Это уж точно. Сплетенный из крепких мускулов, жилистый, он и сегодня с легкостью быстроногой лани, не ведая, казалось бы, никакой усталости, носится в любую погоду, наматывая на свой спидометр здоровья не менее верст пятнадцати в день. Бегом или на лыжах.

В Кавголове нередко ему партнерствует Любовь Мухачева, тоже олимпийская чемпионка. Старается не отстать, тем самым только подзадоривает Анатолия.

– Да Алябьеву хоть сейчас на старт мирового чемпионата по кроссу, и отнюдь не среди ветеранов, – сказал мне, не моргнув глазом, Петр Болотников.

– Петр Григорьевич большой шутник, – отреагировал Алябьев, когда я передал ему слова героя Римской Олимпиады, – но отсутствием выносливости действительно пока не страдаю. В начальной школе я учился по системе 5 плюс 5. Это не об отметках. Школа была в другой деревне, Макарцево, 5 кэмэ туда, столько же, естественно, обратно, а с пятого класса – еще дальше, вдвое, наверное. Летом куда ни шло – не спешишь, любуешься природой, слушаешь птичье пение и щебетанье. А зимой – рассветает поздно, холодюка. Лыжи самоделки к валенкам прикрутишь, ушанку поглубже на лоб натянешь – и вперед, осваивать целину, никто тебе траком лыжню не прокладывает. Если метели нет – еще ничего, а как завьюжит, сугробы выше моего роста наметет – пиши пропало, в темнотище заблудиться на раз.

– «Ни огня, ни черной хаты. Глушь и снег. Навстречу мне только версты полосаты попадаются одне», – романс «Зимняя дорога» на пушкинские строки, значит, про вас?

– Почему про меня? Сколько нас таких, ребят из глубинки, по такой зимней дороге выкарабкалось в люди. А романсом мы, Алябьевы, гордимся, наш же однофамилец написал, кто знает, может, даже дальний родственник в каком-нибудь десятом поколении, надо бы изучить родословную, да все недосуг, руки не доходят. Козловского послушаешь, как он его исполняет – за душу берет, сразу родные места вспоминаю.

– Наверное, без той лыжни – и побед биатлонных ваших не было бы, а колокольчик однозвучный словно призывом заняться этим видом гремел?

Алябьев не отвечает, только пожимает плечами: может, и так.

На самом деле все могло случиться иначе – и совсем по другой причине. Нередко ведь судьба играет человеком. А она злодейка – был такой момент – едва не увела будущего двукратного олимпийского чемпиона далеко в сторону от биатлонных трасс. Потому как на него при призыве в армию «завели дело» совсем по другой спортивной специальности.

– После окончания педучилища в Вологде, – поясняет Алябьев, – я учителем физкультуры в райцентре Верховажье работал. Это все там же, по ломоносовскому тракту. Сразу шесть секций вел – от гимнастики и борьбы до – при моем-то росте, метр с кепкой – волейбола и баскетбола. В школе тысяча ребят. Приходил засветло, возвращался ближе к ночи. И самостоятельно тренировался – бокс, лыжи, разряды выполнил. С Раей Сметаниной, она за Коми выступала, познакомился на каких-то наших педучилищных соревнованиях. Знать бы тогда, что в Лейк-Плэсиде мы оба чемпионами станем…

Естественно, оба эти вида Алябьев обозначил в своем призывном листке. Их, молодых и необученных, собрали со всего Севера в Пушкине. В ожидании кого куда, Анатолий вдруг услышал, как его вызывают в спортзал. «Ну, вологодский, показывай, что умеешь, – предложил незнакомый офицер, подставляя ладони. – О, ничего, резко бьешь. В общем, служи нормально, а как закончишь с курсом молодого бойца, походатайствуем, чтобы тебя на тренировки отпускали».

– Так я попал в группу многократного чемпиона СССР по боксу Геннадия Какошкина, он порасторопнее своих коллег оказался, – Анатолий Николаевич вдруг принимает привычную стойку, вытягивая вперед правую руку. – В питерском клубе почти в одно время с нами, тренировались гимнастки из детской школы. Какошкин нам: смотрите, крохи, а как работают! Одна девчонка особенно выделялась – Лена Шушунова, будущая абсолютная олимпийская чемпионка. Мои дела тоже неплохо продвигались, может, и я на ринге достиг бы каких-то высот, но выцарапали меня все-таки из лап Какошкина тренеры по биатлону, убедили всерьез им заняться. Мне думалось, поздновато – 21 год, они считали, что в самый раз.

… «Какая еще сборная? Вы приглядитесь внимательнее – он же идет как каракатица, в раскорячку», – добавив в свой мягкий интеллигентный тембр металла, убеждал коллег Вадим Мелихов, один из ее руководителей.

– Толя, не горюй, пусть так думают, никаких перемен, продолжаем работать, – отрубил Валентин Пшеницын, украсив свой пассаж в сторону тренерского совета несколькими

типичными для такой ситуации русскими выражениями. Через несколько лет, на зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, их припомнят с восхищением – ну и прозорлив же Пшеницын. «Каракатица» дважды первой «доползет» до золотого финиша – после индивидуальной гонки биатлонистов на 20 км и эстафеты. А для Алябьева, чей стиль иным специалистам казался далеким от совершенства, это морское чудище станет талисманом на всю жизнь.

– Когда с двадцаткой все окончательно прояснилось, – вспоминает Алябьев, – ребята от радости кучу-малу устроили. Поздравляют, целуют, словно девицу. Мелихов, я заметил, в стороне стоял, ему, видимо, неловко было. Я подошел:

– Да будет, Вадим Иванович, мало ли что случается. Может, и к лучшему, что не среагировали на меня сразу, заставили вместе с Пшеницыным еще больше трудиться.

И мы обнялись. Моя техника в привычные каноны действительно не вписывалась, потому и не брали в сборную до двадцати семи, хотя вроде бы повыигрывал за эти шесть лет немало.

Алябьев не очень-то любит вспоминать то время, да и в разговор о биатлоне неохотно вступает, и все-таки я дожал его просьбой откликнуться на минувшую Белую Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити.

– Не знаю, что вы от меня хотите услышать? Обидно за Пашу Ростовцева, он мог выиграть. Но его затрясло. Может, эта история с флагом вывела парня из равновесия? Дело-то очень ответственное и почетное. Нельзя было соглашаться нести флаг на параде открытия до старта же Павлу оставалось всего ничего. А что получилось? Ростовцев, в конце концов, настроился и вдруг – отбой. Никто не подумал, сколько нервов, эмоций все это забрало.

Алябьев, чувствовалось, до сих пор очень переживает за товарища.

– И еще этот удар под дых, когда за полтора часа до «двадцатки» у него, единственного из всех, вдруг берут допинг-пробу. По какому праву, как такое наше руководство допустило? Олимпиаде что, мало было скандала в парном катании, когда моим землякам Бережной с Сихарулидзе «подсунули» на один пьедестал канадцев. Думаю, вся эта неприятная для нас ситуация заранее планировалась. Не предотвратили – значит, сами виноваты.

– После драки кулаками не машут…

– Потом сколь угодно протестуй, доказывай, что ты не верблюд. Но я бы, будь на месте, до того помахал, вспомнил бы

свое боксерское прошлое.

Разговорил я все-таки Анатолия Николаевича, еще много чего обсудили – и про нелады с психологией, и проблему допинга затронули, коснулись и нехватки специального оборудования для его контроля. Тренерский совет надо освежать новыми именами. Сколько интересных специалистов на периферии, так активнее привлекать их.

– У нас в институте физкультуры Виктор Александрович Плахтиенко со всех сторон исследовал этот феномен – психологическую устойчивость в спорте. Я сам, когда выступал, не стеснялся пользоваться его рекомендациями. Помогли. Нынешним тренерам почаще заглядывать бы в его работы.

– Не слишком ли узко, Анатолий Николаевич, все сваливать на психологию?

– А помножьте ее на дисциплину, которую тоже желательно подтянуть.

Он припомнил чемпионат мира в канун Солт-Лейк-Сити. Два часа ночи. По какой-то надобности ему надо было спуститься в холл гостиницы.

– Смотрю, один из лидеров нашей сборной кому-то по телефону названивает. Я ему: взгляни, дорогой, на часы, завтра же бежать. Он: все будет нормально, Николаич, не волнуйтесь, высплюсь. На следующий день затерялся в серединке, а от него медали ждали. Вот так! Не припомню такого ни при Привалове, ни при Маматове. Была железная дисциплина, без разницы – новичок ты в сборной или стократный чемпион.

– А против лома неужели нет приема? – перевожу разговор совсем на другую тему, Алябьев не сразу «врубается»:

– Что вы имеете в виду?

– Пресловутую астму.

– Сегодняшний спорт здоровья явно не прибавляет, это точно, работа на износ, на пределе человеческих возможностей, организм нужно как-то поддержать. Но, в любом случае, все должно быть в рамках фэйр-плэй, честной борьбы. Это дикость – способ, который избран соперниками для победы. Черт возьми, я и не знал, что среди лыжников, биатлонистов, конькобежцев такое количество астматиков. Не поверил, когда услышал, что в Солт-Лейк-Сити таких было заявлено больше половины. На самом деле, конечно, это липовые астматики, но к ним не придерешься, законов они не нарушают.

– Ворох всяких медицинских справок везут с собой?

– Именно. Обклеены ими. Они защищают их перед МОК, а если зайти с другой стороны – фактически оправдывают легальный прием запрещенных лекарств. Здоровые бугаи, на них

воду возить, – они перед стартом извлекают ингалятор. Кто внаглую, никого не стесняясь, кто – «совестливые» такие – в сторонке. Раз – и впрыскивают разные бета-блокаторы. Для непосвященных и жалостливых – пусть ребята лечатся, если так страдают. А кто понимает, что за этим, что к чему?

Алябьев прерывается, выжидает, как я среагирую на сказанное, и начинает разъяснять, за счет чего эти «астматики» заранее получают преимущество. Как легкие и кровь дополнительно насыщаются кислородом, повышается гемоглобин, подпитанные мышцы становятся легкими, эластичными, в них резко уменьшается запас молочной кислоты, излишнее скопление которой оборачивается гирей на ногах, преждевременной усталостью.

– Вы выбиваетесь из последних сил, а астматик-соперник, который должен был давно задохнуться и сойти с дистанции, по-прежнему свеж, летит к финишу, будто крыльями наделен.

– Что же делать?

– Наложить вето на прием перед стартом всяких препаратов. Долбить МОК. Олимпиады, что скрывать, сегодня и соревнования дельцов и хитрецов от спорта, но не в такой же степени…

В этом месте Алябьев предложил прерваться и отобедать в ближайшем кафе. Уже потом я сообразил, что он не столько проголодался, сколько решил взять тайм-аут, перевести дух, собраться с мыслями – не так-то просто давался ему «разбор олимпийских полетов».

Моросил мелкий противный дождь, он затекал даже за приподнятый воротник плаща и неприятно холодил шею. Привычная погода, скрывающая красоту великого города. С Садовой, едва пересекли Невский, свернули в какой-то переулок за Гостиным двором. У дверей кафе толкалась очередь, но она быстро рассосалась. Очевидно, у многих посетителей заканчивался обеденный перерыв, и кафе прямо на глазах опустело.

Мы уютно уселись за освободившийся столик у окна, сквозь которое виден был угол сквера около Александринского театра с памятником Екатерине. Стены были в картинах и эстампах с чудесными видами неповторимого Петра творенья. До боли знакомые места, исхожены вдоль и поперек, а, все равно, взгляд не оторвать. Стрелка Васильевского острова, Английская набережная и Невы державное теченье, Петропавловская крепость, Дворцовая площадь, Летний сад и Марсово поле, натянутый, словно струна, Невский проспект… В ожидании заказа Анатолий Николаевич неторопливо рассказывал о своей недавней поездке в Вельск. Это все там же, на родной

Вологодчине.

– Не знаете о таком? – удивился мой собеседник. – Зря. Он ведь постарше Москвы на сотню лет будет, Алексеевской ярмаркой славен. И музеем, в котором редкостные экспонаты, еще 1700 годом датированы. А про реку-то Вагу тоже не слышали?! Ох, там красота: с одного берега холмы свисают, а на противоположном сплошняком, километров на двадцать, сосновый бор. Я туда уж раз в год обязательно наезжаю. Детская спортивная школа там, в Верховажье, Надя Калина директор, сама хорошая лыжница. Область ей помогает, недавно автобус даровали. И я стараюсь поддерживать женщину, энтузиастка она страшная, 300 ребят под ее началом. Сейчас отвозил лыжи, ботинки, другой инвентарь.

– Шура, мой дружок с детства, как узнал, что я приехал, затащил на охоту, – продолжал Алябьев. – Сам он профессиональный егерь, академию сельскохозяйственную закончил. На волков пойдем, предупредил. Забрели мы в какие-то дебри, и вдруг вдали – медведица с детенышами. Я свой карабин, который мне еще министр обороны Устинов за победу в Лейк-Плэсиде подарил, в сторону, ребята тоже, и наблюдать – благо и фоторужье прихватили. Для меня стрелять в любое животное, волк ли это, либо другой хищник, неприемлемо, а тут еще олимпийский Мишка припомнился. В общем, пару-тройку часов в засаде тихо просидели, все боялись спугнуть зверя, так что теперь я много чего интересного могу рассказать про медвежьи повадки.

Заказ никак не приносили. Официант извинился, какие-то проблемы на кухне, предложил пока ограничиться холодными закусками.

– Что вы хотели еще услышать? – спросил Алябьев. – О стрельбе? Больное она у нас место, нет стабильности. Коснусь сугубо технической стороны. Не продолжать же на немецкий «Аншутц» ориентироваться, когда сами немало умеем. Не спорю, в дизайне уступаем, но стволы-то наши холодной ковки качественнее, разброс меньше при любом морозе. Я сам на одном подмосковном заводе участвовал в испытаниях. Специально в барокамере понижали температуру до минус 28, и стреляли отечественным патроном «олимп». Кучность выше, чем у немецких. Но мы почему-то усердствуем, тратим огромные деньги, тысячи по две с половиной долларов за винтовку. И с ложе без проблем, когда есть свои левши, высококлассные мастера Николай Морозов и Александр Прытов. Такие подарочные варианты делают – залюбуешься. Мне показали, думал, стопроцентно «Аншутц», а это – наше оружие…

Наконец-то официант сразу принес и нарезку с овощным

салатом, и жаркое в горшочках. Я предложил по рюмке за встречу, Анатолий Николаевич наотрез отказался.

– А как же Омар Хайям:

Вино запрещено, но есть четыре «но».
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьёт вино.
При соблюдении сих четырёх условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

– Я – здравомыслящий, но это не по мне, сам себе не разрешаю.

…Зима снова призвала на воинскую службу лыжную подготовку и ускоренное передвижение. Этими двумя дисциплинами из обязательного солдатского набора занимается кафедра в питерском Военном институте физкультуры, где начальствовал еще недавно, до увольнения в запас, Алябьев. Сейчас он там рядовой профессор. Рядовой ли? Предмет более чем знаком Анатолию Николаевичу. Столько лет он изучал его на практике. А вылилось все в иконостас медалей, каждая со своей историей, но маэстро биатлона, как называли Алябьева норвежцы, не любит разглагольствовать о своих спортивных подвигах. Было и было, большой спорт позади, теперь под его опекой курсанты.

– Меня мой чемпионский имидж не очень-то волнует, – говорит Алябьев.

– И все-таки, Анатолий Николаевич, не верится, что вы с биатлоном полностью «завязали»?

– Конечно, нет. Не часто, правда, но в разных ветеранских состязаниях участвую. Рука пока не дрожит, да и ход нормальный.

На этой оптимистической ноте распрощались. Вернувшись из Питера домой, я не поленился заглянуть в «Иллюстрированную энциклопедию животных». Каракатица, вычитал в ней, передвигается волнообразно и относится к самой совершенной по своей организации группе десятиногих моллюсков. Вот так-то – к самой совершенной. Значит, не так уж плохо сравнение с этим чудищем южных морей. А уж другая характеристика – настоящий полковник – вообще без возражений. Спасибо, Алла Борисовна, за песню.

2002 год.

Гомельские

К огромному сожалению, одного из них, Александра Яковлевича, уже несколько лет как нет с нами. Но этот материал писался тогда, когда оба Яковлевича, и Александр и Евгений, были на боевом тренерском посту, и я его оставил таким, каким он был напечатан.

Они одного роста, оба невысокие, подтянутые, ни намека на обволакивающий живот жирок. Подвижное лицо, живой взгляд. Седина короткой стрижки придает обоим академическую солидность. Прекрасно владеют словом, убедительны, как полагают, в споре, изящные манеры вперемежку порой с замашками аристократов, чему сами удивляются – не барских ведь кровей. Одеты с иголочки, модно. Галстуки всегда в тон, пиджаки (один предпочитает строгих темных тонов, другой – под тип твидовых) сидят, как на выставочных манекенах, штиблеты, начищенные до блеска, можно использовать как зеркало. Явно ощущается влияние жен, хотя и отнекиваются, им кажется, это равнозначно пребыванию под пятой.

Евгений Яковлевич прожил всю жизнь с одной, вот уже сорок лет вместе, двое детей. У Александра Яковлевича – так сложилось, есть болезни, которые мы пока не властны побороть, – сейчас третья супруга. Первые две, к сожалению, покинули сей мир; Лиля, бортпроводница, с которой он познакомился в самолете, и вовсе в расцвете красоты. Нынешняя, Татьяна, много моложе мужа, сделала А.Я. отцом в четвертый раз. Виталику, их общему ребенку, – пятый год. Старший, Владимир, известный спортивный комментатор, недавно ощутил полувековой груз за плечами. Разом загасить полсотни свечей не удалось – раздобрел, не та уже дыхалка… Папа, наблюдая за сыновьими потугами, недовольно качал головой. На свое 75-летие он исполнил эту приятную процедуру с необыкновенной легкостью. Сраженный наповал столичный бомонд затюкал скептиков, засомневавшихся, было, в обещании подумать о пополнении семейства к следующему юбилею…

Хватит арифметики. Гомельские. Уникальное явление в спорте. В его истории еще не случалось прецедента, чтобы родные братья в роли главных тренеров выигрывали со своими командами Олимпийские игры. Старший победил в Сеуле-88, младший – следом в Барселоне-92. Один – с мужчинами, другой – с женщинами. Настоящие профессора баскетбола, хотя Евгений Яковлевич скромничает: мне и доцента достаточно. Не они сами

нарекли себя этими званиями. Баскетбольный мир так числит их в своих рядах.

– Мир-то, возможно, и числит, однако почему-то Сашу убедить долго не мог, – улыбается Евгений Яковлевич. – Он долго не воспринимал меня всерьез, относился с некой снисходительностью, такой, знаете, взгляд мэтра сверху вниз. Я не обижался, он действительно мэтр, царь и бог, а я кто? Выскочка. Хотел быть артистом, во ВГИК на актерский даже экзамены сдавал, два тура прошел. Но один мудрый человек, не Саша, посоветовал поехать в Сталинград, с молодежной командой поработать. Я поработал. Толя Блик, Шурка Сидякин, Балашов, Никитин – все мои ребята, будущие сборники, в 28 лет – заслуженный тренер России, а брат все сомневается. Пришлось ждать Олимпиады в Барселоне, чтобы что-то в нем внутри передернулось. После финала он мне лишь одобрительно кивнул головой и по плечу похлопал, зато перед женой моей распинался: а рыжий-то твой, тренер! Хитрец, вот так фаршированную рыбу у нее вымаливал. Она мастер ее делать. А почему – рыжий? Так дворовые ребята в детстве дразнили.

Я не пишу биографический очерк – родились, учились, ухаживают за дамами… Последнее, заметьте, не в прошедшем, а в настоящем времени. Симпатичных девчат они с юности не обходили вниманием, и сила привычки обольщать женский пол сохранилась и по сей день. Причем у всей мужской части семьи Гомельских – гены… Это некий сумбур, сложившийся под впечатлением личных встреч в разные годы (с Александром Яковлевичем больше) и деталей, мало кому известных, но известных автору волею обстоятельств, скажем, из-за журналистской работы в «Красной звезде» и чиновничьей – в союзном Госкомспорте.

Звоню в конце декабря Гомельскому – старшему поздравить с Рождеством. Он с удивлением:

– Почему не с «Ханукой»? Ты что, меня из иудеев в католики перевел и вообще забыл про наш праздник? Так прочисти мозги, включи телевизор – увидишь, Лужков с Кобзоном на Манежной площади его открывают. Юрий Михайлович получше любого еврея знает обычаи. А вот уже и запели с Иосифом…

Через день снова в трубке голос Гомельского, только Евгения. Ему стукнуло 65, и, выслушав мои, не отличающиеся оригинальностью, напутствия и пожелания, «доцент» осекает с укоризной:

– Спасибо, но сейчас же «Ханука», о ней-то что молчишь?

Через месяц оба будут осуждать меня еще раз – за то, что с опозданием поздравил с другой памятной датой. Черт возьми,

действительно, как я мог так опростоволоситься? 27 января 2004 года. 60 лет, как Ленинград окончательно разжал тиски блокады. Ведь братья – коренные питерцы. Точнее, если строго по документам, питерец – Евгений, а Александр родился десятью годами раньше в Кронштадте, где проходил службу боевой морской офицер Яков Гомельский, к сожалению, не доживший до светлого Праздника Победы.

В эвакуацию семья Гомельских выбралась чудом, успев нахлебаться блокадного лиха. Там, в небольшой деревушке, приткнувшейся, словно дитя к груди матери, к подножию Уральских гор, Саша освоил свои первые профессии.

– У местных научился пасти коров, пахать, запрягать лошадей, да все подряд делал, – вспоминает Александр Яковлевич. – Кругом одни бабы, я, безусый пацан, среди них чувствовал себя мужиком. Сестра Лида, она чуть младше, с Женькой, тот совсем сопляк, были у меня на подхвате. Такой семейный подряд образовался. На заработанные трудодни и существовали, матери помогали. Потом, когда вернулись в Ленинград, мне даже предлагали «Давыдовым» из шолоховской «Поднятой целины» стать, идти колхозом руководить. Может, и пошел бы, но в моей жизни к тому времени появился баскетбольный мяч. И – все, судьба!

В Сиднее, на Олимпиаде, в ожидании очередного матча, сидим с А.Я. на траве под раскидистым дубом, и он рассказывает, как это случилось. Послевоенная Петроградская сторона, дела в школе не ахти, троечник, не то, что Лида, та круглая отличница, а тут в топографическом училище набирают из местных мальчишек баскетбольную команду. Отчего не попробовать. И, пока сестра «штамповала» один иностранный язык за другим (все семь, которыми она владеет, для нее как родной), брат вдруг обнажил дар прекрасно ориентироваться на местности (это ценное в жизни качество трансформируется в игровых видах спорта в другое редкостное – умение видеть поле, предугадывать развитие событий), да еще неожиданно оказался силен в анализе и математике. Повторяемые десятки раз комбинации, сотни упражнений и тысячи бросков легли в конце концов в теоретические формулы успеха, а на практике вылились только в мировых и европейских чемпионатах в десять (!) побед. А сколько их было всего за те четверть века, что Гомельский рулил сборными страны!

– Знаешь, какой бросок у меня был самым любимым? Крюк. Из угла через голову – раз, ну-ка перехвати!

Крюк – а в памяти уже не Сидней, а Тбилиси, и год 1971-й. Переигровка с питерским «Спартаком» за золото. Пара-тройка

мгновений до конца, ЦСКА уступает очко. Гомельский берет тайм-аут. Кажется, дело швах, вариантов выкрутиться никаких. Назло еще Владимир Кондрашин, принципиальный соперник по тренерскому цеху, – большущий мастер ставить защиту. А что если… Крюк Сергея Белова с финальным свистком воплощает в победу изящную комбинацию. Мяч в кольце, зал ревет. В самолете на обратном пути, под стопку водки Папа (это уже отечественное прозвище) по-отцовски целует меня и официально объявляет талисманом. Его-то приглашение поехать с командой в Тбилиси было не с бухты-барахты, знал про мое сидение годом раньше на скамейке запасных в Ташкенте, где ЦСКА футбольный точно в такой же ситуации одолел «Динамо» в борьбе за всесоюзное чемпионство.

Много лет спустя Иван Едешко, один из великих в баскетбольном окружении Гомельского, расшифрует его феномен так: «Александр Яковлевич никому и никогда не давал усомниться в своей незаменимости. Он умеет работать, умеет побеждать, а главное – способен заставить других этим умением овладеть. Мы по молодости принимали его постулаты с недоверием, а то и в штыки, внутренне сопротивлялись. Время расставило все по местам, оно убедило: без этого невозможно стать ни большим спортсменом, ни тем более большим тренером».

Ой ли, неужели Едешко это говорит? Ему-то всегда чудилось, что А.Я. давит всех своим жестким авторитаризмом, при том, что сам Иван в пай-мальчики ну никак не годился.

Характер у обоих Гомельских действительно не сахар. Е.Я. более отходчив, наверное, потому, что уж таким непререкаемым авторитетом себя не мнит. А.Я. – иной. Чтобы ему возразить – ни за что не потерпит. Но хитрющий же лис, чувствует, когда вожжи надо ослабить.

Возвращаемся «Красной стрелой» из Питера в Москву. Настроение хуже некуда, «Спартак» берет реванш у ЦСКА. В есенинской «Астории» банкет. Армейцы среди главных приглашенных, «поляна» накрыта, однако так и остается нетронутой. Папа запретил. Вашему покорному судье, независимому в своих поступках, приходится отдуваться за всех под немым укором присутствующих. Едва поезд тронулся, как через стенку купе слышу шум, гам, крик. Едешко сцепился с А.Я., разговор грозит перейти в скандал. Все ждут, чем разрешится конфликт.

– Ладно, Ваня, – спускает все на тормозах Гомельский, – прав ты, наверное, может, и надо было пойти, за счет «Спартака» шампанского или коньячку выпить, а то теперь для примирения

придется самим раскошелиться.

Дежурный по команде тут же был послан в поездной буфет…

Конечно же, чересчур уверен в себе, противоречив, словом, не подарок. Но, не правда ли, чаще всего именно такие люди и делают погоду. У американцев свои критерии оценки баскетбольного величия. Их не трогает «иконостас» – перечисление, сколько ты там навыигрывал. Главное – есть твое фото в «Зале баскетбольной славы США» или нет. Когда портрет Папы, единственного из тренеров – иностранцев, вывешивали, кто-то из местных коллег заметил: «Спасибо, конечно, чудоковатому Нейсмиту, который придумал эту забаву, предложив своим студентам покидать мяч в корзину от персиков. Но настоящий баскетбол должен вести свой отсчет с того момента, когда в него вложил душу и сердце Алекс Гомельский…»

Здорово подмечено. Добавить бы еще про мучительные поиски, бессонные ночи и головные боли. Про то, если не выиграл, то виновником признают только тебя и никого другого, а, уж коль на пьедестал поднялся, то на коне въедут на трон десятки людей, которых и «рядом не стояло». Как однажды, проснувшись, ты узнаешь, что, еще вчера обласканный, всеми уважаемый, сегодня, оказывается, больше никому не нужен. Это еще ладно, Александр Яковлевич относится к подобной метаморфозе по-философски: если ни разу не снимали – значит, плохой тренер, или недоработал, засучивай рукава и начинай все сначала. Но как быть, когда однажды тебя объявляют невыездным, и ты годами бьешься, словно рыба об лед, пытаясь докопаться до истины: почему? за что? Полный молчок.

Тбилиси-71 точь-в-точь повторился в олимпийском Мюнхене-72, в матче сборных СССР и США. Та же золотая двухходовка за три секунды до конца, только завершил ее другой Белов, Александр. А Гомельского, в чьем вкладе в фантастическую победу никто не сомневался, в команде не было. «Отцепили». Пустовало его тренерское место на скамейке ЦСКА и в финале Кубка европейских чемпионов в Бельгии против итальянского «Иньиса». Поскольку матч по ТВ не транслировался, Папа вел игру… по телефону. Армейцы завоевали-таки приз.

Невыездной… На несколько лет приклеилось к нему это страшное по тем временам клеймо. Вроде бы какую-то оплошность допустил на мировом первенстве в Любляне. Как же радовались те, чьим гимном был антисемитский шансон: евреи, евреи, кругом одни евреи… Они умудрились даже присутствие Израиля на Всемирной Универсиаде-73 превратить в тайну за семью печатями. Есть делегация – и в то же время как бы нет.

– Не поверишь, – вспоминал Александр Яковлевич, – я сам до последнего момента толком не знал, где и когда играем с их баскетболистами. В конце концов, матч упрятали в маленький тренировочный зал ЦСКА. Без зрителей практически, одни функционеры и рота солдат. А ведь мог бы собрать полные Лужники.

Потом, конечно, оценив всю вздорность, обвинение сняли. В высоких партийных кабинетах на Старой и Новой площадях решался вопрос. С измотанными нервами Гомельский вернулся на привычное место в сборной, чтобы довести ее до золотого триумфа в Сеуле-88, а затем укатить за океан в Сан-Хосе, изучить глубже американский опыт.

Но мы где-то потеряли в пути Евгения Яковлевича. Сейчас отыщем, в динамовском баскетбольном клубе.

– При таком брате, сами понимаете, у меня не было иного пути, как взять в руки мяч и тупо бросать его в кольцо, – охотно окунулся в прошлое мой собеседник. – Саша, при его могучей магии влияния, вообще всех Гомельских хотел обратить в баскетбольную веру. Со мной этот номер прошел, с Вовкой, его первенцем, тоже, тот до комментаторства приличный защитник был. А вот других сыновей никак: Сашка – менеджер хоккейного клуба «Крылья Советов», Кирилл в экономику и языки ударился. Мой Димка – ватерполист; когда я в Израиле работал, он за «Маккаби» выступал, очень даже прилично играл, на уровне израильской сборной. Ну а если дальше о себе, то, закончив школу, я прикатил в Латвию. Саша к тому времени работал там уже несколько лет с рижским СКА. Практически он эту команду, которая долго лучшей и в СССР, и среди клубов в Европе считалась, с нуля создал, а самому-то еще далеко до тридцати было.

– А что так рано в тренеры подался? Неужели быстро исчерпал игроцкий потенциал, говорят, у него приличный запас был?

– Если честно, при всей одаренности, Саше, как позже и мне, не так-то ярко светили крупные игроцкие звезды – как ни крути, невысокий рост сказывался. А он ведь во всем максималист. Так зачем быть середняком, когда чувствуешь, что в тренерстве сумеешь достичь того, что не удалось на площадке. Воплотишь идеи, которые роем кружатся в голове. И он ушел. Начал в Питере с женским “Спартаком”. В Ригу же его направили после окончания военного института физкультуры. ЦСКА уже потом был, московское начальство смекнуло, зачем держать ценного кадра на периферии. На тех баскетбольных перепутьях Саша и «с любовью встретился своей», как поется в популярной песне из

«Весны на Заречной улице». Ольга Журавлева, будущая чемпионка Европы, занималась у него в «Спартаке», кстати, вместе… со своей мамой, Ниной Яковлевной. Та еще победительницей союзной Спартакиады 1928 года была!

ЦСКА – «Динамо». Для Москвы событие под стать лондонскому футбольному дерби «Челси» – «Арсенал». Вам кажется, сравнение с натяжкой? Как сказать? Русский же дух витает над этой парой столичных клубов, учитывая, что один из них куплен на корню российским парнем с Чукотки – Романом Абрамовичем. Тот же, как на прекрасно выстриженном лондонском газоне, голововокружительный вихрь атак, немыслимые финты, горящие глаза игроков. Ловлю, однако, себя на мысли, что все эти изыски, вызывающие бурю восхищения, не очень-то занимают меня сейчас. Все внимание к двум невысоким седовласым джентльменам. Они сидят по разные стороны поля, и я, не оборачиваясь на площадку, лишь по выплеску эмоций на лицах обоих, по тому, как реагируют они на каждый эпизод, каждый судейский свисток, легко догадываюсь, что там творится. Гомельские. По разную сторону баррикад их развела не Октябрьская, а баскетбольная революция. Сейчас у них президентская дуэль (старший командует в армейском клубе, младший – у соперников), раньше была тренерская.

Еще перед игрой Александр Яковлевич, маскируясь под обиженного, роняет:

– Матч еще не начался, а «Динамо» уже ведет – 2:1. Несправедливо.

– ???

– Ну как же, мало им одного Женьки, так они Тель-Авив растормошили, Эви Шарфа, выписали…

Шутка, конечно, оценена. Однако всем известна и иная сторона подначек. При том, что «Яковлевичи» обожают друг друга, их непримиримая пикировка, десятилетиями сопровождающая обоих в спорте, стала предметом творческого изучения «особенностей родственных связей». Яростный спор идет во всем, что касается понимания баскетбола, системы тренировок. Они, заметьте, никогда не работали вместе. Никогда.

– А мы и не очень стремились к объединению, – говорит Евгений Яковлевич. – Каждый шел своим путем, держал задумки в тайне. Когда встречались наши команды, матч по накалу больше бой в ринге напоминал. Вот тогда секреты и раскрывались. Чья возьмет, у кого кулак поувесистее, аргументы более внушительнее? Конечно, до состояния, когда тренеры откровенно ненавидят друг друга, не доходили, но, если честно, и взаимной любви в таких матчах не испытывали. Спорт есть спорт.

Какое там братство на площадке, когда каждый победить хочет. Только никто не может нас упрекнуть, чтобы в этом жестком мужском споре мы за границы честной борьбы переступали.

Они действительно проповедовали разный баскетбол. Если младший был больше приверженец маневренных скоростных действий по всему полю, как бы сказали в волейболе, общей игры, то старший в тактике граничил с топографической позиционностью. Когда события разворачиваются неторопливо, в ожидании, пока свое ударное место ближе к щиту соперника зай мет, по-ватерпольному, “столп”, т. е. центровой нападающий. Ему и пас. Чтобы не искушенному в баскетболе читателю стало понятно, о чем речь, назову несколько имен: Увайс Ахтаев, Владимир Андреев, латышский лесоруб Янис Круминьш, Владимир Ткаченко, наконец, Арвидас Сабонис. Гиганты, у всех рост за 215 см!

Сабонис, Сабас, как в мире сокращенно величают знатного литовца. Пожалуй, самая большая тренерская и человеческая любовь Александра Яковлевича. И боль, и горе одновременно. Огромный талантище, дарованный богом, и обидно – так и не раскрылся до конца. Середина восьмидесятых. ЦСКА против каунасского «Жальгириса». Противостояние вселенского масштаба. Занавес приподнят, неописуемое по красоте действо на сцене, а в закулисье госкомспортовских и иных коридоров творится невообразимое, кипят поистине шекспировские страсти. Гомельский возражает против участия Сабониса в этих играх. В ответ – рука Москвы, шкурные интересы, Гомельский-де – армеец, он заведомо хочет ослабить конкурента. Из Вильнюса вызывается подмога на уровне высших правительственных чиновников Литвы (читающий эту книгу из вступительной главы уже нашел подробное объяснение случившемуся, знает, как развивалась ситуация).

Пора закругляться, ищу концовку. Может, она в той песенной строчке, которую услышал у известного барда Вячеслава Малежика: «Вечною тайной владеет в любви роковой».

Какой такой тайной владеют Гомельские в своей любви ко всему: к жизни, людям, женщинам, детям, баскетболу? Нет, пожалуй, баскетбол вынесем вперед.

Левитан спортивного микрофона

В лицо этого высокого стройного человека мало кто знал. А вот его редкостный раскатистый баритон – миллионы людей. «Виной» тому – футбол и хоккей. Валентинова уже нет с нами, и очень хочется, чтобы эти заметки, написанные несколько лет назад, стали данью памяти и огромного уважения к Валентину Федоровичу за все сделанное им. Вместе с ним ушла в историю целая эпоха спортивного дикторства. Как жаль…

В Москве, когда пересекались, а это случалось довольно часто, обязательно обменивались рукопожатиями, перебрасывались на ходу парой ничего не значащих дежурных фраз, мило улыбались. Это было скорее шапочное знакомство. И надо было приехать в Израиль на Кубок Первого канала, а затем отправиться на экскурсию в Назарет, покружить вокруг «библейского моря», помочить ноги в Иордане, наконец, прокатиться вдоль Голанских высот, извилистой стеной загораживающих израильский Байкал, чтобы, наконец, обстоятельно разговориться. Подтолкнула нас к этому и короткая остановка у памятника танку Т-34 – боевому свидетельству отражения египетско-сирийской агрессии.

– Лихо они эти складки утюжили, – произнес мой собеседник, окидывая взором горы. – Все, что касается семилетней Войны Судного дня, мне очень интересно, ведь я сам в прошлом военный, офицер, правда, морской. Мог, наверное, дослужиться до капраза (капитана 1 ранга), а то и адмирала, как многие мои однокашники с Тихоокеанского флота, но попал под хрущевские «1 миллион 200 тысяч».

Кто же он – это человек инкогнито? Валентин Валентинов. Главный диктор главного стадиона России – олимпийского комплекса «Лужники». Золотой голос российского спорта. Или – если угодно – бриллиантовый. Не раз слышал и такой отзыв – «Левитан спортивного микрофона». Так в свое время величали Николая Николаевича Озерова.

– Оба они и, конечно, Нина Васильевна Шаборкина, о ней отдельный сказ, многое для меня сделали, учителями моими были, – говорит Валентинов. – Бывало, Юрий Борисович Левитан усаживал меня рядом с собой, когда вел спортивные парады, мол, слушай, а потом, в паузах, выключит микрофон и неожиданно: а вот это, друг любезный, тебе говорить. Сначала я рот боялся раскрыть, жутко волновался, как представлю аудиторию – вся страна. Левитан слегка подтолкнет в плечо – давай! А у Николая Николаевича другую школу прошел: досконально знать предмет –

правила, регламент, игроков, да все, и настраиваться под то событие, о котором вещаешь. Не один месяц «просидел за партой», чтобы свободно ориентироваться в футболе, хоккее, других видах.

– Настраиваться – это значит манипулировать голосом, выше, ниже, выбирать тональность звучания, привносить, если нужно, голосовую торжественность в зависимости от вида спорта, соревнования, даже конкретного спортсмена?

– Именно. Возьмем представление команд перед матчем. При всем старании ровно не получается произносить одинаково имена, например, Егора Титова, Сергея Игнашевича, Вагнера Лава или игроков, которым еще нужно обрести их авторитет.

Возвращаясь же к Озерову… Как-то он обмолвился: Валентин, ты уже 20 лет у микрофона, а звание какое-нибудь, награды у тебя есть? Узнав, что ничего, наскоро записал мои данные; кажется, менее чем через год мне присвоили «Заслуженного деятеля искусств России».

– Вы москвич?

– Коренной сибиряк, родился в Томске, – начал рассказывать о себе Валентинов. – Отца, он обычным инженером в какой-то коммунальной конторе служил, расстреляли в 38-м, и мать от греха подальше увезла меня во Владивосток, куда ранее перебралась старшая сестра. Теснились в бараке на территории военно-морского училища имени Макарова, где мама работала.

После школы особо не задумывался, куда поступить, сюда и поступил.

Я был исправным курсантом, практиковался на разных кораблях – крейсерах, эсминцах, сторожевиках, качки, штормов, никаких нагрузок не боялся. Выручал спорт, всерьез им увлекался, в сборные флота по легкой атлетике, плаванию, баскетболу входил. С задержкой дыхания 70 мет ров мог под водой проплыть, сейчас, правда, только 35, но и возраст уже трижды лейтенантский. Не верите? Сам не верю. Но чем ближе к выпускному курсу, тем чаще сомневался: тот ли путь избрал, а служить спустя рукава не в моем характере. Еще больше засомневался, когда получив назначение командиром б/ч на эсминец. Несколько раз писал рапорт об увольнении. Молчок. Тогда решился на отчаянный по тем временам шаг: на шести страницах накатал письмо Ворошилову; Климент Ефремович, если меня не подводит память, был тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР, по-нынешнему вроде бы президентом страны. Не знаю, дошло ли до него, кто принял решение и наложил резолюцию, но, когда на армию накатилась волна хрущевского сокращения, на меня пришел приказ об

увольнении.

– Не так давно довелось быть во Владивостоке, вроде как я местный, пригласили на кинофестиваль «Меридианы Тихого» почетным гостем, – продолжал Валентин Федорович. – Естественно, заглянул в училище, теперь университет; начальник, вице-адмирал, тепло поприветствовал: у нас многие известные личности были, но всероссийский спортивный диктор – никогда, ваш голос в репортажах из Лужников слышим, теперь вот видим, рады, что в этом искусстве вы обрели свое признание. Я был тронут таким приемом, словно в молодость окунулся, одно расстроило, когда с друзьями юности встретился: не так, как надо, скудно живут люди, которые столько сил и здоровья отдали во славу Родины, укрепления ее морской мощи.

– А дальше, после увольнения как судьба складывалась, к дикторству-то в Лужниках как пришли?

– Мне профессия эта с детства нравилась, часами заслушивался Левитаном, Ольгой Высоцкой, в школе и училище пробовал вечера вести – вроде бы получалось, а тут наткнулся на объявление в газете: в Хабаровске конкурс объявили, набирают дикторов радио и телевидения, я и поехал. Прослушали – одобрили, тембр понравился, и отправили на учебу в местное театральное училище, техникой речи овладевать, дыхание, дикцию ставить, в общем, практически весь актерский курс наук прошел, кроме фехтования. Там, на местном радио, и начал, только недолго задержался.

– И куда теперь двинули?

– В Москву. В 1962 году в Хабаровске гастролировал московский балет на льду. Ирина Голощапова, Владимир Лузин, Татьяна Катковская – сплошь тогдашние звезды. Их директор прибегает к нам – выручайте, объявляющий нужен. Меня во Дворец спорта – садись, морячок, за микрофон, не дрейфь. А я первый раз фигурное катание по-настоящему видел, а тут еще целый театр. Несколько репетиций, вроде бы получился контакт. В общем, все гастроли с ними проработал, а потом они меня в Москву с собой увезли, в штат зачислили. В балете с женой своей будущей познакомился, много стран с ним исколесил и продолжал бы, если бы не судьбоносная для меня встреча с Ниной Васильевной Шаборкиной, в то время главным диктором Лужников. Профессионал высшего класса. А какой педагог! Она учила правильно по-русски говорить, требовала следить за произношением, ударениями, интонацией. Мне казалось, что со мной она чересчур строга, но это была еще одна школа мастерства, за которую Нине Васильевне по сей день благодарен. Кстати, я и сейчас продолжаю учиться – столько новых слов,

порой непонятных, в нашем языке появляется.

– Свой дебют в Лужниках помните?

– Еще бы! Февраль 1973 года. Хоккейный матч ЦСКА – СКА (Ленинград). Леонид Ильич присутствует. Брежнев матчи с участием армейцев старался не пропускать, болельщик страстный был. Переживал и дымил, сигарета за сигаретой. Мне-то не видно, да и не ведаю об этой привычке, объявляю: «Курение во Дворце спорта запрещено». Раз, другой. Вдруг ко мне подскакивают какие-то люди, бац по микрофону – чтобы больше этого не объявлял.

Накрапывающий мелкий нудный дождь сдуло колючим ветром. Над нами огромной дугой повисла радуга. Из-за плотных облаков выглянуло солнце, его лучи, отразившись от Голан, впились в бордовые купола греческой церкви. Она прижалась к берегу озера, упрятавшись в фруктовом саду. Под тяжестью южных плодов ветки гнуло к благодатной земле.

– Мандарины, апельсины, бананы – не мое, – признался Валентинов. – Я вот антоновку обожаю, откусишь – такая приятная кислинка во рту.

Попутно выяснилось, что он любит все крепко перченое и соленое, квашеную капусту и соленые огурчики с картофельным пюре и селедкой. Но не под водочку – нескольких глотков джина с тоником достаточно. «Не его» еще все сладкое, кроме горячего шоколада, минеральная вода. В стакан обычной засыпает на ночь три щепотки соли и утром поласкает горло, считает, что звук чище, звонче делается, да и от простуды уберегает. Два года назад из-за трагедии в семье слег с инфарктом, после которого восстановился не столько спокойствием, сколько ежедневной часовой зарядкой и энергичной ходьбой.

В свои 70 с лишним лет Валентинов статен, подтянут, накачан, стрижется сам, не доверяет густую шевелюру парикмахеру, даже в мороз ходит без головного убора – голова дышать должна.

– В корабельную, то есть дикторскую топку еще каких-нибудь фактов подбросите, счастливых ведь мгновений за полжизни у стадионного микрофона накопилось немало?

– Да уж достаточно. Никогда не забуду, как Хулио Иглесиас долго стоял на коленях перед Львом Яшиным. Лев Иванович уже плохо себя чувствовал, но пришел послушать знаменитого испанского певца, в прошлом тот ведь тоже был вратарем, в мадридском «Реале» играл. Иглесиас несколько своих песен посвятил этому замечательному человеку, непревзойденным мастерством и мужеством которого всегда восхищался. А когда концерт закончился, с огромными букетами снова спустился к

Яшину, крепко обнял его и Валентину Ивановну.

Счастливые мгновения? Три с половиной десятка лет совместной работы на хоккее с Кириллом Вацем, очень известным радиожурналистом и переводчиком. Я на русском, он – на английском, это счастье, это спектакль на двоих, как говорит моя жена. Как крупный турнир в Москве – так наш. А победный футбольный матч с англичанами в переполненных Лужниках! Всего не перечислишь, один мой приятель прикинул, что я примерно двадцать тысяч раз к микрофону «прикладывался». Без него, без любимых Лужников уже не могу. Даже если нет никаких мероприятий, на трибунах ни души – тренируюсь, сажусь в свою стеклянную будку и репетирую, чтобы форму не потерять.

В гостиничном номере под виски с содовой мы еще о многом переговорили, многое вспомнили. В Москве с нетерпением ждали возвращения главного спортивного диктора всея Руси, человека уникального, единственного в своем роде. Завершался чемпионат мира по хоккею с мячом, и кто кроме Валентинова мог столь торжественно и ярко объявить о победе сборной России?

P.S. Как хотелось, чтобы голос Валентинова звучал в Лужниках и на чемпионате мира по футболу-2018. Но не дождался его, покинул сей мир во время предыдущего мундиаля в Бразилии. В последние годы ему жилось нелегко. Все реже доводилось на родной арене объявлять составы команд, произносить традиционное «мяч забил…», призывать к порядку выхода со стадиона. Приходилось пускаться в изнурительное для немолодого уже человека мотание по разным аренам в поисках заработка для обеспечения более-менее достойного существования, ибо пенсии явно не хватало. Это неприятное закулисье сократило его жизнь. Болельщики прощались с Валентином Федоровичем и благодарили за все.

* * *

Валентин Федорович в нашем долгом с ним разговоре по душам упомянул среди своих учителей еще одного замечательного мастера дикторского цеха, чей раскатистый бархатный голос, доносясь из радио и с голубых экранов, радовал нас многие десятилетия. Я специально не называл его, «приберег», чтобы связать с одним знаменательным событием.

Когда наблюдаешь на экранах, что вытворяют Чак Норрис, Стивен Сигал, Жан-Клод Ван Дамм или Брюс Ли, то, кажется, они недосягаемы, боги боевых искусств. Но однажды я убедился, что это не так, что эту славу у них по праву могут оспорить россияне,

причем от мала до велика. Это случилось на вручении «Золотого пояса» – главной Национальной премии Российского союза боевых искусств, и первым, кого пригласили получить почетную награду – статуэтку в исполнении народного художника России Александра Рукавишникова был… народный артист России Виктор Иванович Балашов. А он-то при чем в этой компании, справедливо спросит читатель. И я бы спросил, не расскажи мне тогда Валентинов и о спортивной стороне биографии Балашова.

– Ты знаешь, он ведь классным самбистом был, учеником Анатолия Аркадьевича Харламова, да-да, того самого, что этот вид спорта у нас узаконил.

Оказалось, еще до войны московский мальчишка Витя Балашов увлекся этой борьбой и стал сильнейшим не только среди своих сверстников.

– Представляешь, своими фирменными приемами он не раз припечатывал к ковру или заставлял капитулировать куда более взрослых спортсменов, за что заслужил мастерское звание. А завоеванный им титул чемпиона столицы был равносилен победе в первенстве страны.

В динамовский спортзал Балашов вернулся лишь в сорок шестом, а до этого… А до этого был фронт, на который он добровольцем ушел в 17 лет, воевал в разведроте. Боевые заслуги Виктора Ивановича отмечены орденами Отечественной войны I и II степени, Славы III степени, Красной звезды, медалью «За отвагу». Теперь к ним прибавилась мирная награда – «Золотой пояс».

«Война закончилась в Берлине, но не закончилась во мне, Мы вечно должны помнить тех, кто не вернулся с войны, подарив миру свободу, – произнес, поблагодарив учредителей премии, 90-летний ветеран. Переполненный Кремлевский зал замер, словно была объявлена минута молчания, а потом весь встал и взорвал тишину шеститысячной овацией, когда Балашов повторил сообщение советского радио, зачитанное 9 мая 1945 года в эфире Юрием Борисовичем Левитаном:

«ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ

И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена».

И как-то по особому – в унисон моменту, в память о тех, кто сложил свои головы на полях сражений, зазвучали «Господа офицеры» в исполнении Олега Газманова.

Надо уважить Федю

От любых спортивных мероприятий, неважно, Олимпиады ли это или соревнования районного масштаба, еще долго сохраняются отголоски: новые знакомства и встречи, любопытные факты и наблюдения. Они накапливаются в журналистском блокноте. Извлекаем некоторые. Не все замыкается на голах, очках, секундах.

В болельщицкой толпе, прильнувшей к ограждению вокруг водоема в лондонском Гайд-парке, где проходили олимпийские соревнования по плаванию на открытой воде, они выделялись цветистыми рубашками одной известной фирмы – средних лет женщина и юла-мальчишка, года четыре, не больше.

– Почему не на трибуне? – спросил я.

– Так билетов нет, хорошо хоть входные достали. С огромным трудом.

Не знаю, сколько по максимуму митингующих, протестующих собирается в Гайд-парке, но в этот день он не смог вместить всех желающих.

– Идемте, я покажу вам моего папу, – дернул меня за рукав мальчишка и потащил к огромному экрану. – Вот он, видите, в синей шапочке.

Ум у непостижимо, как он в этой толчее, гуще пловцов, без подсказки разглядел папу? Водоем широкий, а они все сгрудились на одной дорожке, словно протискиваются боком в узком коридоре.

– А как твоего папу звать?

– Вы что не знаете? Дятчин, – с неким вызовом, будто я обязан знать, еле выговорил мальчуган непростую в произношении для ребенка фамилию. – А я тоже Дятчин, Федя. Еще там моя мама Света, вон у барьера, а это бабушка Вера, она папина мама. Я ее очень люблю, она мне, как захочу, сразу мороженое покупает, мое любимое, эскимо, а мама не разрешает – горлышко заболит. Но я ее тоже люблю, и папу, только редко его вижу, он все на какое-то озеро уезжает тренироваться.

Вообще-то мне должно было быть стыдно: не знаю Фединого папу, но, честно, я не очень часто сталкиваюсь с этой плавательной дисциплиной, она вне бассейна, чтобы увидеть соревнования, надо ехать куда-то за тридевять вод. Редкий случай в Лондоне – в самом центре города, в знаменитом Гайд-парке. Так что спасибо Феде. Благодаря ему, и состоялось знакомство с семьей многолетнего лидера сборной России. Выяснил для себя

немало чего интересного. Скажем то, что Владимир хотел было уже бросить свое увлечение. Все вроде бы уже выиграно – три раза чемпион мира, чемпион Европы. Но тут плавательный марафон на открытой воде включают в олимпийскую программу, дебют в Пекине.

Дятчин и Наталья Ильченко представляли там Россию. Наталья финишировала первой, а Владимира… дисквалифицировали. «За что?» – спросил он, вылезая из воды. В ответ – тишина.

– Уже сколько лет прошло, а до сих пор нет вразумительного ответа из Международной федерации на этот вопрос, – говорит Светлана. – Мужу обидно, все специалисты считают, что его тогда лишили медали, возможно, даже золотой, он находился в прекрасной форме. Видимо, делать Россию абсолютным победителем в этом виде не входило в чьи-то планы.

Светлана держит кулаки, бабушка Вера нервно теребит панаму внука, а сам Федор то и дело бегает к экрану, выискивает голубую папину шапочку. Вот она мелькнула, в кучной группе лидеров.

– Не удивляйтесь этой толчее. Видите два буя в метрах ста отсюда, они как игольчатое ушко, через которое надо буквально протиснуться, чтобы оказаться на просторе речной волны, – познаю я из ее рассказа. – Все разом не проскочат, вот и разворачивается сразу после старта битва за позицию, порой с откровенными драками, да такими, что синяков не сосчитать на теле.

Действительно, на глазах сопровождающих заплыв на катамаранах арбитров пловцы, не стесняясь, откровенно локтями расталкивают друг друга, пробивая себе фарватер. Особенно напорист тунисец, он, будто хоккеист с клюшкой, ловко лавирует между соперниками в поисках победной лазейки.

– Эта акватория не для марафона, – слышу от Светланы неожиданное для меня известие. – Это же не открытая вода, а замкнутое пространство вроде бассейна, только огромного по размерам. Тут нет волны, как на море, которая тебя захлестывает, мешает дыханию. И температура, наверное, градусов 18–19, вот сегодня солнце с утра светит, воду явно подогрело, а для Володи привычно не больше 16. Он всю жизнь тренировался именно в спартанских условиях, а тут тепличные.

– Все решится на последнем круге, – авторитетно подключается к разговору бабушка.

И ведь права оказалась. Тот самый парень из Туниса все-таки выискал лазейку для решающего спурта и победного финиша. Дятчину не удалось на сей раз попасть в призеры. Глядя на Федю,

я подумал, слезы ручьем брызнут из детских глаз, а он: «В следующий раз папа обязательно выиграет».

– А что, силы еще есть, – улыбнулся Дятчин. – Раз сын так уверен во мне и считает, что я в следующий раз должен выиграть, надо уважить пацана.

* * *

А теперь с туманного Альбиона перенесемся в Германию. Мы мчались по не очень загруженному автобану, не стесняя себя в скорости, но, как говорится, в пределах разумного. За Ганновером, однако, ее пришлось резко сбросить – начинался довольно затяжной участок реконструкции дороги. С обочин через переднее стекло к нам в салон то и дело заглядывала забавная красная рожица. «Что это означает?» – спросил я водителя.

– Она злится вместе с нами на испытываемые неудобства в связи со снижением скорости, потому и багровая от ярости.

Километров через двадцать цвет рожицы поменялся на желтый, что символизировало, по словам водителя: еще немного терпения, скоро все кончится. И действительно, еще через десяток километров, с завершением дорожных работ и въездом на прежнее широкое полотно автобана со знаком «150», нас уже встречала улыбающаяся зеленая мордашка: пожалуйста, господа, жмите на педаль, только будьте предельно осторожны.

А торопились мы в Кельн, на праздник, который я точно, в переводе с немецкого, назвать не могу, да это и неважно, пусть будет – День города. Основные торжества развернулись на воде. Широченный Рейн был условно поделен на дорожки и по ним скользили – не то, что по Темзе два экипажа из Кембриджа и Оксфорда в многолетней железной схватке, – а сразу целых десять восьмерок. Перед ними же соревновались одиночки, двойки и четверки, словом, весь набор «академического» весла. Их сменили байдарочники и каноисты, умело на своих юрких лодках справлявшиеся с набежавшей от поднявшегося ветра волной.

А ведь когда-то и мы на базе знаменитой московской «Стрелки», где вырос трехкратный олимпийский чемпион Вячеслав Иванов, организовывали такие водные фестивали под звуки оркестра фабрики «Красный Октябрь». Сейчас, к сожалению, нет ни «Стрелки» (фактически уничтожена), ни праздников. Грустно…

* * *

В Геттингене, небольшом и очень уютном городке в Южной Саксонии, меня удивило другое. Нет, даже не то, что он известен на весь мир своим университетом имени Георга Августа; здесь преподавал математику и астрономию Гаусс, первым получил чистый алюминий еще в 1827 году Вёлер, изобретал свое оружие фон Браун, учился даже Мао Цзе Дун, а всего за последние сто лет здесь жили, работали и работают ныне более 40 лауреатов Нобелевской премии. Это все, конечно, интересно. Поразило иное: на специальной парковке у вокзала ждали своих владельцев, как мне сказал дежурный, четыре тысячи (!) велосипедов. Но это не все. Помимо площадки под открытым небом еще для них двухэтажный гараж соорудили.

Здесь мне поведали такую «байку». Сейчас едва ли не каждая встреча компании (особенно молодежной) за бокалом обожаемого немцами пенистого напитка начинается с вопроса: «А ты бегаешь?» Бег и велосипед превратились в Германии в культ, повальное увлечение, прочно вошли в плоть и кровь немцев, от мала до велика. После нескольких дней наблюдения поймал себя на мысли, что не мозолят глаза курильщики, куда-то ветром с северных морей сдуло их с улиц. Внутри пробудилась белая зависть, когда вспоминал про свои вечерние прогулки по родной Москве: навстречу то и дело попадалась дымящая публика, причем преимущественно молодая; сигарета во рту как некий атрибут вызова и самоутверждения среди сверстников. Давайте-ка, друзья, изменим образ жизни. Вам же на пользу, дольше проживете на белом свете, радуясь ему.

Англия – Германия, 2012 /2013

Слава миру на земле! Слава хлебу на столе!

Саранск в начале осени благоухает зеленью и цветами, аккуратен, опрятен, словно примеряет на себя немало из того, что написал Пушкин в посвящениях граду Петра. Кстати, такого памятника великому поэту, как здесь, я не видел нигде. Живой Александр Сергеевич, полный сил и энергии, вот-вот начнет читать свои стихи гуляющим в парке людям. Каждый раз, когда в насыщенной программе международного форума «Россия – спортивная держава» появлялись небольшие «окна», я старался побродить по этому очень уютному компактному, дышащему какой-то особой добротой и гостеприимством городу. Меня тянуло к соседствовавшему с Домом республики комплексу, объединявшему в одно архитектурное целое воинский Мемориал, Вечный огонь, Музей боевой и трудовой славы. Мордовия с населением чуть более одного миллиона человек потеряла в годы Великой Отечественной войны каждого своего седьмого жителя. Чтобы высечь имена погибших, причем только тех, кто ушел на фронт из Саранска, понадобилось 10 огромных гранитных стел, каждая, наверное, высотой около 15 мет ров. Маленькая республика взрастила на своих крестьянских плечах 108 Героев Советского Союза, 23 полных кавалера ордена Славы и 6 Героев России! И как же здесь чтят их память!

Напротив, наискосок от комплекса, возвышается величественный Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова. Чуть правее его, из Дворца бракосочетания под дружные возгласы и мирные выстрелы шампанского одна за другой вылетали птицами счастья только что народившиеся и готовые вить семейное гнездышко новые молодые семейные пары. Насладившись звоном бокалов, они потом всей своей праздничной компанией переходили улицу и в полной тишине, будто объявлена минута молчания, аккуратно раскладывали розы, тюльпаны и гвоздики у подножья монумента героям.

Я, признаться, с трепетом наблюдал за этой церемонией, чувствовал в ней не просто привычный ритуал, а тесное переплетение времен и поколений. Увиденное поднимало настроение, вызывало внутри клокот радости и гордости за этот небольшой уголок нашей великой России, один из городов, заявленных на проведение чемпионата мира-2018.

В канун его здесь с инспекцией часто были люди из ФИФА. Прогуливаясь по Саранску, я столкнулся с ними, когда гости

остановились на центральной площади у монумента прославленному летчику Герою Советского Союза Михаилу Девятаеву и девяти его товарищам. Я присоединился к ним. Переводчик переводил гостям вычеканенные на мраморе слова. Привожу (почти полностью) написанное на нем: «Побег из ада. Потомки благодарны вам, родные за то, что вы выстояли и победили». Это – фасад, а сзади:

«8 февраля 1945 года эти мальчики-солдаты совершили необычный по дерзости побег с засекреченного фашистами острова «Узедом» (Германия), где вермахт испытывал ракетное оружие ФАУ-2…»

Кто читал роман Дрюона «Проклятые короли», запомнил, наверное, эти слова: «Удача отворачивается даже от сильных мира сего». При таком количестве героев, взращенных на этой благодатной земле, удача по определению не может отвернуться от республики. Наоборот, такие памятники-символы землякам заряжают оптимизмом, вдохновляют и настраивают на новые победы во всех сферах. И я признателен форуму «Россия – спортивная держава» за прекрасную возможность познания своей собственной страны. Хватит мотаться по разным заграницам. А тут Татария, Мордовия, Якутия. Вот и до Чувашии добрался, в год сочинской Олимпиады оказался в Чебоксарах, ожерелье Приволжья, как часто называют столицу республики. Действительно – это один из красивейших городов на Волге, построенный по приказу Ивана Грозного в 1468 году как опорная крепость.

Чебоксары с форумом, видимо, выпали тогда из поля зрения ястребов от спорта, неутомимых заокеанских горе-энтузиастов и их коллег из Евросоюза, проморгали они с санкциями на эту встречу на волжских берегах. А вспомните, какой мощный нажим был оказан на ФИФА с требованием лишить нас чемпионата мира по футболу, не менее активно давили и на Международную федерацию плавания, дабы перенести из Казани хоть на край света, даже в Антарктиду или Арктику, первенство планеты по водным видам спорта. Не оставили в покое и этапы «Формулы»-1, их тоже подводили под санкции.

Или что-то все-таки их остановило, заставило отрезветь, одуматься: как изолировать такое неординарное и крупное событие международного звучания, если оно вызывает огромный интерес у мировой спортивной общественности, руководителей мирового спорта и олимпийского движения. Вне всякого сомнения, резонанс еще более усилился после того, как блестящей организацией зимней Олимпиады в Сочи и уверенной победой в ней по всем показателям Россия еще раз доказала, что

она действительно могучая спортивная держава.

Уж простите, Николай Алексеевич Некрасов, что немного перефразирую вас. «Выдь на Волгу: чей клич раздается над великою русской рекой. Этот клич – «Физ – культ – ура!» у нас песней зовется…» А подхватили эту песню здоровья тысячи людей, заполонивших Красную площадь Чебоксар. Честно, прежде мне не доводилось видеть столь бурного массового энтузиазма, когда бы с раннего утра добровольно и дружно собралось столько народу на зарядку, продолженную потом многочасовым парадом. Без всякой натяжки, здесь была представлена вся спортивно-физкультурная Чувашия. Чебоксары в этот день, казалось, превратились в сплошной огромный стадион. Глава республики Михаил Игнатьев был в гуще событий, среди своих земляков на этом празднике. «Приятно смотреть на вас, радуйтесь, больше улыбайтесь друг другу, и от этой красоты будет больше мира и добра», – обратился он к ним.

А я радовался и улыбался, когда на даче в выходные сжигал гору накопившегося за лето сухостоя и позолоченных осенью опавших листьев. Приятно отдавала дымком печеная картошка, вытаскивал ее из головешек, лихорадочно, чтобы не обжечься, перекатывая в ладонях. Вновь потянуло в детство. «Взвейтесь кострами синие ночи…». И дальше про пионеров, клич которых – «всегда будь готов». Мы, послевоенная ребятня, хорошо усвоили к чему быть готовыми – труду и обороне, и для нас это концентрировалось в призыв к сдаче норм на заветный значок, именуемый – БГТО. Уже значительно позже для части моих сверстников, тех, кто всерьез увлекся спортом, он трансформировался в другой: «От значка БГТО – к олимпийской медали». Хотите пример – пожалуйста: Галина Горохова, трехкратная олимпийская чемпионка, девятикратная чемпионка мира. Красивая озорная голубоглазая девчонка из секции фехтования «Юного динамовца».

– Этот значок мне столь же дорог, как другой – заслуженного мастера спорта, – говорит Галина Евгеньевна.

В Чебоксарах меня обуяла мысль тряхнуть стариной и попытаться справиться хоть с какими-то нормативами из возрожденного после долгих лет пребывания в забвении комплекса ГТО в его новом обличье. Но вот незадача, допустил оплошность, не прихватив с собой медицинской справки, и к сдаче допущен не был. Пришлось наблюдать, как в соревновательной атмосфере это со всей серьезностью и ответственностью делают другие. Все происходило на стадионе «Спартак». Поначалу, правда, несколько смущало «привязанное»

к нему кафе «Арарат», предлагавшее новинку – по особому рецепту приготовленный бараний шашлык. Для сдавших нормы, что ли? А хотя бы и так.

Разговорился с одним из заслуживших отведать знаменитое кавказское блюдо, с Сергеем из Ульяновска. На вид ему тридцать-тридцать пять, на самом деле – 48.

– Вот слышу: ГТО – возврат к советскому прошлому, идеологическая подкладка. Чушь собачья, вся идеология, если в двух словах – подкачать мускулы. Самый обычный турник во дворе, качайся хоть целый день.

Он снял пиджак и продемонстрировал свои бицепсы, я позавидовал.

– И потом, не все так было плохо в советские времена. Что у нас сейчас с играми? Чуть ли не все подряд продуваем. Слава богу, хоть хоккей с мячом радует.

Слушая пламенную речь Сергея, подумал, что русскому хоккею, или хоккею с мячом, или бенди (как угодно называйте) давно пора открыть дверь Белых Олимпиад; только с «шайбой» и керлингом скучновато, все-таки, как ни говорите, игры всегда придают особую эмоциональную окраску любым соревнованиям. А еще вспомнил, как в родном городе Сергея, еще в далекие теперь времена проходил первый турнир на приз газеты «Советская Россия», фактически малое первенство мира. Температура под минус 40. Ветер с Волги задувал с такой силой, что, казалось, вот-вот опрокинет выстроенную на ее берегу местную гостиницу-высотку «Венец». Матчи поделили на три периода, а чтобы болельщики, до отказа заполнившие трибуны, не окоченели, разрешили в буфетах продавать водку, но с одним условием: к рюмке обязательно бутерброд. Никаких пьяных, порядок был полный… Мы с Владимиром Писаревским (они вдвоем с Николаем Николаевичем Озеровым вели репортаж с турнира) для сугрева разработали другой метод: в перерывах надевали коньки и из пресс-центра прямиком на лед, гоняли взад-вперед по прямой дорожке.

Раз уж так сложилось у меня с ГТО, «отыгрался» я на другом действе – Международном дне ходьбы. На утопающие все еще в зелени, несмотря на позднюю осень, ухоженные улицы Чебоксар вышло тысяч двадцать. Я влился в их ряды на мосту через залив, одновременно и любуясь достопримечательностями, и заряжаясь энергией и бодростью. Когда на следующий день любезная и явно, судя по стройной фигуре, дружащая со спортом Валентина Андреева, министр информационной политики Чувашии, пригласила полюбоваться Чебоксарами с 17-го этажа Дома

правительства (какая чудесная, завораживающая панорама с видом на Волгу, три км меж берегами!), то сам удивился протоптанному расстоянию. Уж на ГТО точно нашагал…

Кому ГТО в непомерную радость, а красноярцам седьмое счастье на небе от того, что они хозяева зимней Универсиады-2019.

– Господа, чем так привлек вас Красноярск, что FISU избрала его для проведения этих соревнований?

Мой вопрос, как мне почудилось, вызвал недоумение у Клода Луи Гальена и Эрика Сэйнтронда, руководителей Международной федерации университетского спорта. – А когда еще выпадет такая замечательная возможность глубже прочувствовать, что такое Сибирь, ощутить на себе крепкий русский мороз и вообще проникнуться величием ее природы, масштабами этого чудесного уголка Земли, которым, по нашим представлениям, нет конца и края.

На экране во время нашего разговора крутили рекламный ролик, и каждый кадр был настолько точен и убедителен, раскрывал со всех сторон богатейший облик и жизнь Восточной Сибири вместе с ее главным городом, что действительно вряд ли можно было оставаться равнодушным, увидев все это. Красота неописуемая! Зимний пейзаж, возможно, даже привлекательнее, нежели летний. Во всяком случае, восхищение не сходило с лиц гостей. Я заметил: попутно, с удовольствием причмокивая из кружки горячий напиток, настоянный на ароматных сибирских травах по особому рецепту, они с не меньшим удовольствием, исподволь бросали взгляд на симпатичных сибирячек, девушек-волонтеров с точеными фигурками моделей, наслаждаясь их грациозностью и статностью. Богата Русь на роскошных красавиц, и они, в свою очередь, какое ее несметное богатство.

У кого как, а у меня при упоминании гостями о сибирских холодах мороз по коже пробежал, хотя в помещении чебоксарского выставочного центра, где мы беседовали, было, наверное, не меньше плюс двадцати градусов. Семидесятые годы прошлого века. В Красноярске финал зимней Спартакиады народов России. Самолет ночной, по радио сообщают: в Красноярске минус 1 – минус 4. Соответствующим образом одеваюсь. В салоне весело, перебрасываемся с коллегами шутками-прибаутками. За бортом о чем-то поет зеленое море тайги. И вдруг перед посадкой командир экипажа «убивает» наповал: а минус 41, не хотите ли. Не знаю, чтобы я делал, если бы не бывший начальник ЦСКА полковник Анвер Хайдарович Чанышев. Я заранее, еще в Москве, известил его о своем прилете,

и он распорядился встретить. Тут же, в здании аэропорта, я облачился в ватные штаны, валенки на пару размеров больше и в полушубок чуть ли не до пят. Так во всем этом и проходил всю Спартакиаду, презирая стужу и коварный ветер с Енисея. Особенно он был чувствителен в Дивногорске, где стартовали конькобежцы. Зато, какая там, отвечающая названию города, дивная природа!

– Не беспокойтесь, будет чересчур холодно – отогреем теплом встреч и нашим сибирским гостеприимством, – успокоил меня Максим Уразов, главный ответственный за организацию Универсиады. – И сибирская Лайка, талисман Универсиады, поспособствует этому. Она у нас – символ верности, дружелюбия, радости и неукротимой энергии, словом, большой друг, который в любой ситуации, в самую трудную минуту готов придти на помощь.

Что из Саранска, что из Чебоксар я уезжал с сожалением. Нескольких дней форума маловато, чтобы вне его глубже проникнуться изяществом наших городов и самобытной культурой народов, населяющих огромную многонациональную Россию. Но спасибо и на этом. В любом случае побывал на празднике, который всегда с нами, и одним из его девизов может быть услышанное в Чувашии: «Слава миру на Земле! Слава хлебу на столе!»

Все это было, было… (рубрика «Память»)

Все чаще наведываюсь на Ваганьковское кладбище. Из близких и родных у меня там никто не похоронен. Прихожу то проводить в последний путь хорошо знакомых мне людей, с которыми немало лет был связан общими интересами спорта или просто по жизни, то по поводу какой-то даты.

Иду и про себя, а то и вслух разговариваю с памятниками. На центральной аллее, особенно по правую руку от входа, едва ли не со всеми подряд. Нет, что я говорю, – с какими памятниками, с живыми людьми беседую. Какая галерея славных имен! Каждое – целая эпоха; не важно, какой вид они представляли, в сумме они ковали для страны одну большую Победу. Ради нее за ценой не постояли, себя не щадили, отдавали без остатка все свое здоровье. Их нет, некоторых уже по многу лет, а для меня они по-прежнему живы, будто расстался с ними вчера.

Анекдоты от Бубукина

Я стою у могилы Бубукина и жду – вот-вот Валентин Борисович порадует новым анекдотом, он сыпал ими, как из рога изобилия, где, в каких тайниках памяти хранил столько. Только встретишься, не успеешь еще пожать друг другу руки, как Бубукин: «Ты этот знаешь? Нет? – теребит он меня за плечо. – Тогда слушай. Самый свежий». Сколько таких свежих ушло с ним на небеса.

«Девушки! Относитесь гуманнее к мужчинам. Поймали вечером – отпустите утром…»

«Приходит муж домой с пылесосом. Жена: Ты что, пылесос купил? – Нет, откуда деньги? Встретил твою подругу. Пошли к ней домой, выпили, закусили. Тут она разделась и говорит так ласково: «Бери, что хочешь…» – И что? – Как что? Я и взял пылесос, в хозяйстве все пригодится».

«Сеня, скажите, а окулист принимает? – Не то слово, бухает по-черному!»

«Идеальная жена – как таракан. Её видишь или ночью, или на кухне».

Может, сегодня они с седой бородой, но я почему-то помню их до сих пор.

Над ним самим, когда он из «Локомотива» пришел работать в ЦСКА, подтрунивали: самый старший из самых младших лейтенантов, это было его первое офицерское звание.

Памятник Бубукину, оригинальный по задумке и воплощению. В середину гранитного основания «вписалось» футбольное поле, а в углу – в золотых тонах бутса и мяч.

– Такое ощущение, что Валентин именно этим мячом и этой бутсой заколотил нам решающий гол в финале Кубка СССР 1957 года, – сказал мне спартаковец Анатолий Исаев. – Удар у него был мощный прицельный. Мы проиграли тогда «Локомотиву», никак не могли пробить Маслаченко, ну, все брал Володя.

К Бубукину как-то приклеилось – кладезь юмора, весельчак и балагур. Но это когда потехе час, а когда было – делу – время, его называли тружеником футбола; так, во всяком случае, отзывался о Бубукине знаменитый французский форвард Раймон Копа после Кубка Европы-1960. Столько одновременно знаменитого

футбольного люда, сколько пришло попрощаться с ним, не часто встретишь на трибунах стадиона даже на самых ответственных матчах. С одними Валентин Борисович играл, с другими вместе тренировал. И все говорили о нем, как о живом; вот он рядом, человек неуемной энергии, из которого она просто брызжет фонтаном, большой мастер, светлая голова.

Остроумный по жизни, он в профессии своей одновременно совмещал в себе функции и тренера, и психолога, и педагога. Чем – столь редкостным качеством – привлек внимание Анатолия Владимировича Тарасова, брошенного с армейского хоккея на помощь армейскому футболу. Немало лет Валентин Борисович входил в тренерский штаб ЦСКА, причем не только московского, но и ханойского, который привел к золотым медалям чемпионата Вьетнама. Это добавило ему и звездочек на погонах, так что подтрунивать над ним со временем перестали.

Они почти рядом похоронены, все в том же ряду на Центральной аллее, три героя того финального турнира во Франции, который принес нам вместе с первым Кубком Европы титул чемпиона континента, пусть и неофициального, как он числится в анналах УЕФА, дело это не меняет.

Кажется, только вчера Володя Маслаченко с таким удовольствием рассказывал, а я, развесив уши, слушал, как он приобрел небольшую квартирку на каком-то болгарском курорте. Нет, не на первой линии и даже не на второй, а где-то в глубине, подальше от моря, но зато поближе к горам, надеется, все-таки совмещать приятное с полезным, но больше жаждет полезного – катания на своих любимых горных лыжах. Мы, кстати, лучше узнали друг друга (до того шапочно были знакомы) благодаря этому его увлечению. Произошло это в Кабардино-Балкарии, в Терсколе. Маслаченко с тем же мастерством съезжал с Чегета, с каким ловил мячи в воротах своими длиннющими руками, а я только завистливым взглядом провожал его с верхней точки, поскольку, чтобы нам вновь встретиться у подъемника, мне на спуск требовалось три четверти часа.

– Михаил, решайся, пока квартиры дешевы. Дача никуда не денется, да и не надоело торчать на ней? Переберешься к теплому морю, куковать там можно до ноября. Компьютер с собой – и пиши свои байки, если еще запал есть. Надоест – возвращайся в Москву.

Моря тогда мне хватало и Черного, с женой регулярно наезжали в ее родную Одессу, только вот своей хаты у нее уже не было, а тут своя будет, и Варна – побратим, и это тоже манило. Я вспомнил, как спокойно купался там в конце октября, когда освещал женский чемпионат мира по волейболу.

Но что-то нас остановило, не сработал Володин совет, не решились. Как Маслаченко не решился перейти из «Локомотива», где тогда играл, в один известный западный клуб. Не то, чтобы не решился, в то время и подумать об этом было нельзя. Эта история приключилась, когда железнодорожники с успехом совершали турне по Западной Германии. Маслаченко был в ударе, точнее отражал все удары, хотя соперники нещадно лупили по его воротам даже из положений, когда, казалось, невозможно было не забить. Закономерно, что на него положил глаз хозяин этой команды. Но глаза полезли на лоб у самого вратаря, когда он увидел цифру, которую начертал на бумаге сей господин, она было с несколькими нулями в марочном выражении…

Жаль, что Владимир Никитович так и не ощутил сполна за спиной свист ветра, скатываясь с болгарской горы. Рано покинул он этот мир.

А кто третий? Тезка Бубукина, Иванов из московского «Торпедо». Постоял у его могилы и всплыл в памяти финал нашего Куб ка страны того же, шестидесятого года. Мощно ревут до отказа забитые фанами Лужники. 104 тысячи болельщицкого населения. «Торпедо» против тбилисского «Динамо». Может, я и ошибаюсь из-за более чем полувековой давности лет, но, кажется, это был один из первых матчей, игравшихся при электрическом освещении, что выглядело несколько непривычно после дневного света.

Я тогда был еще далек от журналистского цеха, с трудом выстояв огромную очередь, как когда-то на «Динамо» за квитком на открытие сезона, приобрел билет на третий или четвертый ряд Западной трибуны (хорошо, что хоть такой достался, других уже не было) и оттуда, как из глубокой ямы, наблюдал за матчем. Скажу вам, это совсем иное восприятие, нежели с комфортных мест в окружении правительственной ложи. Но зато раскаленный воздух азартной борьбы, который даже прохладный октябрьский ветер не мог остудить, вдохнул полной грудью. И вот тогда я впервые увидел вблизи изящные ноги Иванова, точнее, что он выделывал с мячом этими ногами. Кудесник, виртуоз – и только. Два последних гола торпедовцев были его, в том числе победный в дополнительное время. И во Франции в полуфинале с чехословаками два мяча из трех были на счету Козьмича, нет, тогда его просто звали Валей, Валентином. Козьмич это потом, на тренерском мостике родной команды.

А в гимнастике в ту пору изяществом и грациозностью блистала одна очень симпатичная девушка. Шли какие-то московские соревнования в зале «Динамо», и вдруг среди зрителей я увидел Иванова, в руках за спиной, словно стесняясь,

он держал скромный букетик гвоздик. Не знаю, насколько привлекал его внимание сам этот вид спорта, но с этой красавицы – я проследил – Валентин не спускал глаз. Оказалось, это тянется еще с мельбурнских Игр. Гимнастку звали – Лидия Калинина, оба они вернулись из Австралии олимпийскими чемпионами.

– В Мельбурне вся делегация болела, переживала за наших футболистов, они были всеобщими любимцами, – вспоминала Лидия Гавриловна. – И мы, гимнастки, конечно, не исключение. Какие они были красавцы парни. Женихи как на подбор. Леша Парамонов, Толя Ильин, Никита Симонян, да вся команда красавцы. Но и мы, девчонки, не хуже. Валентин, я это чувствовала, положил глаз на меня, и мне он сразу приглянулся. Пока целый месяц возвращались в Москву, на пароходе, а потом на поезде через всю страну, ухаживал, старался не отходить ни на шаг. Мы с ним прожили долгую счастливую жизнь, пока Козьмич не ушел от нас…

Мне довелось работать с Лидией Гавриловной Ивановой в союзном Госкомспорте. Какой же она толковый специалист, что ни спросишь – до мельчайших подробностей объяснит, разложит по полочкам; если нужно было какую-то бумагу про гимнастику для начальства «состряпать», я шел к ней. А какой уж она комментатор замечательный – всем известно.

Так вот, теперь Иванов стал частым гостем на Лужнецкой набережной. Естественно, мы, уже неплохо знакомые, пересекались, ну не мог он миновать второй этаж, Федерацию футбола, а мой кабинет был рядом с ней.

– Твои опять нас обокрали, – сокрушался Валентин Козьмич при встрече. Под твоими он имел в виду – ЦСКА, зная мою приверженность армейскому клубу, а горевал по поводу того, что кого-то из сложившихся уже игроков автозаводцев призвали в армию.

– Козьмич, а вы не скрывайте их, пусть идут служить, выполнять свой гражданский долг и почетную обязанность, когда им по 19–20 лет, как нередко делает Константин Иванович, – несколько высокопарно, но в тон Иванову изрекал я. – Поиграют в окружных клубах, физику поддержат, опыта наберутся, а у вас они на лавке трусы протирают, захотят вернуться – вернутся, ну а если пожелают остаться… Это другое дело, сердцу не прикажешь.

– Ну и мудрец ты, Михаил, – мы пожимали друг другу руки и расходились.

Футбол и голуби

Константин Иванович, как вы, полагаю, догадались, – это Бесков. Задержусь и у его могилы, поклонюсь великому тренеру, а заодно заострю внимание читателей на каких-то любопытных фактах, которые, возможно, ему неведомы и подходят под рубрику – «Неизвестное об известном».

Днями, проезжая по Садово-Триумфальной, обратил внимание на группу подростков у дома 4/10, это в двух шагах от Тверской. Человек пять или шесть. В джинсах и легких куртках, съежившись от легкого морозца и пронизывающего ветра, они молча застыли у мемориальной доски Константину Ивановичу. Не знаю, чьи они фаны – «Динамо», «Спартака», ЦСКА, «Локомотива», «Торпедо», еще каких клубов, специально они пришли сюда или оказались случайно. Для меня важно, что они остановились, значит, им не безразлично имя этого человека.

Мемориальная доска на доме, где жил Бесков, была открыта в день, когда Константину Ивановичу исполнилось бы 90. Бескова чаще всего и справедливо причисляют к лидерам отечественного тренерского цеха. А ведь он и игрок был выдающийся, центр-форвард «Динамо», однако об этом сегодня говорят и помнят меньше. Знаменитое послевоенное турне динамовцев по Великобритании: две победы, две ничьи, общий счет – 19:9. 5 мячей и 4 голевые передачи – бесковские. А у меня перед глазами знаменитый матч «Динамо» – «Спартак», качели, а не матч, то одна команда взлетала в счете, то другая. 4:4. Сильнейший дождь, месиво в штрафной площадке, каша из игроков. Как в этой кутерьме выцарапал мяч Бесков и нашел лазейку меж частокола ног, чтобы загнать его в сетку: 5:4.

Когда внук Бескова, Григорий сбросил покрывало с памятной доски, все увидели застывших над ней двух голубков. И одновременно в небо взмыли два живых белых голубя. Попорхав немного над головами собравшихся, они сели над подъездом, где жил Бесков, и ни за что не хотели улетать, будто ждали своего хозяина: ведь Бесков в юности, помимо футбола, очень любил гонять этих птиц; в пред– и послевоенной Москве было едва ли не повальное увлечение ими, многие держали голубятни, лелеяли, холили своих питомцев, никому не давали их в обиду.

Кстати, знаете, как фамилия внука Бескова? Федотов. Он сын дочери Константина Ивановича, Любы, и Владимира Григорьевича Федотова, а стало быть, еще и внук Григория Ивановича Федотова.

…Я уже собирался уходить с церемонии открытия

мемориальной доски, как вдруг – то ли мне показалось, то ли на самом деле, что белокрылые голубки своим тонким клювом тихонечко, чтобы никого не спугнуть, постучали в окна бесковской квартиры на третьем этаже. Да, не только у людей не зарастает народная тропа к своим героям, но и птицы не забывают тех, кто делал им только добро.

Отец водного поло

Есть спортсмены замечательные, есть – знаменитые, а есть – великие. Борис Гойхман в числе великих. И вообще, и среди вратарей. В водном поло это имя столь же значимое и культовое, как Лев Яшин – в футболе, Владислав Третьяк – в хоккее, либо Андрей Лавров – в гандболе. При том, что ватерпольному часовому, при всем уважении к коллегам, несколько сложнее. Нет твердой опоры под ногами – земли, льда, паркета, от которых можно оттолкнуться, дабы поймать мертвый мяч. А уж Гойхман за свою долгую карьеру наловил их тысячи. Причем таких, что позволили специалистам признать его лучшим ватерпольным голкипером мира.

Автор этих строк хорошо помнит то время, когда матчи чемпионата страны еще в старом бассейне ЦСКА собирали полные трибуны, народ специально приходил полюбоваться мастерством стража ворот флотского коллектива, с которым практически была связана вся его жизнь.

Коллекция спортивных наград Гойхмана выглядела довольно внушительной – только одних золотых медалей чемпиона СССР, завоеванных им как игроком, а затем и многолетним главным тренером команды ЦСК ВМФ, было 16. Да, золота олимпийского не хватало. Только по одной бронзовой и серебряной медали, причем первую, на Играх-56 в Австралии, он завоевал в возрасте… 37 лет. Но разве от этого его величие падает? Многие грядущие золотые успехи наших ватерполистов на Олимпиадах, европейских и мировых первенствах, в Кубках чемпионов континента стали возможны благодаря поколению Бориса Гойхмана. Они были первопроходцами, прокладывали путь через Мельбурн и Рим, Токио и Монреаль… Они доказали, что даже самых, казалось бы, непобедимых – венгров, югославов, итальянцев – можно обыгрывать, свергнуть с вершины пьедестала почета и самим занять их место. Недаром же в спортивных кругах Гойхмана любовно называли отцом отечественного водного поло.

При множестве не только спортивных, но и боевых знаков отличия коренной москвич Гойхман считал для себя самой главной наградой медаль «За оборону Москвы». До сих пор словно слышу его несколько приглушенный голос, когда он рассказывал о том времени или с судейского столика звучало: «Гол забил…» Я представляю боль в его глазах от переживаний за нынешние неудачи отечественного водного поло. Нет, не должны прерываться победные традиции, заложенные Б. Гойхманом и его товарищами. Считайте это наказом ветерана.

Человек, опережавший время

На сей раз я иду поклониться человеку, который похоронен чуть в стороне от Центральной аллеи. Ему в этот день исполнилось бы ровно 80. Станислав Алексеевич Жук. Называю пока только ФИО, без всяких громких эпитетов. Их сам добавит каждый, кому любо отечественное и мировое фигурное катание, ибо от него имя это неотделимо.

В Татьянин день на Ваганькове всегда многолюдие. 25 января родились одинаково выдающиеся личности. Высоцкий и Жук. Оба гордость нашей страны, знаковые ее фигуры. И мне обидно, что об одном широко вещают радио и телевидение, и он, безусловно, достоин этого. Другой достоин не меньше, если вспомнить, что на счету его учеников 138 медалей (из них 67 золотых), до сих пор никто и близко не может приблизиться к этому рекорду, да и превзойти вряд ли кому удастся, однако о нем лишь скромное упоминание в коротких сюжетах, а то и вовсе умолчание. Несправедливо.

По отношению к Станиславу Алексеевичу это слово долго оставалось в моем лексиконе. Объясню.

В свое время я написал в «Красной звезде»: слава богу, наконец-то увековечили память Жука бюстом на Аллее славы ЦСКА. Но почему не названа его именем школа, которой он отдал десятки лет творческой жизни, где самозабвенно трудился? Фактически это его школа, как заметила Татьяна Анатольевна Тарасова. Теперь это слово «несправедливо» исчезло из моего лексикона. К 80-летию у входа в СДЮСШОР ЦСКА по фигурному катанию обновили (или заменили) вывеску, добавив – «имени С. А. Жука».

У надгробия Жуку собрались его близкие, коллеги, друзья. Тепло, несмотря на промозглую погоду, уютно, по-семейному.

– Станислав Алексеевич – гениальный тренер, фантастический выдумщик с колоссальным даром предвидения, – говорила Ирина Роднина, голос ее немного дребезжал, как струна арфы, она с трудом сдерживала эмоции. – У Жука была своя, четко поставленная система тренировочного процесса, чем он выгодно отличался от других своих коллег. Это была школа с большой буквы, нынешнее фигурное катание во многом отталкивается от нее.

– Станислав Алексеевич строил наши тренировки на трех «с»: самодисциплине, самоанализе и самоконтроле, – поддержал свою золотую олимпийскую партнершу Алексей Уланов. – Если бы вы знали, как распекал он меня, когда я пропустил несколько

тренировок из-за подготовки к госэкзаменам в Гнесинском училище. А что вечера нет, и ночь длинная, упрятал бы свой баян и пришел, я ждал, – увещевал он.

…В тот день на Ваганьковское кладбище я добирался на поезде Санкт-Петербург – Москва. И это выглядело символично. В хорошем смысле слова Жук был слугой двух столиц. Город на Неве вместе со своей женой Ниной Бакушевой прославил как спортсмен, фактически своими медалями на континентальном первенстве они пробили окно в Европу нашим парам, а в Москве громко заявил о себе как великий тренер на все времена.

Станислав Алексеевич прожил всего-то 63 го да, а сколько сделал, а сколько еще мог сделать.

Он сказал: «поехали!»

Это знаменитое гагаринское я не раз слышал от наших спортсменов. Оно вдохновляло, звало вперед, нацеливало на победу. Помню всплеск эмоций – «Поехали!», пронзивший тишину, которая стояла на олимпийском канале в Афинах перед решающим заездом мужских четверок парных. И радостный крик – «Приехали!» уже после золотого финиша россиян. В промежуток между «Поехали!» и «Приехали!» вместилась целая эпоха: для Гагарина и человечества – покорение вселенной, для его друзей-спортсменов, а у Юрия Алексеевича их было много, – покорение олимпийского космоса.

– Как радовался Юра за Лидию Скобликову, которая в Инсбруке забрала все золото, готов лететь был в Австрию, чтобы ее расцеловать, уральскую молнию, златокудрую челябинскую красавицу. Он сам, как поется в песне, молнией пронесся над землей, – это вспоминает Вадим Аркадьевич Саюшев, один из руководителей комсомолии страны того времени и друзей Гагарина.

Разговор на Красной площади у места захоронения Гагарина в Кремлевской стене, куда 9 марта, в день рождения первого космонавта планеты, пришла делегация Олимпийского комитета России. Корзины цветов, воспоминания, фотографии на память.

– У нас как-то сразу завязались тесные контакты с первым отрядом космонавтов, особенно в спорте, – продолжал Саюшев. – Встречались регулярно: то Юра с ребятами к нам на спортивную базу в Переделкино приезжали, то мы в «Звездный». Многих тогда страна еще не знала, их полеты были впереди. Играли в волейбол, баскетбол, но больше всего в хоккей. Гагарин, может, не так здорово орудовал клюшкой, как Быковский, но уж очень азартно, ужас как переживал, если проигрывал. Все заканчивалось – и вновь на его лице обаятельная улыбка, которой он, словно магнитом, притягивал к себе весь мир.

– А я вспоминаю, как Гагарин приехал к нам в ЦСК ВМФ, – говорит бывший начальник флотского клуба капитан I ранга Борис Столярж. – «А что, Борис Львович, может нам вместе взяться за развитие водных лыж, очень полезный для космонавтов спорт». Мы тут же сели с ним в машину и поехали к Сергею Павловичу Павлову. Идея понравилась, создали федерацию, Юрий Алексеевич ее возглавил и сам, когда выдавалась свободная минута, приезжал к нам покататься. Не знаю, как в хоккее, но на акватории у него все здорово получалось – и за длинным фалом, и за коротким. Катер за ним закрепили, Василий

Жиров, лучший наш скутерист, отвечал за него. К сожалению, где сейчас катер, не знаю.

– Говорят, где-то на Украине затерялся, – поясняет сын Жирова, Андрей, сам в прошлом отличный гонщик. – Отец рассказывал, что Гагарин очень хотел освоить и скутер, и глиссер. Скорость, экспрессия, просторы, пусть не небесные, а водные – все это было ему по душе. И, наверное, освоил бы, но увы…

Так каким же он парнем был, наш Гагарин?

– Золотым! А его: «Поехали!» – это на века! – завершает Саюшев.

Он всегда был борцом

Ему не свистели с трибун и не кричали возмущенно: «красный» не борется, «синий» не борется. Он был всегда в прямом и переносном смысле в борьбе, Колесов Анатолий Иванович. И когда выступал сам, и когда тренировал, и когда был одним из руководителей отечественного спорта.

Гонение на алкоголь не застали? И слава богу! Строжайший запрет на него, никаких официальных торжеств с его применением. А в Москве чемпионат мира по боксу, и каждый его день стремительно приближает к завершающему банкету. Его с нетерпением ждут, это неформальное общение в своем профессиональном кругу, когда все позади и хочется от всего отвлечься, расслабиться. Организаторы пригорюнились, стоят на ушах, обивают пороги больших начальников. Как объяснить большой массе забугровых чиновников от бокса, что бутылок с известными наклейками и названиями – «Московская» и «Столичная» не будет на столах. А заодно и их коньячных собратьев. Довольствуйтесь вином, господа. Пожалуйста, какие хотите – молдавские, грузинские, узбекские… Винца они и у себя дома попьют, какого хочешь. А сейчас жаждут под икорку, заливную рыбу и другую нашенскую закуску прополоскать свое горло знаменитым на весь мир традиционным русским напитком, В общем, господа хотят – назовем вещи своими именами – хлебнуть водочки. Уличить их в пристрастии к ней – побойтесь бога, но почему бы не поднять рюмку-другую за окончание турнира, они же знают, где находятся. Это все равно, что лишить их возможности отведать виски, будучи в Шотландии или Ирландии, или рома на Кубе.

Я был живым свидетелем колесовских мучений, и рассказываю об этом столь подробно, чтобы читателю было ясно, как непросто пришлось тогда Анатолию Ивановичу принять решение, он же курировал чемпионат как зампред Госкомспорта. Борцовский характер сработал. Не ведаю, каким уж приемом он уломал, уложил на лопатки высокие партийные чины со Старой площади. Разрешили, как часто писали тогда в письмах, в порядке исключения, но с одним условием: под личную ответственность Колесова, и упрятать это добро подальше от широких глаз людских, в закутки гостиничного ресторана.

Уже была поздняя ночь, когда все завершилось. На выходе из гостиницы заметил Анатолия Ивановича.

– Вы что, пешком, за вами же машина закреплена?

– Я ее отпустил. Мне тут недалеко, Москву-реку переплыть –

и мой дом. Прогуляюсь, мозги проветрю, а то засорились с этими проблемами. Составишь компанию?

Дом, где он жил, находился практически напротив «Украины», только на другом берегу.

Нам было по пути через Новоарбатский мост, и, пока шли, Колесов рассказывал, как обивал пороги нужных кабинетов.

– В каждом расстелен ковер. А ты можешь себе представить мое внутреннее состояние, что я каждый раз ощущаю, ступая на него. Борцовское просыпается, боевую стойку принять, какой-нибудь прием применить. Схватка была, но только другая, словесная – нотации, наставления, как бы чего не вышло. Когда уходили, ты посмотрел, народ весь разошелся?

– Да не волнуйтесь вы, Анатолий Иванович, все нормально, никаких эксцессов, – успокаивал я его. За мостом мы расходились, он сворачивал налево на набережную, я топал к себе на Арбат.

А какой он был красавец на настоящем борцовском ковре! Быстрый, ловкий, подвижный, мастерски исполнявший коронные броски из своего богатого технического арсенала. В олимпийском Токио-64 26-летний Колесов оказался единственным из наших «классиков», кто выиграл золотую медаль. Александр Григорьевич Мазур, соперник еще Ивана Поддубного, первый отечественный чемпион мира среди тяжеловесов, рассказывал, как, радуясь своему успеху, Колесов в то же время был огорчен: он считал своих старших товарищей по команде Романа Руруа и Анатолия Рощина более достойными победы. Придет время – и оба они тоже станут олимпийцами-чемпионами.

Развитие спорта в стране в те годы было прерогативой Союза спортивных обществ и организаций. Руководивший им Юрий Дмитриевич Машин, неожиданно для всех, зазвал Анатолия Колесова к себе в заместители. Он стал самым молодым спортивным начальником столь высокого ранга, и без малого сорок лет пребывал на этой должности, возглавляя спортивные делегации СССР, СНГ, России на восьми летних Олимпийских играх – от Мюнхена-1972 до Афин-2004. На двух из них, в Сиднее и греческой столице, я как журналист привлекал его в качестве авторитетного эксперта. Его прогнозы и анализ были весьма точными, построенными на глубоком знании ситуации, причем в разных ракурсах – спортсмена, тренера, функционера.

Помню, каким расстроенным Колесов выглядел на стрельбище в Афинах, когда в первый соревновательный день Любовь Галкина, будучи лидером, заключительным неудачным выстрелом упустила победу.

– Очень обидно, жаль, но не ругай Любаню, напиши, что она

без «золота» из Греции не уедет.

Я написал – и прогноз сбылся.

Стопка «Ракии»

Чемпионы собираются не только по счастливому победному поводу. По траурному, к сожалению, тоже. Когда ушел из жизни Константин Петрович Жаров, один из руководителей армейского спорта на протяжении долгих лет и председатель бюро Спортивного комитета армий стран Варшавского договора (СКДА), проводить его в последний путь пришли многие известные атлеты. Жаров не был великим мастером, как они, но он был великим организатором и управленцем. И в масштабе всей страны – тоже. Таких профессионалов высокого полета как не хватает нам сейчас.

Уволившись в запас, Жаров мог спокойно отдыхать в кругу семьи с детьми и внуками и продолжать писать книги, которых у него и без того достаточно. Однако он окунулся в трудную и подчас неблагодарную работу руководителя Совета ветеранов спорта ЦСКА и нес эту вахту бессменно десять лет. Чтобы эти люди, прославившие нашу Родину, не были забыты, чтобы их помнили и на их примере воспитывали молодое поколение. Во многом благодаря его энергии и настойчивости Совет вышел на такой уровень, что московская и всероссийская организации ветеранов войны и тыла считали его своим боевым филиалом.

– Я знал Жарова с 1947 года, – вспоминал заслуженный тренер страны по боксу Виктор Заверюхин. – Мы занимались в ЦДКА на площади Коммуны, а кабинет Константина Петровича находился рядом с залом. Так вот, он не просто частенько заглядывал к нам на тренировки, а тщательно разбирал каждую из них с точки зрения методики. Эти уроки мастерства, масса полезных советов помогли в дальнейшем, когда я сам стал тренером-практиком. До сих пор перелистываю те наскоро сделанные записи. Пожалуй, лучшего спортивного методиста мне не довелось встречать.

Бывший коллега Константина Петровича Виктор Владимирович Марущак обратил внимание на другую сторону таланта Жарова.

– Это был руководитель с государственным мышлением, с высочайшим авторитетом как среди сослуживцев, так и на самых верхах, – рассказывает Виктор Владимирович. – Он выпестовал СКДА, сделал все, чтобы организация получила мировое звучание. Во всех странах Варшавского лагеря его лично принимали первые руководители государства.

Я бы, возможно, засомневался, если бы сам не был свидетелем такой встречи Жарова с Густавом Гусаком, тогда

главным в Чехословакии партийцем, в его правительственной резиденции, в знаменитом пражском Градец Кралове. Застывший на высоком берегу Влтавы дворец для чехов и словаков он значил то же самое, что для нас Кремль. Они уединились в одном из его залов. В центре зала был накрыт стол, пышащий гастрономическим изобилием, однако оба к нему не притронулись, увлеченные беседой. Это был официальный прием по поводу окончания спартакиады СКДА. Залов было множество, однако народу хватило пяти-шести, чтобы испробовать все сорта знаменитого местного пива и чего еще покрепче, естественно, под хорошую закуску. Я же решил прогуляться по дворцу, рассматривая его убранство, редчайшие скульптуры и полотна художников, а из окна вид на Прагу, так что, из-за любопытства, оказался в зале, где что-то обсуждали Гусак и Жаров.

Константин Петрович был лично знаком и неоднократно встречался с Яношем Кадаром, Войцехом Ярузельским, Фиделем и Раулем Кастро, Ким Ир Сеном, да с кем только не встречался, чтобы оперативно решать сложнейшие вопросы. Человек, несомненно, обладал недюжинными дипломатическими способностями. Не всегда было просто состыковать представителей разных армий, выработать оптимальный общий взгляд на какие-то важные проблемы. Сложновато было с румынами. Жарову это удавалось, он умел ровно выстраивать отношения со всеми, снимать возникавшее напряжение. Готовый военный атташе.

Идеология тех лет не позволяла даже подумать о контактах СКДА с СИЗМом, Комитетом, объединявшим армейских атлетов остального мира, хотя предложения поучаствовать в совместных мероприятиях поступали регулярно. А ведь, случись стыковка, это, во-первых, пошло бы только на пользу отечественному военному спорту, что сейчас убедительно доказывается, а во-вторых, предполагаю, Жаров вполне мог стать одним из спортивных военачальников новой организации. Нашего офицера, волевого, сильного, крепкого профессионала, прекрасно знали на Западе.

В заключение собственные воспоминания. В шестидесятые годы Константин Петрович был на несколько лет откомандирован для усиления Союза спортивных обществ и организаций СССР (так тогда назывался нынешний Минспорта). К нему на Скатертный переулок и отправился я по заданию редакции. Ужасно волновался. Сама тема предстоящей беседы: методика организации физической подготовки в зависимости от воинской специальности была непростой, да и с человеком такого ранга до того не доводилось контактировать. Но уже через несколько

минут разговора казалось, что мы знаем друг друга многие лета. Человек широкой и доброй русской души, открытый, простой в общении, несмотря на высокие посты, он умел расположить к себе каждого.

И еще одно воспоминание, на сей раз грустное. Нас с Константином Петровичем связал один трагический случай, а дело было на чемпионате дружественных армий по парашютному спорту в Болгарии. Мы жили в Пернике; аэродром Кондофрей, где проходили соревнования, находился примерно в получасе езды от этого города.

Стояла прекрасная теплая солнечная осень, слабый ветерок, райская погода для прыжков. Накануне они были на точность приземления и превратились в острое соперничество наших ребят и спортсменов из чехословацкой сборной. Что и говорить, большие мастера, практически что ни прыжок – так пяткой ботинка в самый центр небольшого круга. Я поражался – как это вообще можно, тютелька в тютельку, с высоты в два километра. Сейчас уж немного подзабыл, но, кажется, удачливее оказались наши конкуренты. Я напросился к ним в палатку, согласие последовало, более того, за затянувшимся разговором, сначала общим, а потом с каждым по отдельности, отведал вдоволь сосисок, как когда-то на той знаменитой выставке достижений братской страны в Парке имени Горького. Правда, для этого пришлось выстоять длиннющую очередь, начинавшуюся чуть ли не от центрального входа. Взятые интервью готовился перегнать в газету, хватило бы на несколько номеров.

Сегодня предстояло очередное соперничество, на сей раз в другом упражнении, воздушной акробатике. Ничто не предвещало беды. Я утром задержался с отправкой отчета, терпеливо дожидался в холле гостиницы звонка редакционной стенографистки Валентины Самбуровой; о мобильном телефоне и прочих атрибутах современной связи тогда даже в мечтах не было, приходилось порой ждать вызова по несколько часов, пока международная линия освободится. Жаров вызвался подождать меня.

Я уже начал диктовать, когда вдруг Константин Петрович ворвался в холл, весь раскрасневшийся.

– Михаил, заканчивай, надо срочно ехать. У нас ЧП.

Беда случилась с чехословацкой командой. Она решила прибыть на аэродром пораньше, и укатила туда первой, чуть ли не с рассветом, когда солнечные лучи еще не пронзили своим острием, не пробили густую ночную туманную пелену. Она по-прежнему висела в воздухе, плотно накрыв землю. По пути в Кондофрей надо было пересечь узкоколейку, ни светофоров, ни

шлагбаума, видимо, считали, что поезда здесь ходят крайне редко, и нет смысла все это городить и тратить деньги. То ли водитель автобуса еще окончательно не проснулся, то ли в тумане не расслышал сигнал приближающегося состава, он въехал на переезд буквально перед носом тепловоза. Раскочегаренный на полную катушку поезд подхватил автобус и тащил его, наверное, метров сто, а то и больше, пока не затормозил и не смял в гармошку. Как назло, на этом участке железной дороги, по обе ее стороны стояли еще и бетонные столбы. От каждого удара автобус сплющивался еще больше.

Когда мы подъехали, уже застали несколько машин «скорой помощи» и солдат из ближайшей воинской части. Они помогали вытаскивать из искареженного ПАЗика людей. Лишь один из парашютистов чудом остался в живых – он сидел на самом заднем ряду в центре, зажатый с боков своими товарищами. Погибла девушка-переводчица на переднем сиденье справа от водителя, она не должна была ехать, но коллега, которая работала с чехословацкой делегацией, попросила подменить ее, ей срочно нужно было по каким-то делам остаться в Пернике.

Тела погибших транспортировали в военный госпиталь в Софии. Они настолько были изуродованы, что узнать, кто из них кто, было крайне сложно.

– Михаил, сможешь узнать, ты брал у них интервью и наверняка запомнил их лица? – Константин Петрович Жаров в упор, жестким взглядом впился в меня. – Наших тренеров отвлекать не станем, пусть продолжают готовиться, может, как-то отвлекутся от этого кошмара. Столько лет рядом с чехословацкими ребятами в одном небе… Друзья-соперники.

Я ответил не сразу, сверлила голову одна мысль, а настолько ли хорошо их запомнил, ответственность большая, но быстро отбросил ее, кивнул: «Попробую».

– Тогда поедем завтра вместе, вдвоем, больше никого брать не будем. Подъедет только чехословацкий военный атташе.

В другой раз, наверное, насладились бы живописной природой пока мчались по шоссе, петлявшему меж лесов и перелесков, полей с богатым урожаем овощей, фруктов, винограда, упиравшихся в подножье невысоких холмов. Может быть, даже остановились бы попробовать сухого вина или весьма доступный нам по цене в те годы коньяк «Плиска». Однако сейчас во всех смыслах было не до того. Солдат-водитель на УАЗике, который вез нас, не очень-то хорошо ориентировался в хитросплетениях улиц болгарской столицы, в которую мы въехали со стороны Витоши, долго плутал, зато из окна немного проследили за укладом города. Он жил своей обыденной жизнью,

не ведая еще о жуткой трагедии на железной дороге.

В госпитале нас встретили его начальник и главный врач. Они повели нас в морг, у его дверей остановились, главврач достал из висевшего на стене шкафчика бутылку местной «Ракии» (очевидно, припасают для таких случаев, чтобы не упасть в обморок) и два стакана. Наполнил до краев, протянул нам. Я отказался пить. Переспросил – я снова прикрыл рот рукой. Жаров на сей раз немного пригубил.

– Тогда, братушки, вперед, – как-то обыденно, приземленно прозвучали эти слова в устах начальника госпиталя, которые раньше всегда вызывали бурные эмоции при одном упоминании о братушках.

Мы долго ходили мимо уложенных в ряд на каталках трупов чехословацких парашютистов, которых еще два дня назад в Кондофрее приветствовали как неоднократных чемпионов и рекордсменов мира, победителей других крупнейших соревнований, звезд парашютного спорта. Почти каждый из них имел за плечами, точнее за парашютным ранцем, не одну тысячу прыжков. И этим бесстрашным труженикам и покорителям неба суждено было погибнуть не в голубых просторах вселенной, а на земле. Судьба, как же ты порой бываешь несправедлива!

Начальник госпиталя и главный врач стояли в стороне и наблюдали, как мы с Жаровым стараемся определить личности погибших. Дежурный санитар сбрасывал простыню с их лиц – этот момент был особенно тяжелым. Мы не спешили, то и дело подолгу задерживались у коек, жарко спорили между собой. Ошибиться, перепутать было нельзя, каждому надо было воздать почести, каждого ведь надо было передать родным и близким для похорон.

– Константин Петрович, это точно Егличка, – настаивал я, – я дольше всех с ним разговаривал, он раз пятнадцать мировой рекордсмен, у него прыжков за шесть тысяч.

Провожали погибших чехословацких парашютистов на родину на аэродроме в Софии. Из Праги за ними прилетел спецборт с армейским руководством страны. Константин Петрович, я видел, едва сдерживал слезы, произнося слова памяти.

Через несколько дней после возвращения в Москву, Жаров позвонил мне: «Будет время – загляни, буду ждать». Мы молча, не чокаясь, как положено, выпили с ним по стопке «Ракии». Я заикнулся было о привычном для нас по такому случаю традиционном русском напитке, но Константин Петрович настоял: нет, только «Ракия».

Память не имеет права быть короткой

Короткое сообщение из Перми: Сергею Белову присвоено звание «Почетный гражданин Пермского края». Местная общественность предлагает у входа во Дворец спорта «Молот», на арене которого под руководством Сергея Александровича команда «Урал-грейт» добилась многих впечатляющих побед, установить мемориальную доску в память об этом кудеснике мяча, первом европейце, включенном во Всемирный баскетбольный зал славы.

Прочитал – и такое зло взяло. Черт побери, уральцы сыграли на опережение, а в Москве проморгали. А ведь лучшие-то годы Белова, принесшие ему всемирную известность, прошли в столице, в ЦСКА.

Да, одних уж нет, а те далече… Вот и из Запорожья горестное известие о кончине еще одного моего давнего знакомого Леонида Ивановича Жаботинского. Могучего добряка с хитринкой в глазах и мозгах. Не могу не воздать ему должное. Нет, я не был свидетелем его тактической олимпийской победы над Юрием Власовым в Токио. Но был свидетелем другой. Серьезная травма отлучила его на долгих четыре года от любимой штанги, никто не верил, что Жаботинский вернется. А он вернулся, да как – в словацком Тренчине установил новый мировой рекорд в рывке – 177 кг. Так и вижу Леонида Ивановича с поднятой над головой стальной громадиной и с застывшей на лице улыбкой: не верили – а я доказал! Он умер в своем родном Запорожье. Человек, который, как и великий Гоголь, принес одновременно славу и России, и Украине.

Когда уже было написано о Сергее Александровиче Белове (в ЦСКА все-таки о нем вспомнили, установили бюст на Аллее славы), друзья прислали мне на электронную почту стихи Петра Давыдова. Прочитал – и как же они созвучны написанному.

Незаметно исчезают друзья.
Реже встречи и короче звонки.
Изменить, наверно, это нельзя,
Если вы уже другие внутри.

И никто не виноват – просто жаль,
Что у всех такая разная жизнь.
Наше прошлое, летящее вдаль,

Превращается легко в миражи.

Да и времени практически нет.
А ещё по вечерам мало сил.
Шлёшь на праздники привычный привет,
И не важно: кто писал, что спросил.

В разных странах или рядом сейчас,
Мы с друзьями, но ничьей нет вины –
Забывают постепенно про нас,
Забываем про кого-то и мы.

Может это и нормально вполне?
Может это происходит у всех?
Кто-то вырвался вперед на коне!
От другого отвернулся успех.

Но ведь нечего делить нам уже
Кроме мыслей и простых новостей.
И печально на любом рубеже
Вдруг остаться одному без друзей.

Всё, что было – это было не зря.
Ради дружбы постарайся, пойми.
Так обидно исчезают друзья
И вернуть их невозможно… почти.

И еще это – Эдуарда Асадова.

Понять – о боже, как мы виноваты…
И фото – черно-белое кино –
Усталые глаза, знакомы взгляды,
Они уже простили нас давно

За то, что слишком редко были рядом,
За не звонки, не встречи, не тепло.
А лица перед нами – просто тени,
А сколько было сказано не то,
И не о том, и фразами не теми.

Тугая боль – вины последний штрих –
Скребет, изводит холодом по коже.
За всё, что мы не сделали для них,
Они прощают. Мы себя – не можем

А ведь действительно виноваты – и покаяться бы…

«Большой на льду». “Bolshoi on Ice” Ледовые кружева из России

Театральные афиши начала прошлого века. Они как полотна художников, они сродни редким музейным экспонатам, от них не хочется отрывать взгляда, как на выставках произведений крупнейших мастеров кисти. Они наполнены жизнью, от них веет дыханием и атмосферой того времени. А сколь остроумен их текст! Бесценные реликвии.

Нам с женой повезло с соседями – супружеской парой из Одессы, Ольге-то особенно – ее земляки. Давида Иосифовича и Софьи Захаровны Млинарис давно нет на этом свете, но в память от них несколько афиш. И на каждой имя Давида Иосифовича. Он не был артистом, но он был импресарио, администратором, главным организатором всего того, что гремело на всю Одессу и о чем вещала афиша. «Театр миниатюр К. Ф. Павловского. Бенефис Д. О. Млинариса. «Веселая вдова». Много музыки, пения, танцев. В 3-м акте Большой дивертисмент. Песня о качелях. Песня Вилли. Большой Съезд публики. Ценителей оперетты ждем в 8½ час., кино в 7½ час. вечера. Приходите, не пожалеете, всем будет весело».

Сергей Мигицко, народный артист из театра имени Ленсовета, тоже одессит, ахнул от восторга и удивления, когда увидел эту афишу: «Это же такая редкость, раритет, бальзам на душу! Отреставрируем и обязательно повесим в фойе театра, чтобы люди наслаждались».

Афиши эти истрепаны десятилетиями старины, они кочевали с хозяевами по городам и весям, куда их забрасывала судьба и работа, связанная не только с театром, но и с цирком, пока не осели в их скромном московском жилище, и мы, как можем, стараемся их сохранить. Как и другие, тоже памятные для нас, но напоминающие о другом, более близком нам времени – тоже из прошлого века, только 90-х годов. Их история короче, однако 30 лет тоже уже срок.

«BOLSCHOI ON ICE АНСАМБЛЬ БАЛЕТА БОЛЬШОГО ТЕАТРА на ЛЬДУ Erstmals in Europa: DIE EISLAUFSTARS DER UDSSR SUPERSHOW»

«POUR LA PREMIERE FOIS EN FRANCE AU PALAIS DES CONGRES DE PARIS LE BOLCHOI SUR GLACE 40 MEDAILLES OLYMPIQUES, MONDIALES ET EUROPEENNES»

«ТЕАТР ЛЕДОВЫХ МИНИАТЮР ICE THEATRE Художественный руководитель заслуженный мастер спорта СССР ИГОРЬ БОБРИН»

«Игорь – великий артист на льду. Если бы в мировом фигурном катании существовал некий золотой фонд, то я занесла бы в него многие его работы как образец неустанного и плодотворного творческого поиска».

Это Людмила Пахомова, звезда танцев на льду, первая олимпийская чемпионка в этом виде, об Игоре Бобрине.

«Фигурное катание научило меня видеть красоту, искать ее в повседневной жизни. И помогло осознать свои желания. Главное из них – работать для людей и всегда быть понятным людям. Кататься и ощущать, что тебя не понимают, – для меня самое мучительное чувство. Я думаю, переживаю на льду и хочу, чтобы публика переживала со мною вместе».

Это сам Игорь Бобрин, чемпион Европы; мне довелось быть непосредственным свидетелем его изумительной победы в Вене, но тогда, в 1981 году, наблюдая за его «Ковбоем» на показательных выступлениях, не мог предположить, что благосклонная к фигуристам австрийская земля спустя несколько лет вновь сведет нас с ним, только это будут не соревнования, его уникальные показательные номера «Ковбой», «Скрипач», «Чарли Чаплин» перерастут из мини-спектаклей, театра одного актера, в макси-представления, и я буду их восхищенным зрителем.

– Когда Игорь был на пороге ухода из большого спорта, мне очень хотелось, чтобы все его таланты продолжали раскрываться, – рассказывает его жена и соратница Наталья Бестемьянова, рыжая бестия на льду, огонь, экспрессия в своих столь же зажигательных танцах, принесших ей олимпийского золото. – Я видела в этом свою задачу, во мне глубоко засело страстное желание продлить его яркую жизнь в фигурном катании, но на совершенно новом поприще. Что это должно быть? Очередное шоу? Но их уже предостаточно, и в Америке, и в Европе. «Холидэй он айс», «Айс ревю», ансамбли у Байтано, Орсера. А если попробовать театр? Не балет, а именно театр, который помог бы реализовать смелые идеи, ну, скажем, воплотить на необычной сцене в современной интерпретации трагическую историю доктора Фауста, его человеческую драму, или вновь напомнить о «маленьком человеке» Чарли Чаплина.

Наталья выдерживает паузу по Станиславскому, характеризующую мастерство актера, и продолжает:

– Счастье, что наши мысли совпали. Я чувствовала, Игорь сам уже созрел для нового дела, еще бы знать нам тогда, как все это

делать, все ведь было впервые. Ну, хорошо, друзей фигуристов увлечем своей идеей, артистизма им не занимать, а найдем ли мы понимание у балетмейстеров, хореографов, постановщиков, да их еще надо найти, обратить в свою веру.

…В потрясающем своим величием знаменитом монастыре Санкт-Флориан, что в четверти часа езды от Линца, звучит органная музыка. Известный в Австрии исполнитель Вольфганг Рейсингер играет Баха для своих гостей – русских артистов ледового театра миниатюр. А вечером он в городском Дворце спорта наслаждается классической музыкой Шопена, Бизе, Пуччини и в восторге от русских народных мелодий, под которые, исполняя задорную танцевальную сюиту, его утренние гости заканчивают большой спектакль из двух отделений. Первое – «Фауст. XX век». В роли Маргариты Наталья Бестемьянова, Фауст – Дмитрий Смирнов, Мефистофель – Владимир Котин.

Игорь Бобрин не занят в спектакле, мы стоим с ним вместе за кулисами, и я вижу, как желваки бегают по его лицу, он безумно нервничает, будто сам находится на льду, не Котин, а он воплощает образ Мефистофеля. И ведь никуда не деться от этих переживаний, нормальному человеку они точно добавляют седин. Бобрин – нормальный, и я вижу на его правом виске узенькую беленькую полосочку. Задумывается ли он – на репетициях или на спектакле, как несладок этот хлеб – режиссура, что ноша столь же тяжела, как тренерская доля? Безусловно. Но отступать некуда, за ним театр, их с Натальей мечта осуществилась, а он еще и его художественный руководитель. В труппе все его коллеги по спортивному льду, фигуристы с громкими именами, он не имеет права подвести их. Двойная нагрузка.

Они стартовали в своих творческих поисках и движении с Челябинской областной филармонии, которая, оценив их задор и порыв, не испугалась взять молодой коллектив-дебютант под свое южно-уральское крыло. Начали с «Немого кино» на музыку Чарли Чаплина, Джорджа Гершвина, Леонида Чижика. Бобрин оказался в своей бурной стихии, но то был показательный номер, теперь же целый бурлеск-балет, Игорь, понятно, в главной роли, но ведь еще и режиссер-постановщик, ему воплощать замысел сценариста, коим был поэт Илья Резник. «О чем спектакль?» – спросил я Бобрина по дороге, когда мы катили из Вены в Линц, возвращая его к тем временам конца восьмидесятых годов прошлого века, когда театр только становился на ноги. На ответ у Бобрина было 200 км – столько между этими двумя городами, можно, наконец, спокойно поговорить.

В автобусе стоял веселый гул, подогреваемый обменом впечатлениями о встрече нового года. Мы встретили его трижды.

Первый раз – по челябинскому времени – отметили в ООНовском культурном центре по ту сторону Дуная, где театр произвел фурор «Дивертисментом». Как же ласкало мой слух это слово. Оно перекликалось с тем Большим Дивертисментом на афише «Веселой вдовы» начала века и словно перекидывало мостик времени между двумя этими событиями. Тот же жизнерадостный лиризм, остроумие, тоже много музыки, песен, танцев. Тогда одесскую публику развлекали историей Ганны и графа Данилы. Сейчас австрийская была в восторге от «Кэрол» Лены Васюковой, дружно подпевала Кире Ивановой «Бессаме мучо»: я прошу, целуй меня жарко, так жарко, как если бы ночь нам осталась одна, когда Кира исполняла свой номер «Бессаме», балдела от «Торреадора» Юры Бурейко и задорной «Калинки» Лены Валовой и Олега Васильева, не жалела ладоней и притоптывала в такт, когда на льду с зажигательной «Цыганкой» были Ирина Воробьева и Игорь Лисовский. А еще – «Тарантелла», «Шопен», «Цирк»… Много чего!

Я, признаться, сам балдел от этого синтезированного действа, на мой взгляд, оно раскрывало талант артиста с разных точек зрения. Каков был в строгом черном костюме и черной шляпе Володя Котин, он наповал «убивал» зал своим «Джаксоном». И, конечно, «Триптих» Натальи Бестемьяновой и Игоря Бобрина, в котором сошлись лирика, экспрессия, трагизм. Как приятно было читать в прессе, что этот русский театр первый и единственный подобного рода в мировой практике. «Это нечто! Такого я раньше не встречал, – прочитал мнение Эмериха Данцера, трехкратного чемпиона мира, в одной из газет. – Мы должны быть благодарны Бобрину и его «звездам» за эти впечатляющие постановки. Они постигли настоящее искусство. Мы присутствуем при рождении практически нового жанра, и это должно быть зафиксировано в истории».

Организаторы гастролей поселили театр вдали от шума городского, наверное, из благих намерений: и никто не мешает, и, пожалуйста, дышите свежим воздухом, набирайтесь сил, наслаждайтесь панорамой австрийской природы. Действительно из окон отеля открывался чудесный вид. Луга, легкие перекаты полян, вдали лиственная роща. И все в зелени, почти не тронутые зимой широкие просторы. Трамваем до кольца в центре Вены, за которым упрятались все главные достопримечательности, как в Москве за Садовым кольцом, без малого чае езды. От ООНовского комплекса было еще дальше, и к новогоднему бою Кремлевских курантов мы поспели с трудом из-за затянувшегося бенефиса. Но зато по европейскому времени… Ах, какие они красавицы, наши девочки! Как хороши в своих мини-платьях, кокетливо перетянутых пояском, и в лодочках на высоком каблуке. Точеные

фигурки, статуэтки, идеально причесаны. И когда только успели навести марафет… Роскошная Наталья Бестемьянова. Изящная Наталья Карамышева. Просто прелесть миниатюрная Света Французова. На нее в магазине я мерил розовое дутик-пальто для своей Ольги, которое до сих пор носимо на даче в холодную погоду. Публика, собравшаяся в просторном холле отеля, ахнула, когда они спустились вниз. Под стать им были и кавалеры, одеты с иголочки, по моде, элегантные джентльмены, кто в галстуке-бабочке, кто без оных, в обычных.

Из Москвы с нами путешествовали, ожидая своей участи, несколько коробок с шампанским, сладостями и, конечно, с красной и черной икрой – как без них за границей, еще с кое-какой не портящейся провизией. Дружной компанией мы уселись за длинный стол в дальнем углу холла, специально зарезервированный для русского театра хозяевами отеля. В общем, сейчас в автобусе было что вспомнить, но постепенно впечатления сошли на нет, гул умолк, послышалось посапывание, шоссе со своими лихими виражами сделало черное дело – укачало народ.

– Вы спрашиваете, о чем «Немое кино»? – Мы с Бобриным, чтобы никому не мешать, уединяемся на заднем ряду, где в одиночку клюет носом великолепная Кира Иванова, с которой так трагически потом обошлась судьба. – Это немного грустная лирическая повесть о чаплинском «маленьком человеке» – смешном, отзывчивом, трогательном, легко ранимом, который путешествует во времени, сталкивается с разными людьми и нравами, и сражается, подобно Дон-Кихоту, с ветряными мельницами, с бездушной цивилизацией. Он, на самом деле, совсем не маленький человек, а человек с большой буквы, поскольку не замыкается в своем мире и ищет добра для всех людей. Чаплин был именно таким.

– Извечная тема борьбы и зла, противопоставление любви и преданности измене?

– Можно сказать и так. Во всяком случае, мы задумывали спектакль именно в такой трактовке, и теперь главным было донести зрителям то, что ты хочешь сказать. Если он поймет тебя, если будет установлен контакт – успех обеспечен.

– Я, к сожалению, еще не видел «Немое кино». Но вот ваш «Фауст. XX век». Как я себе представляю, вы пытались ваш спектакль построить строго по законам драматургии, чтобы через все действо протянулась единая линия, или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Мы хотели показать, как сегодняшнее поколение молодых людей видит те проблемы, которые существовали во времена Гете. Во время исполнения мы

стремимся к тому, чтобы элементы фигурного катания не выпячивались, не были самоцелью, а являлись средством выражения идеи. В свое время меня, Володю Котина, когда мы были действующими спортсменами, поругивали за увлечение художественной стороной, но сейчас именно на эту сторону основное внимание.

– Говорят, язык театра – язык движений, не важно, на льду ли, на деревянной сцене.

– Это так, и чем мы сильнее в этом своем языке, чем богаче, тем глубже можем проникнуть в любой, даже самый сложный, коварный, образ и довести свои замыслы до нужного воплощения, опять же в интересах наших зрителей. Высококлассный фигурист чем отличается? Высочайшей техникой, и нам, теперь артистам, необходимо обязательно владеть такой. А как иначе ставить спектакли о роли художника, о каких-то высоких понятиях и материях?

Спрашиваю Игоря, кто помогает ему в работе?

– Много людей. Елена Анатольевна Чайковская, балетмейстер Наталья Александровна Волкова. Она, если можно так сказать, знает и «пол», и «конек». «Компьютерную» музыку к «Фаусту» сочинил молодой композитор Михаил Чекалин, а сценарий – плод коллективного творчества с участием Андрея Днепрова и Бориса Баркаса. Стараемся привлечь к постановкам разных людей, это дает нам возможность и по-разному трактовать образы, искать и находить новые формы. Посмотрите, как засверкала Елена Васюкова, воплощение ею образа Маргариты все признают весьма оригинальным. У Бестемьяновой свои находки и подходы, у Васюковой свои, но обе своей гаммой красок, палитрой выразительных средств заставляют поверить в великое чувство любви и самопожертвования. Так и у остальных ребят, в том числе и меня касается, когда я выхожу на лед. В этом – в глубоком проникновении в драматургию сюжета – и вся прелесть.

– Если честно, когда вы начинали, страх был?

– Еще какой! На всю труппу один страх: как примут, проникнется ли публика нашими замыслами, как мы раскрываем тему противопоставления разума и темных сил, отзовется ли на историю любви и смерти и т. д. Средствами танца это крайне трудно выразить. Но мы старались. Эмоции зрителей – тот камертон, который помогает нам правильно выстроить работу, их реакция дает четкое представление, что у нас получилось, а где провал. В конце концов, это позволяет избежать ошибок.

…В зале аншлаг, никто не торопится в раздевалку. Шквал аплодисментов. Я оставляю Бобрина, на лице которого, наконец, появляется улыбка, его вот-вот пригласят на поклон публике, а

сам ищу глазами на трибуне Вольфганга Рейсингера, тянет поинтересоваться его мнением.

– Это замечательно! Мне, конечно, прекрасна знакома опера Гуно, но чтобы воплотить ее либретто в спектакле на льду… Это так необычно. Если я правильно уловил идею увиденного, то, на мой взгляд, это раздумья средствами танца о роли художника в современном мире. Он может посеять добро, но и причинить своим талантом зло. Сценически крайне сложно изложить эту философию нашей жизни, но русскому театру это удалось. А каков кордебалет, он не фон, он такое же главное действующее лицо, как исполнители ведущих ролей.

Я стараюсь поспеть за переводчицей и тщательно записываю сказанное. Рейсингер не один, вместе с ним Эвелин Шнайдер, тренер сборной Австрии, и ее слова тоже залетают в мой блокнот.

– Балетное прочтение Гете для меня открытие. Вы заметили, как реагировали зрители. А почему? В том, что они увидели, есть сердце, то есть то, что заставляет сопереживать. Это искусство с большой буквы. Шесть баллов всем за артистичность и художественность. Какая скорость катания, какая чистота скольжения, какие прыжки! Сравнить с нашим «Холидэй он айс»? О чем вы говорите? Театр Бобрина несравненно выше. Это театр, понимаете? «Холидэй он айс» приучил к совершенно иному восприятию ледовой хореографии, он привлекает своей помпезностью, чрезмерным световыми эффектами и блеском роскошных костюмов.

– А театр Бобрина чем?

– А тут эмоциональный взрыв, качественно совершенно иное построение действия. Не только блестящая россыпь искр из-под коньков, а прежде всего душа, ее не прячут за привлекательными масками. Чувствуете, насколько я объективна (госпожа Шнайдер улыбается), не забывайте – я австрийка.

Вот это да! Кто бы мог подумать? Русский ледовый театр заставил Вену, Австрию, воспитанную на традициях Моцарта, вернуться к классике, открыв новое для себя искусство и удовлетворить вкусы самых требовательных гурманов.

Поздним вечером, ближе к ночи, мы с Еленой Валовой, Олегом Васильевым и Владимиром Котиным заглядываем в номер Бобрина и Бестемьяновой. Пьем чай с вкусным венским печеньем и рождественским с корицей и миндалем, обсуждаем минувший день. Владимир Котин включает телевизор и по одному из каналов ловит транслирующийся из Гармиш-Партенкирхена фестиваль звезд фигурного катания. Состав впечатляющий: кроме наших, пожалуй, все мировые силы первой величины: Байтано, Витт, Орсер, Хамильтон… Все впились в экран. Я нейтрально

наблюдаю за ними как бы со стороны, мне интересна их реакция, хочется сопоставить с собственными впечатлениями, а они к концу программы у меня созрели: там разрозненные номера, не объединенные общей идеей, здесь же, если обратиться к тому же «Дивертисменту», я чувствую единый замысел. От выхода Валовой и Васильева (они своим «Шарфом» открывали второе отделение) до заключительного номера «Озорники» и русской хореографической сюиты.

Русские картинки с клоунами, национальный фольклор, интерпретация западной поп-музыки, испанское фламенко, цыганские напевы, а еще американские, польские, латиноамериканские мотивы – все это превратило ледовую сцену в праздник, калейдоскоп эмоций. С проявлением народного характера, юмора, эксцентрики, гротеска, для которых каждый из спортсменов, нет, простите, актеров, находит достаточно выразительных средств, проявляет тонкий вкус. Я вспоминаю танго Натальи Карамышевой и Ростислава Синицына. Чудо как хороша в «Цыганочке» Ира Воробьева. Она легко взбирается, воробушком взлетает вверх по рукам Игоря Лисовского – сложнейшая поддержка исполнена, как в былые времена.

И еще я думаю, как хорошо, что у «звезд» после ухода из спорта появилась такая прекрасная возможность найти свое место в жизни. Есть балеты на льду, ансамбль «Все звезды» Татьяны Анатольевны Тарасовой и есть этот Театр ледовых миниатюр и как повезло мне сопровождать его в европейских гастролях в обличье чиновника из Госкомспорта, да еще и с возможностью что-то написать. Ну, скажем, порассуждать о тех же «звездах». Как им после завершения карьеры относиться к фигурному катанию, к своему ремеслу – потребительски ли, выжимая из него все, что обретено за годы тренировок, не задумываясь над формой и содержанием того, что делают на льду. Или все-таки на первый план выходит стремление создать произведение искусства, порадовать зрителей творческими поисками и находками.

Едва трансляция из Гармиш-Пантеркирхена кончается, делюсь своими размышлениями. Игорь Бобрин, ухватившись за мои рассуждения, краток: «Не знаю, как у других, но у себя мы не можем, не имеем права дать себе послабление, искусство требует основательной каждодневной работы, иначе им по-настоящему не овладеть. Мы определили для себя свое самостоятельное направление – заниматься драматическими постановками, потому и называемся театром. Создали новый жанр? Возможно. Красочные ледовые шоу? В принципе мы не тяготеем к ним, но и не против. Разве «Дивертисмент» не близок к шоу?»

Взрывной Котин вскакивает с места: «Не узнаю ребят. Класс

не отнимешь, костюмы, оформление – все замечательно, а вот прежнего нет, растаял, скорость упала. Жаль…»

– Володя, может, в тебе ревность заиграла? – спрашиваю осторожно Котина.

– Да какая к черту ревность, – еще больше вскипает Котин, – страсти нет, не прыгают, сами же видите.

Пересказываю то, что услышал от Рейсингера и Шнайдер.

– Спасибо, но надо идти дальше, – Бобрин явно не склонен к затяжному комментарию, устал, да и поздно уже, глубоко за полночь. – Все, расходимся, ребята, завтра с утра репетиция.

Спать, однако, не хочется. Спускаюсь вниз немного пройтись, подышать свежим воздухом. Небо плотно заволокло тучами, еле-еле расплывчато пробивается полумесяц. Из головы не выходят эти слова Бобрина: надо идти дальше. Были бы видны звезды – может, подсказали бы: о чем он? Наверняка за этой фразой что-то есть. Творческим личностям покой только снится. Фантазирую на разные темы, но ответа не нахожу. Получаю его уже в Москве вместе с приглашением в Лужники на премьеру нового спектакля «Распутин. Постфактум». О, замечательно, после долгого перерыва опять на льду вместе Наталья Бестемьянова и Андрей Букин, золотая танцевальная олимпийская пара. Она – императрица Александра Федоровна, он – Распутин. В роли царя Николая II Игорь Лисовский, неизлечимо больного царского наследника Алексея, страдающего припадками и гемофилией, – Юрий Бурейко. Неужто «Агония», известный фильм Элема Климова, заставивший несколько иначе взглянуть на некоторые трагические страницы государства Российского, нашел неожиданное продолжение на ледовой сцене?

– Если вы считаете так, то так пусть и будет, – среагировал на мой вопрос Бобрин. – Но лучше вам бы спросить у Александра Борисовича Градского, его музыка, когда он писал ее, то, по его словам, постоянно думал о нелегкой судьбе России. Нити прошлого тянутся в день сегодняшний. История России таит много разгадок бытия нашего времени. Эта главная мысль, которую мы хотим донести до зрителя. Градский говорит, что «Распутин. Постфактум» – спектакль предупреждение, и я согласен с ним.

– И все-таки, что заставило вас обратиться к Распутину?

– То и заставило, о чем я только что сказал. Это невероятно сильная личность, сгусток русской энергии, глубинная сущность русского духа. Распутин до сих пор являет собой неразгаданный феномен.

Я смотрел спектакль, поражаясь глубиной музыки Градского, режиссурой Бобрина, мастерством балетмейстера Натальи

Даббади (Волковой) и художника-постановщика Нателлы Абдуллаевой, и размышлял о том, как же так вышло, что этот человек, выходец из крестьян, царский советник, фаворит императрицы, психолог, экстрасенс, гипнотизер, а по сути, шарлатан и распутник (все в одном лице), имел исключительную власть над царскими особами, огромной страной?

«Все было тленно, все значимо и все ничтожно перед властью Распутина, который, в конце концов, не уходит от расплаты. Гибнут царь, царица, ребенок, и только высший голос вопиет о спасении, призывая Веру, Надежду, Любовь возродить мать их Софью, а значит, матушку Россию».

В кавычки я заключил мысли Градского, воплощенные талантливым коллективом, к которому, как считает, народный артист Вячеслав Шалевич пришла зрелость. «Распутин. Постфактум» – несомненно, новый серьезный творческий шаг вперед, – продолжает Вячеслав Анатольевич. – Это уже не ледовые миниатюры, это целый большой ледовый театр, только так ему и надо называться».

На гастролях за границей его так и называли – «Большой на льду». “Bolschoi on ice”

На этом ставлю точку.

Коротко об известном

Пернатый мяч, меняя на лету свое название – ди-дзяу-ци в древнем Китае, пеона в Индии, ойбане (в переводе с японского «летающее перо»), леток на Руси, наконец, привычное – волан, – через века и тысячелетия до и после нашей эры добрался из Поднебесной в остальной мир.

Наверное, ни один спортивный атрибут не упомянут столь часто в мировой литературе, как мяч с перьями: Рабле, Шиллер, Виктор Гюго, Флобер, Герцен, Достоевский, Даль… Картину «Девушка, играющая в бадминтон» Пьера-Огюста Ренуара, написанную знаменитым художником в 1887 году, вообще можно считать своего рода визитной карточкой нового спорта, зародившегося 14-ю годами раньше под Лондоном.

Этим мы обязаны британскому герцогу Бофорту, именно он «раскрутил» забаву с воланом от любительской перекидки до первого официального соревнования. Случилось столь памятное событие в местечке Бадминтон. Отсюда и название. Таким образом, Англия подарила миру не только футбол, теннис и регби.

Еще один любопытный факт. Скорость полета волана нередко сравнивают со спортивной «шаровой молнией», ибо она зашкаливает за 320 км/ час. Только мяч для гольфа летает быстрее да теннис приближается к этому показателю. Все остальное меркнет – футбол, волейбол, баскетбол, настольный теннис…

* * *

Отполированный до блеска камешек похлеще гири будет. «Железка» с пуд весом, а «stone» под 20 кг тянет. Катить его силушка в руках нужна. Когда бы только она… Ведь не просто так, а с «чувством, с толком, с расстановкой» надо запускать его в путешествие по ледяной дорожке. Смотрите, известный грибоедовский персонаж об оптимальной дислокации в керлинге знал еще пару с лишним веков назад. Мозгами не пошевелишь, быстро варианты в голове не прокрутишь, выбрав оптимальный, – шансы на успех минимальные. Керлинг – сложная шахматная композиция, только не на доске, а на льду, и разгадка ее через хладнокровие и расчет, но отнюдь не через азарт.

Хороша игра джоколо (рубрика «Сильные духом»)

Сначала я играл в джоколо, пытаясь отправить плоские деревянные кругляши в узкие ворота высотой, наверное, сантиметра полтора. Затем поупражнялся в жульбаке; тут нужно было орудовать длинной палкой с полукольцом на конце (что-то наподобие деревенского ухвата), толкая ею пластмассовые диски на поля, обозначенные цифрами (это количество очков). Наконец взял в руки кий и испытал себя в новусе, его еще называют морским бильярдом, только вместо шаров деревянные фишки, которые надо загнать в четыре отверстия по углам квадратной столешницы. Очень, скажу, занимательно, азартно и совсем непросто.

Вы что-нибудь прежде слышали об этих забавах? Вот и я не слышал, а между тем это вовсе не забава, а специально придуманные в разных странах (жульбак, к примеру, в Голландии, а новус – в Латвии) игры для реабилитации людей с ограниченными возможностями и различными недугами.

А увидел я все это в Международный день инвалидов в московском Дворце спортивных игр «Содружество». Здесь же познакомился с еще одним новым для меня видом, который, правда, вряд ли относится к экзотическим, скорее он из разряда восточных единоборств. Это – паратхеквондо. С открытым, одновременно от удивления и восторга, ртом я наблюдал, как «параборцы» – от млада (забавной девчушки) до велика (мужчины в солидном возрасте) – демонстрировали свою технику и ловкие приемы. С ними лучше не связываться…

Я полагаю: это надобно шить

Где еще такое увидишь, чтобы высшие чиновничьи мужи превратились в обычных мужчин и, задавая тон, с удовольствием, тактом, присущим галантным кавалерам, приглашали бы дам на танец. «Я пригласить хочу на танец вас и только вас, и не случайно этот танец вальс». Пусть не вальс, пусть танго, фокстрот или что другое, это неважно. Так, где же? Да простит меня поэт Юрий Левитанский за одно измененное слово в его замечательных стихах, но в нем-то, этом слове, как раз и ответ на вопрос:

Так разрешите же в честь олимпийского бала руку на танец, сударыня, вам предложить!

– Эх, если бы не болела нога, к черту отбросила бы палку и тоже пустилась в пляс, – сокрушалась трехкратная олимпийская чемпионка Галина Горохова, глядя, как величаво своих партнерш водят Сергей Нарышкин и Александр Жуков, председатель Государственной думы и его первый заместитель. Нет, на сей раз соответственно куратор нашего плавания и президент Олимпийского комитета России.

Великая Софья Великая, лучше всех в мире среди слабого пола владеющая саблей, блистала в роскошном платье до пола. Его цвет был созвучен понятию «красота», и вообще бал, если обратиться к самой замечательной половине человечества, напоминал финал конкурса «Мисс или миссис спорт» и демонстрацию последних новинок моды в Милане или Париже. Нет, это была Москва. И ответ на вопрос: «Вы полагаете, все это будет носиться?» после такого дефиле не мог звучать иначе, как: «Я полагаю, что все это следует шить». И воздушные романтичные платья с кружевами в раскраску под стать радуге, и брючные костюмы, и юбки миди, и сарафаны, и что-то еще в стиле ретро. Как же все это ладно, по фигуре сидело на наших барышнях!

Я наслаждался этой «картиной маслом» и думал: сколько же у нас в стране очаровательных женщин всех возрастов. И все они достойны внимания и любви, которой каждый возраст покорен. Не буду скрывать, откровенно позавидовал и молодому человеку, пригласившему Софью на танец, и партнерам олимпийских чемпионок-синхронисток Светланы Ромашиной и Натальи Ищенко. Их ритмика движения на паркете, что-то от балетных па-де-де и па-де-труа, выглядела столь же впечатляюще, как в родной водной стихии. И снова Юрий Левитанский:

Месяц серебряный, шар со свечою внутри и карнавальные маски – по кругу, по кругу. Вальс начинается. Дайте ж, сударыня,

руку и – раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три!..

«Ах, какая красота!» – не мог скрыть своего восхищения Жириновский. А Владимир Вольфович, известно, знает толк в танцах. И в женщинах, думаю, тоже…

За весла, друзья!

Заслуженные мастера спорта Александр Тимошинин и Александр Мартышкин из одного цеха – академической гребли. Однажды на подготовительном сборе в Азербайджане, в Мингечауре, Тимошинин своим авторитетом, словом, умением убеждать предотвратил едва не начавшийся крупный конфликт представителей двух концессий и национальностей, живущих по соседству. Не стану расшифровывать – каких, думаю, и так понятно.

– Я помню тот случай, – говорит Тимошинин, – но хотелось бы о нем навсегда забыть. Не место таким конфликтам ни в спорте, ни в жизни вообще.

– Давайте тогда вместе с вами о радостном и знакомом вам – оценим пользу занятий греблей.

А. Тимошинин: Наверное, не нам с Мартышкиным надо оценивать, мы же профессионалы, это главное дело нашей жизни, а тем, для кого это занятие – хобби. Спросили бы лучше у Дмитрия Анатольевича Медведева или Сергея Викторовича Лаврова. Наш министр иностранных дел вообще любитель острых ощущений, ему гребной слалом или сплав по горным рекам подавай. Слышал от Андрея Дементьева, что Лавров пишет прекрасные стихи, я, к сожалению, не знаком с его поэзией, но, думаю, без строчек о гребле не обошлось.

А. Мартышкин: Тогда давай скажем, что и Пушкин любил взяться за весла – на Ламе, когда приезжал в подмосковный Ярополец, где находилось имение Гончаровых. Если использовать нашу терминологию, Александр Сергеевич был блестящим загребным российской поэзии.

А. Тимошинин: Греблей увлекался и Алексей Николаевич Косыгин. Вам, может, будет интересен такой факт. Одним из старейших гребных клубов в мире является «Санкт-Петербургское Гребное Общество». По возрасту оно немного уступает лишь британскому королевскому клубу, а в России конкурентом ему по этому показателю является разве что московская «Стрелка». Сегодня питерцы именуются – клуб «Знамя». Так вот, одно из его сооружений построено на деньги, выделенные еще в 1954 году Косыгиным. А вдохновило его на это решение прекрасное выступление Юрия Тюкалова и других наших гребцов на Олимпиаде-1952 в Хельсинки.

А. Мартышкин: Когда-то, в древности, лодки эскимосов или пироги индейцев прекрасно помогали человеку форсировать любые водные преграды.

А. Тимошинин: Ты уж совсем глубоко в историю копнул, хотя, наверное, без тех лодок и пирог не было бы современных байдарок, каноэ, да и наших с тобой скифов. Все-таки вернемся поближе к нашему времени. Например, греблей увлекался царь Николай II. Есть даже фотография, датированная 1913 годом, где император лихо на байдарке «разгребает» волны на одном из финских озер. Тем самым он словно принял эстафету у Петра I. Император стоял у истоков многих видов спорта в России, греблю тоже не миновала сия участь. В 1718 году он подписал указ об открытии в Санкт-Петербурге гребного клуба «Невский флот». Петр I сам создавал чертежи гребных судов, а при открытии клуба произнес слова, которые актуальны и сегодня: «Всё делается, для того чтобы научить верных подданных любить без страха плавать по морю и любить его». Тут же последовало другое императорское распоряжение: обязательно проводить регулярные «экзерциции» (учения) для гребцов, дабы они постоянно совершенствовали навыки владения веслом. Для оценки профессионализма так называемых «краснорубашечников» – перевозчиков людей на лодках, стали организовывать специальные соревнования, и лишь лучшие получали специальную грамоту, позволяющую заниматься переправой через Неву. Плавное «Невы державное теченье» этими гонками было нарушено. Так что: царское дело – гребля.

А. Мартышкин: Ну а в Москве все начиналось у Бабьегородской плотины. Чудесное место, где вытянутая углом земля отделяет Москву – реку от водоотводного канала. Для нас, гребцов, оно намоленное, это знаменитая «Стрелка», и мне, если оглянуться назад, тоже хочется кое-что вспомнить, например, Никиту Найденова; вот уж кто был поистине мастером на все руки. Первоклассный летчик, участник Первой мировой войны, он еще в 1925 году совершил перелет из Москвы в Пекин, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а американцы вручили ему «Форд». Найденову тесно стало в небесах, и он, опустившись на грешную землю, столь же лихо носился на подаренном авто, а зимой предпочитал заграничной машине отечественные коньки. И преуспел и здесь, став одним из лучших в России, Европе и мире.

Добрался Найденов и до воды. Вместе с Анатолием Переселенцевым они чемпионы России 1914 года в двойке парной. Жаль, что олимпийские игры в тот период из-за войны не проводились, а то быть бы мощному дуэту, как предсказывали эксперты, в призерах, а то и в победителях в этом классе.

А. Тимошинин: Переселенцев, кстати, прекрасно выступал и на одиночке. В те годы он последовательно обыграл будущего

олимпийского чемпиона Джека Бересдорфа и действующего тогда Уильяма Киннира. Ему мало этого, и он в Париже снова обыгрывает всех и завоевывает «Приз Сены», что равноценно титулу чемпиона Франции на одиночке. Затем, объединившись с французским коллегой, приносит «трехцветным», себе самому и, естественно, России титул чемпиона Европы в двойке. Сам Федор Шаляпин, гастролировавший тогда в Париже, поет в его честь «Эй, ухнем!» Действительно, ухнул, да так, что резонанс был на весь мир.

– Спасибо, друзья, за этот экскурс в историю, напоминание, что в 2018 году мы будем отмечать 300-летие российского гребного спорта. Но все-таки вернемся к оценке пользы занятий греблей. Для вас конкретно – вы садитесь в свою юркую академическую лодку, двойку или восьмерку, и она под хлесткими и синхронными движениями рук, словно на крыльях, несется к победному финишу. А для остальных, для большего числа людей?

А. Мартышкин: Вы неторопливо или, наоборот, интенсивно налегая на весла, рассекаете гладь любого водоема, а в уши с ветерком врывается мелодия из известного кинофильма «Первая перчатка» и слова песни Соловьева-Седого в исполнении Владимира Володина. В ней суть массового увлечения и пользы гребли: «От всех болезней нам полезней солнце, воздух и вода».

А. Тимошинин: Наш давний товарищ по сборной страны Леонид Драчевский говорит, что так уж заложено самой природой, что из всех видов спорта, пожалуй, наиболее объемна по соприкосновению с ней, с ее тремя основными оздоровительными силами именно гребля. Награды, призы – все это очень хорошо. Ну а для тех, кто не нацелен на штурм олимпийских вершин, а просто озабочен своим здоровьем, поддержанием его на должном уровне, сопротивлением всяким болезням, красивой осанкой, нет лучше и надежнее средства, нежели водный туризм, водная прогулка на веслах, в общем, активный отдых на воде. Они и закаляют организм, и работают против утомляемости, раскрепощают все мышцы и т. д. В общем, две стороны одной медали, любая из которых положительно влияет на каждого человека.

А. Мартышкин: Кругом нас в городах каменные джунгли и вдруг среди них зеленый оазис, где легко дышится, где все радует глаз. Люди на воде отдыхают в свое удовольствие. В этом уникальность гребли, она на стороне здоровья человека, вытаскивает его из закрытого помещении, где, к сожалению, мы проводим большую часть времени, на свежий воздух. В России

предостаточно рек, озер, водоемов. Так что за весла, друзья! Вот мудрый Сенека утверждал: «Если не знаешь, куда плыть, никакой ветер попутным не будет». Полагаю, тот же Сергей Викторович Лавров прекрасно знает курс, когда садится с друзьями в байдарку и преодолевает извилистые водные кручи. Это путь к преодолению себя, к здоровью, и здесь любой ветер попутный.

– Одну сторону медали вы раскрыли, давайте перевернем ее на другую. Вспомните что-нибудь любопытное из вашей практики.

А. Тимошинин: В Мехико, на первой для меня Олимпиаде, я был совсем юнцом и, естественно, находился под влиянием многоопытного Анатолия Фомича Сасса. Утром все на построение, потом на зарядку в присутствии тогдашнего руководителя нашего спорта Сергея Павловича Павлова, а мы с Сассом в столовую завтракать, потому что уже успели поработать на «Сочимилко». Днем Павлов видит нас катающимися на велосипедах вдоль канала (та же циклическая тренировка), в то время как остальные налегают на весла. Сасс обожал карты, и мне приходилось составлять ему компании. Рубились в «66», с тех пор я возненавидел эту игру. Сергей Павлович однажды застал нас за этим занятием. Ничего не сказал, промолчал, но мы почувствовали – рассердился.

И вот нас чествуют после победы в соревнованиях двоек парных, вручают сомбреро, расшитое золотом. Сергей Павлович поздравляет и говорит: «На зарядку не ходят, вместо тренировок на канале катаются в свое удовольствие на велосипедах, картежники, меня чуть ли не посылают, чтобы не мешал. А может, так и надо, чтобы выиграть…»

В Мюнхене, на следующей Олимпиаде, еще одна встреча с Павловым. До финала двоек парных один час. Все знают, что в это время ко мне лучше не подходить, порву на части, могу и ударить. А тут мимо нас с Геннадием Коршиковым, моим новым партнером, идут Сергей Павлович и Виталий Георгиевич Смирнов. Увидели, остановились: что и как? «Идите куда шли, – не совсем дипломатично прошипел я. – Выиграем!»

Павлов на следующий день после нашей победы: «Тимошинин – человек слова, сказал: выиграем – и выиграли! Нам бы всем так держать слово».

А. Мартышкин: А я можно не о себе, а о Евгении Борисовиче Самсонове. Он и сам был гребцом великолепным, и тренером отменным, при нем мы столько олимпийских наград завоевали! Но я сейчас не об этих заслугах корифея весла, а о дуэли, в которой схлестнулись Самсонов и Никита Павлович Симонян, и свидетелем которой я был. А произошла она не на воде, а на

футбольном поле. Судьей был Алексей Александрович Парамонов. Самсонов встал в ворота, Симонян бил. Сначала потихоньку, на технику, «щечкой» – Борисыч отбил, затем посильнее, «шведкой» – опять отразил. Удары Никиты Павловича становились все мощнее; несмотря на возраст, в Симоняне по-прежнему чувствовался бомбардир, который когда-то наколотил 34 мяча за чемпионат. Лишь когда он от всей души засадил в «девятку», Самсонов пропустил.

«Женя, где ты раньше был, с твоим ростом и реакцией «Спартаку» подошел бы точно», – дружески похлопал Самсонова по плечу Симонян. Тогда Евгений Борисович признался, и для меня это тоже стало открытием, что по молодости любил и умел играть в футбол, правда, не вратарем. В 1952 году гребцы, готовясь своей восьмеркой «Крылья Советов» к Олимпиаде в Хельсинки, жили на Воробьевых горах, по соседству была футбольная база ЦДКА. Федотов, Гринин, Бобров, Николаев, Никаноров… Гребцы часто с ними на теннисном корте гоняли в «дыр-дыр» – и далеко не всегда проигрывали. На память о той дуэли Никита Павлович подарил Самсонову свою открытку с надписью: «Евгению Самсонову – не только прекрасному гребцу, но и отличному вратарю. Симонян».

А. Тимошинин: Тогда и я кое-что вспомню – не о себе. Большая Московская регата в Серебряном бору. На нее прибыл тогдашний президент Международной федерации (ФИСА) швейцарец Тома с Келлер. У нас все команды даются на французском. Стартер Вадим Каменецкий обращался по очереди к участникам: «Прэ? Готовы?» И следом – «Мерси, спасибо». Келлер сердито заметил: «Что ты каждый раз благодаришь их, это правилами не предусмотрено, а если будет фальстарт – тоже мерси?» – «Нет, тогда – Стоп! – и взмах красным флагом». – «А где же колокол, им в таких случаях, а не флагом надо подавать сигнал?»

Каменецкий замялся, на выручку пришел остроумный Евгений Леонидович Кабанов, будущий вице-президент ФИСА. «Г-н Келлер, у нас все колокола переплавили во время войны на пушки». – «Что ты такое, Евгений, говоришь, после войны столько времени минуло, неужели нельзя было хоть одну пушку переплавить обратно на колокол…»

…И сколько еще таких любопытных историй могли бы извлечь из своей чемпионской памяти мои знаменитые собеседники. Я же, слушая их, подумал о том, что не забыть бы поздравить Никиту Павловича Симоняна сразу с двумя юбилеями – 90-летием со дня рождения и 60-летием победы нашей сборной в олимпийском Мельбурне. И его партнеров и по

«Спартаку», и по той олимпийской дружине Алексея Александровича Парамонова и Анатолия Константиновича Исаева.

Кстати, еще одно памятное событие было связано с теми золотыми для отечественного футбола Играми. Впрочем, для нашей гимнастики они тоже стали золотыми. Я не случайно акцентирую на этом внимание.

– Я в Мельбурне была совсем девчонкой, когда познакомилась с футболистами, за них вся делегация особенно переживала. Еще бы: футбол – король спорта!.. Они такие все красавцы были, парни что надо, женихи. Один из них положил глаз на меня, целый месяц, пока возвращались в Москву, и на теплоходе, и в поезде, ухаживал за мной. Куда я, туда и он. На каждой остановке где-то умудрялся найти цветы, зима ведь была уже. В общем, я не устояла, нашла себе мужа в «золотой» команде – Валентина Иванова, прожила с ним счастливую жизнь, пока Козьмич не ушел от нас.

До замужества фамилия этой «девчонки» была – Калинина, после – Лидия Гавриловна Иванова. Двукратная олимпийская чемпионка, она сегодня лучший наш гимнастический телекомментатор.

Не правда ли, красивая история.

От Петра Великого до наших дней

Как же это здорово в погожий зимний день вдохнуть полной грудью свежий морозный воздух, подставить лицо обжигающим лучам солнца и заскользить по ледяной глади, нарезая круг за кругом и вдоволь наслаждаясь скоростью!

Опрятней модного паркета,
Блистает речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

В самом деле, когда «хороший денек, чудесный денек, скорей коньки подмышки – и марш на каток!»

Если немного фантазии, то между замечательными пушкинскими строками и еще недавно популярной бравурной песней (сейчас, к сожалению, подзабытой) – целая эпоха, в которую, можно сказать, вместилась история развития отечественных коньков. Впрочем, она, эта история, значительно длиннее и уходит даже во времена Петра 1. Нет, даже еще глубже, когда на русском троне восседал Алексей Михайлович. Сам сызмальства увлекшись коньками, он и отпрыску своему Петру с детства привил любовь к ним. Плотничая на голландской судоверфи под именем Петра Михайлова, царь – как бы сейчас сказали – в свободное от работы время не упускал возможности поучаствовать в весьма понравившейся ему «местной потехе» – массовом катании на коньках по замерзшим каналам. Вернувшись на родину, он «привез» забаву с собой, справедливо полагая, что в России ничуть не меньше рек, озер, где можно предаться этому развлечению, и довольно быстро нашел единомышленников.

Словом, с легкой руки царя-батюшки все и началось. По указу Петра тульские мастеровые занялись изготовлением коньков, царь первым предложил приклепывать их к обуви, составляя единое целое (об этом, кстати, упоминается в самом первом своде правил о коньках, изданном в Англии в 1772 году).

Постепенно потеха превратилась в серьезное занятие. Более того, бег на коньках был вплоть до XIX века единственным в России зимним видом спорта. Доступность и демократичность обеспечили ему народную любовь, оно стало едва ли не основным зимним спортивным досугом. Во многих городах возникали общества любителей катания на коньках, повсеместно начали

открываться конькобежные клубы. Самый первый появился в Петербурге в 1864 году. Тренировки шли в Юсуповском саду. В качестве пособия использовался первый учебник «Зимние забавы и искусство бега на коньках», автором которого был учитель гимнастики Г. М. Паули.

Москва тоже старалась не отстать и «ответила» своим катком во дворе дома Обидиной, что на Петровке. Здесь 18 февраля 1889 года на залитой 200-метровой дорожке и встретились сильнейшие скороходы двух столиц, чтобы в очном принципиальном споре выявить первого чемпиона России. Одно любопытное, но символичное совпадение: в этом доме (нынешний его адрес – Петровке, 26) и именно на этом катке, называвшемся в наше время динамовским, выросла Инга Артамонова, четырехкратная чемпионка мира. А тогда…

Участникам соревнований предстояло преодолеть 3 версты (3204 м). 15 кругов с 60-ю виражами. Семь с половиной минут потребовалось петербуржцу, служащему Николаевской железной дороги Александру Паншину, чтобы покорить их и финишировать первым. Впрочем, успех Паншина мало кого удивил, он был предсказуем: ведь за питерцем значились уже победы на трех дистанциях мирового первенства, одержанные незадолго до стартов в Москве (выиграй Паншин и четвертую, он был бы провозглашен чемпионом, таков тогда действовал регламент) и три кряду победы в открытых чемпионатах Австрии. Однако Паншин вписал свое имя в историю не только своими достижениями непосредственно на ледяной дорожке, но и тем, что предложил модернизировать коньки, удлинить их, чем предугадал появление будущих «норвежек». Москва еще долго старалась не уступать инициативу в проведении первенств России, менялись лишь места, чаще всего это были Нижне-Пресненский, Оленьи, Патриаршие. Чистые пруды, водоем Зоологического сада, рукав Обводного канала, Девичье поле. Соревнования украшала дуэль Паншина и его основного соперника Сергея Пурисева, которого называли «математиком на льду» – так он точно выдерживал график, практически в одно время «печатал» круг за кругом. Кроме того Пурисева отличал особый, присущий лишь ему стиль – сложенные «по-наполеоновски» руки на груди по ходу бега. Затем пришло время Николая Седова, о нем в норвежских газетах писали, что он обладает исключительными физическими данными, феноменальной выдержкой и безукоризненным по красоте стилем катания. Столь лестную характеристику Николай подтвердил на чемпионате мира-1906 в Финляндии, где первенствовал на обеих стайерских дистанциях – 5000 и 10 000 м. Еще большая слава – и

внутри страны, и за ее пределами пришлась на долю тезки Седова – Николая Струнникова. Сначала в очном принципиальном споре на катке московского Зоосада он обыграл Седова, затем поверженным оказался еще один ас коньков того периода Григорий Блювас. В итоге Струнников стал первым русским скороходом, выигравшим звание абсолютного чемпиона Европы и мира, его окрестили «славянским чудом».

Седов, Струнников, их преемники на ледовой дорожке, и тоже легенды коньков, Никита Найденов, братья Василий и Платон Ипполитовы, Яков Мельников были москвичами. Не случайно английский дипломат Карлейль, побывавший в Москве, писал: «Любимое зимнее развлечение московитян – катание на коньках». Кататься на заледенелые пруды ходили целыми семьями, кружились под звуки духового оркестра, а по выходным устраивались еще и скоростные «бега».

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих ровных рек…

Это опять Александр Сергеевич.

Обращаясь в прошлом, заметим, что не один Пушкин был страстным поклонником коньков. Это увлечение, образно говоря, пропустили сквозь себя и Федор Шаляпин, и Лев Толстой. Думается, отрывок из «Анны Карениной» как нельзя лучше погружает в радостную атмосферу повальной зимней забавы того периода: «Левин слез с извозчика у Зоологического сада и пошел дорожкой к горам и катку. Был ясный морозный день. У подъезда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы… Он подошел к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазок, грохотали катившиеся салазки и звучали веселые голоса. Пред ним открылся каток.

На льду собирались в этот день недели и в эту пору дня люди одного кружка, все знакомые между собою. Были тут и мастера кататься, щеголявшие искусством, и учившиеся за креслами, с робкими неловкими движениями, и мальчики, и старые люди, катавшиеся для гигиенических целей. Все катавшиеся веселились, пользуясь отличным льдом и хорошею погодой. Он пошел надевать коньки…

Левин стал на ноги, снял пальто и, разбежавшись по шершавому у домика льду, выбежал на гладкий лед и покатился без усилия, как будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бег».

Согласитесь – чем не предтеча грядущей массовости, в

которую, взяв пример с обеих столиц, была вовлечена большая часть России. Она, эта массовость, и обеспечивала появление талантов по всей огромной стране. 60-летие нашего конькобежного спорта отмечалось большим праздником в Москве. Кто, вы думаете, стал его инициатором? Лично лучший друг всех советских физкультурников. Вождь, с одной стороны, был неравнодушен к конькам, а с другой – когда в пятидесятых годах прошлого века у мужчин не заладились дела, Сталин личным распоряжением отстранил их от участия во всех международных соревнованиях до лучших времен. И это тоже страница, которую не вырвешь из истории нашего конькобежного спорта.

И Москва, и Ленинград старательно сберегали конькобежные традиции даже в нелегкие годы после Великой Отечественной войны, когда, казалось бы, было не до коньков. Столица словно была поделена на конькобежные зоны: Сокольники, МВО, Измайлово, «Динамо» на той самой Петровке, внутри того самого дома № 26, сад «Эрмитаж», который по сей день привлекателен, Патриаршие и Чистые пруды и, конечно, многокилометровые аллеи и набережная ЦПКиО имени Горького – под стать по протяженности знаменитым голландским каналам. Длиннющая очередь в парк перешейком переваливалась едва ли не через весь Крымский мост, и ближе к кассам сбивалась настолько плотно, что, не опасаясь упасть, можно было ползти к заветному окошку по-пластунски, буквально по головам. Даже если захочешь наказать нахала – не получится, пространства, чтобы расступиться, не существовало.

А у тех, кто рос на Маросейке, как я, Лубянке или Покровке, опасной, однако любимой, забавой было, плотно примотав к валенкам «снегурки» или «английский спорт», натянув палками веревку, чтобы не соскользнула, с верхнего обреза улицы скатиться вниз по Большому Спасоглинищевскому переулку («гаги», «ножи» или «норвежки», а уж тем более хоккейные коньки и ботинки купить в те годы было крайне трудно). Дух захватывал, ветер всей упругой мощью хлестал по лицу. Остановиться просто так было невозможно: либо падаешь, что тоже чревато, либо уж лети до конца, до Солянки. Это был настоящий, почти километровый, скоростной спуск по ледяному желобу или уплотненному снежному насту. Другого такого естественного склона в центре Москвы нет, и, снова перебросив мостик в день сегодняшний, так и видишь здесь соревнования по натурбану, могулу, сноуборду, да еще в вечерних огнях…

Это был действительно конькобежный бум, увеличенный еще

с появлением лужниковского «Люкса». Это ему на три десятка лет сдал позиции конькобежного пупа московской земли ЦПКиО им. Горького, он служил зимнеоздоровительным пристанищем семьям тысячей москвичей. Здесь практически все знали друг друга; молодые первопроходцы (те, кто с самого открытия катались, с 1957-го) успели отметиться сначала папами и мамами, а затем и вовсе – дедушками и бабушками. Естественно, их выводок, дети и внуки, тоже росли в знакомой атмосфере. Часто бывало, что люди по разным причинам не виделись целый год, но на «Люксе» пересекались обязательно. Поймал себя здесь на мысли: как это все перекликается с тем самым отрывком из «Анны Карениной»: «На льду собирались в этот день недели и в эту пору люди одного кружка и все знакомые между собой».

Коль снова обратились к Льву Николаевичу (оказывается, он не только городками увлекался), то, наверное, грех не вспомнить еще одного не равнодушного к конькам писателя. Человека тоже весьма известного в литературных кругах. Может, вдохновленный успехами Якова Мельникова, который удлинил свое пребывание на российском чемпионском троне далеко за границами Октябрьской революции, Владимир Набоков написал в 1925 году эти строки, отнесенные к поэтическому наследию века минувшего. Владимиру Владимировичу тогда не было еще тридцати. Ему бы еще так же откликнуться на наши молнии на льду последующих поколений…

Плясать на льду учился он у музы,
у зимней Терпсихоры… Погляди:
открытый лоб, и черные рейтузы,
и огонек медали на груди.

Он вьется, и под молнией алмазной
его непостижимого конька
ломается, растет звездообразно
узорное подобие цветка.

И вот на льду, густом и шелковистом,
подсолнух обрисован. Но постой –
не я ли сам, с таким певучим свистом,
коньком стиха блеснул перед тобой.

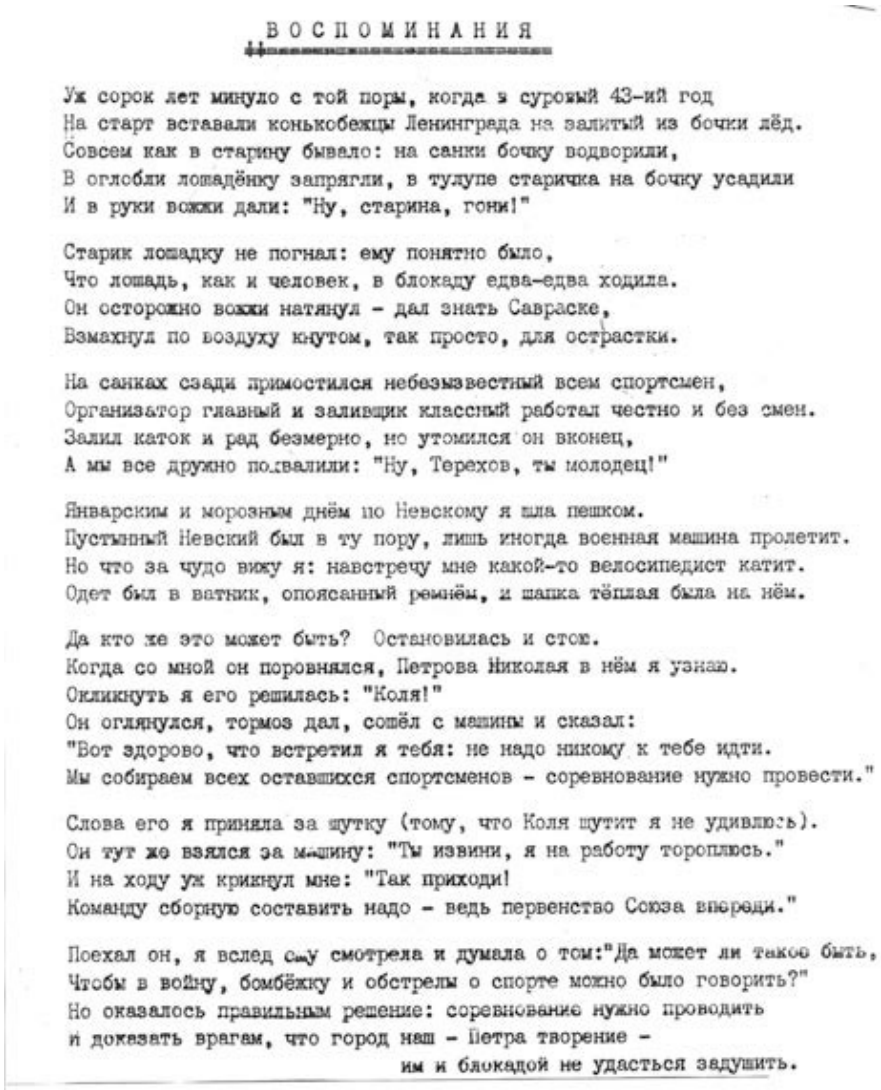
Оставил я один узор словесный,
мгновенно раскружившийся цветок.
И завтра снег бесшумный и отвесный

запорошит исчерченный каток.

Стихотворение называется – «Конькобежец»; за каждым словом чувствуется рука и полет фантазии большого мастера, высокого профессионала пера. А я дальше, отдавая должное Набокову, в таком же восхищении пребываю от пера любительского.

Великая Отечественная война. Свое спортивное оружие многие известные чемпионы сменили на оружие боевое. В тылу врага, в отряде Дмитрия Медведева сражался известный конькобежец Анатолий Капчинский. Вместо ледовой дорожки теперь по партизанским тропам «нарезал» он огненные круги.

Ленинград – огромная наша боль и по сей день еще не зажившая до конца глубокая рана на теле страны. 900 дней чудовищной блокады. Выстоять, выжить помимо героизма, мужества, твердой веры в Победу помогал и спорт. Красноречивее всяких слов – как ни старайся, все равно не подобрать такие, которые сполна характеризовали бы отвагу защитников великого города и его жителей, – воспоминания А. Разинковой-Сергеевой, участницы соревнований по конькам в блокадном Питере. Стихи незатейливые, но никакой моей правки, это документ истории. Лишь короткая справка: упомянутые в тексте Николай Петров и Лидия Чернова – заслуженные мастера спорта; Чернова (в замужестве Селихова) после войны стала двукратной абсолютной чемпионкой мира.



ВОСПОМИНАНИЯ

Уж сорок лет минуло с той поры, когда в суровый 43-ий год
На старт вставали конькобежцы Ленинграда на залитый из бочки лёд.
Совсем как в старину бывало: на санки бочку водворили,
В оглобли лошадёнку запрягли, в тулупе старичка на бочку усадили
И в руки вожжи дали: "Ну, старина, гони!"

Старик лошадку не погнал: ему понятно было,
Что лошадь, как и человек, в блокаду едва-едва ходила.
Он осторожно вожжи натянул - дал знать Савраске,
Взмахнул по воздуху кнутом, так просто, для острастки.

На санках сзади примостился небезызвестный всем спортсмен,
Организатор главный и заливщик классный работал честно и без смен.
Залил каток и рад безмерно, но утомился он вконец,
А мы все дружно похвалили: "Ну, Терехов, ты молодец!"

Январским и морозным днём по Невскому я шла пешком.
Пустынный Невский был в ту пору, лишь иногда военная машина пролетит.
Но что за чудо вижу я: навстречу мне какой-то велосипедист катит.
Одет был в ватник, опоясанный ремнём, и шапка тёплая была на нём.

Да кто же это может быть? Остановилась и стою.
Когда со мной он поровнялся, Петрова Николая в нём я узнаю.
Окликнуть я его решилась: "Коля!"
Он оглянулся, тормоз дал, сошёл с машины и сказал:
"Вот здорово, что встретил я тебя: не надо никому к тебе идти.
Мы собираем всех оставшихся спортсменов - соревнование нужно провести."

Слова его я приняла за шутку (тому, что Коля шутит я не удивилась).
Он тут же взялся за машину: "Ты извини, я на работу тороплюсь."
И на ходу уж крикнул мне: "Так приходи!
Команду сборную составить надо - ведь первенство Союза впереди."

Поехал он, я вслед ему смотрела и думала о том:"Да может ли такое быть,
Чтобы в войну, бомбёжку и обстрелы о спорте можно было говорить?"
Но оказалось правильным решение: соревнование нужно проводить
и доказать врагам, что город наш - Петра творение -
им и блокадой не удастся задушить.

Воспоминания в стихах А.А. Разинковой-Сергеевой, Мастера спорта, рекордсменки СССР, участницы соревнований по конькобежному спорту в блокадном Ленинграде.

Нельзя без волнения читать эти строки. Ленинград жил, боролся, под обстрелом и бомбежками проводил соревнования, отбирая на них участников первенства страны по конькам. Москва ждала их у себя как раз в разгар волжской эпопеи, битвы за Сталинград. Шесть суток добирались окольными путями до столицы Разинкова и Чернова, но к старту поспели. Им не удалось выиграть, но само участие стало огромной победой. Знаменитое изречение Пьера де Кубертена о том, что главное не

победа, а участие, трансформировалось самой жизнью, питерским героизмом: участие и есть победа!

Новой же волне не символических, а реальных побед наших скороходов еще предстояло накатиться на российский берег. Евгения Гришина, четырехкратного олимпийского чемпиона, в Скво-Вэлли американские репортеры замучили вопросом: какие у вас впечатления от Штатов. Гришин недолго думал: голубе небо и легкий ветерок, который развевает флаг моей Родины. По почину тульского гравера и вятской медсестры в военном госпитале в годы войны Марии Исаковой эта волна успехов приближалась порой к девяти баллам. Справедливости ради следует заметить, что были и периоды, когда шторм побед заметно ослабевал, угасал, сменяясь полным штилем. Сейчас, с появлением новых катков, он снова набирает силу.

«Это просто чудо и неземная красота такое сочетание – древний Кремль и суперсовременный конькобежный дворец!» – такова была реакция президента Международного союза конькобежцев итальянца Оттавио Чинкванта, когда он впервые увидел каток в Коломне. Сооружение действительно гармонично вписалось в культурный и архитектурный ландшафт исторической части города.

Надо же случиться такому совпадению: в 1835 году уроженец Коломны Иван Лажечников написал знаменитый роман. Пусть он совершенно о других, трагических, событиях, ином времени, но название-то символичное – «Ледяной дом». Неподалеку от того места, где родился писатель (в честь него названа улица), у подножья Кремля спустя почти два столетия действительно возник ледяной дом с уникальной архитектурой и инфраструктурой.

Я не искал специалиста-профессионала из местного краеведческого музея или туристского бюро, чтобы он подробно рассказал об этом сооружении, заслужившем за свою оригинальность множества премий. Зачем, когда есть еще какой экскурсовод-любитель – Валерий Муратов! Он вошел в историю коньков как победитель первого чемпионата мира по спринтерскому многоборью среди мужчин. Но не это даже самое главное – Валерий Алексеевич – свой, коломенский, более того, почетный гражданин Коломны, которая, упомянутая впервые в летописи еще в 1177 году, стояла у истоков российской государственности.

– Это так, а двор дома № 73 по Гражданской улице, в двух шагах от Кремля, – вообще малая родина. Внизу река Коломенка. Зимой мы, детвора, с нетерпением ждали, когда она замерзнет –

и на лед. Резвились с раннего утра до темна, с перерывом на школу. Коньки прямо к валенкам прикручивали, достать ботинки с приклепанными коньками тогда было трудно. Свое мальчишечье увлечение я делил тогда пополам с голубями, так оно сохранилось и до сих пор. Только коньки с 14 лет перестали быть для меня хобби, а превратились в серьезное профессиональное дело, дело жизни.

Однако, поскольку вы привлекли меня сейчас в качестве гида, я от спорта с удовольствием переключаюсь на эту роль. Коломна – город-история, более 400 памятников на его территории, она исстари защитник Москвы, самая древняя и главная сторожевая крепость на пути к ней. Именно в Коломне, на границе Московского княжества, проходила оборона от татаро-монгольского нашествия, здесь Иван Грозный начинал свой поход на Казань в 1552 году. А почти двумя веками раньше в наших местах, там, где река Коломенка впадает в Москву-реку, русские воины готовились к отражению врага в грядущей Куликовской битве. И, к слову, будущий ее герой князь Дмитрий Донской венчался с княжной Евдокией, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича, в Воскресенской церкви.

Эта церковь, продолжал Валерий Алексеевич, часть ансамбля нашего Кремля, а он такой же красивый, как Московский, а по площади всего четыре гектара уступает; когда строили, двухкилометровой стеной опоясали, 17 башен возвели. По преданию, в одну из них, Коломенскую, заточили Марину Мнишек, вдову Лжедмитрия (эту башню так по сей день и величают «Маринкиной»), а другая, Пятницкая, схожа с Боровицкими воротами столичного Кремля. Екатерина II, после того, как побывала в Коломне, под впечатлением увиденного велела прислать в город известного архитектора Матвея Казакова, чтобы сделать его еще краше.

Как чудесно рассказывает! А еще говорит, что по сей день, когда надевает свои коньки, которые принесли ему столько ярких побед, и выходит на лед, внутри все поет, душа радуется собственному пути в конькобежном спорте.

– Валерий Алексеевич, а каков был ваш девиз, когда вы выступали?

– Быстрее! Еще быстрее! Я ведь спринтер.

Спринт! Сколь короткое слово, столь и емкое. В нем взрывная динамика, сила, мощь, экспрессия, те механизмы, которые приводят человеческий организм в состояние неукротимой борьбы со временем, заряжают стремлением обуздать любую скорость. Извлекаемый из глубины запас энергии – физической и

нервной – кажется неисчерпаемым. Результаты налицо: таблицы рекордов перекраиваются с быстротой молнии и громового разряда.

Да, сегодняшняя жизнь в конькобежном спорте – это постоянное сражение с секундомером. Но в этом сражении наперегонки, за внешней легкостью, с которой крушатся рекорды, отвоевываются мгновения – колоссальный труд и неимоверное напряжение. Талант, без которого в нынешнем большом спорте вообще делать нечего, возможно, даже на третьем месте. И еще сейчас не обойтись без нанотехнологий. Они в этом красивом динамичном виде свои – в конструкции коньков, в суперсовременной электронной начинке ледовых арен, в самих этих крытых стадионах – образцах инженерного и архитектурного чуда.

На одном из них, наблюдая вместе с Муратовым за тренировкой его подопечных, я в шутку спрашиваю Валерия Алексеевича, смог бы знаменитый ямайский спринтер-легкоатлет Усэйн Болт догнать и даже перегнать не менее знаменитых спринтеров-конькобежцев, например, японца Шимицу, если бы его поставили на коньки и научили кататься? Впрочем, а надо ли, он что, без коньков, одними ногами не догонит?

Мне посчастливилось видеть дважды, как Болт бьет мировые рекорды на стометровке. На Олимпийских играх в Пекине он пробежал дистанцию за 9,69 сек., а через год на чемпионате планеты в Берлине был еще быстрее – 9,58! Тот, кто видел этот забег, конечно, припомнит, что последние его метры Усэйн преодолевал, откровенно издеваясь над значительно отставшими соперниками: вскидывал вверх руки, коленями выделывал какие-то коленца, кланялся переполненным трибунам, что-то кричал. В общем, веселился парень от души, шоу устроил.

– Чем черт не шутит, наверное, смог бы, – немного задумавшись, ответил Муратов. – Если мне не изменяет память, у того же Шумицу лучший результат на 100 метров – 9,43. Очевидно, ямайский спортсмен просто не знал об этом, а то поднапрягся бы еще. Запас скорости и скоростной выносливости у него огромный. Вот это было бы зрелище – вызови он японца на дуэль. Мы, кстати, могли бы предложить свои услуги в организации этого исторического состязания – или в Москве на ледовом стадионе «Крылатское», или здесь, в Коломне. В резерве еще есть Челябинск.

– Валерий Алексеевич, вы что серьезно полагаете, если на самом деле научить Болта классно кататься, поставить технику, то он со своими от природы суперскоростными данными, мощью,

координацией мог бы совершить переворот в коньках?

– Вполне. К перечисленных вами характеристикам добавьте еще устойчивость на виражах. 9,58! У нас редко кто так разгоняется, когда стартует на классической для конькобежцев дистанции 500 метров. Темнокожие ребята не созданы для нашего вида, им легкую атлетику, баскетбол, бокс давай? Еще как созданы! Великолепно же владеют они коньками в хоккее, в НХЛ. И не только в хоккейной коробке, на ледяной дорожке тоже отличный пример есть, Вспомните, как блистает на ней темнокожий американец Шани Дэвис. С каким шиком прокатился он на тройке вороных с бубенцами по льду «Крылатского» после победы на чемпионате мира.

А что, если Болт действительно попробует… Ярче примера эволюции – от Петра Великого до наших дней – не придумаешь.

Птица счастья завтрашнего дня

Размышляю над словами Пьера де Кубертена: «О СПОРТ! ТЫ ДЕЛАЕШЬ НАС СИЛЬНЫМИ, ЛОВКИМИ, СТАТНЫМИ». Размышляю не случайно, передо мною всплывают картины с открытия Белой Олимпиады на сочинском стадионе «Фишт», разворачивается увлекательное зрелище, которое никого не могло оставить равнодушным – выступление на открытии юных спортсменов. Что они вытворяли на арене! И эти слова основателя современных Олимпийских игр словно специально были обращены к ним.

Я думаю, более того, уверен, что вы согласны с изречением французского барона. Они вдохновляют, нацеливают показать, что многолетние напряженные тренировки не пропали даром, ребята возмужали, окрепли, обрели определенный запас мастерства, и многие по дороге к тому, чтобы вскоре самим примерить форму олимпийской сборной России. Не все вечно под луною. Наступает время, когда нынешние олимпийцы нуждаются в смене, и их нужно не просто заменить, а заменить достойно, продолжить накопленные десятилетиями славные традиции отечественного спорта. Он силен, прежде всего, тем, что эстафета побед практически не прерывается, передаваясь из поколения в поколение.

Мне довелось не раз бывать на разных соревнованиях молодых спортивных дарований.

И каждый раз казалось, что высоко в облаках над ними стремительно несется птица счастья завтрашнего дня. Выпущенная на волю их участниками, она кружат над широкими российскими просторами – от Калининграда до Сибири и Дальнего Востока, приземляясь то на одной спартакиадной «точке», то на другой, пока не совьет себе гнездо где-то в районе грядущих Олимпиад. Что несет она, эта птица, на своих размашистых крыльях? Может, действительно счастье завтрашнего дня для тех ребят, которым предстоит последовать ее перелетному пути и «свить» свое собственное гнездо на олимпийских аренах? Сколько у нас способных юношей и девушек, которым по плечу штурмовать самые заоблачные спортивные высоты.

Спорт соткан из мгновений. Все, как в жизни: борьба, эмоции, переживания, часто перехлестывающие через край. Голы, очки, секунды обязательно присутствуют – куда без них, но они не могут «засушить» радостную атмосферу, в которой преобладают горящие глаза и вдохновение – без них нет дороги к большим

победам.

Человек так и не придумал «перпетуум мобиле» – вечный двигатель, но вечное движение придумано – это спорт. Своей сутью он зовет следовать за ним вперед. Цель четко обозначена – Олимпийская вершина, где «свила свое гнездо» та самая птица счастья завтрашнего дня.

* * *

У каждого из нас своя дорога, своя путеводная песня. У меня вот эта Марка Фрадкина на стихи Евгения Долматовского: «Вот так и живём, не ждём тишины, мы юности нашей как прежде верны… И радости встреч, и горечь разлук, мы всё испытали, товарищ и друг». Когда остановился у рубежа «80», она под настроение. Ведь действительно некогда было прежде оглянуться назад, захлестывали работа, быт, текучка. Мы-то думали: время не властно над нами, а оно было властно, и еще как. Теперь я избавился от его давления и оглянулся назад. Там война, которую ребенком пережил. Там память о дорогих мне людях, событиях, свидетелем которых был. Первые годы творческого пути Игоря Бобрина и его ледового театра – одно из них. А за всем этим – Жизнь. Так здорово жить! Хотя, как там у Омара Хайяма:

Ветер жизни иногда свиреп.
В целом жизнь, однако, – хороша.
И не страшно, когда чёрный – хлеб,
Страшно, когда черная – душа.

И я ведь в заключение тоже о ней, о душе. Кошки вины перед читателями скребут у меня на ней, и хочется поскорее избавиться от этого неприятного состояния, заставить кисок замурлыкать от счастья исправления ошибки в предыдущей книге «Я и ТЫ». Цепкая память – великая вещь, особенно на старости лет, но иногда и она подводит. В общем, на память надейся, а сам не оплошай. В своем повествовании о приходе в футбольную команду ЦСКА двух питерских тренеров Юрия Морозова и Павла Садырина, я приписал Морозову триумфальный возврат армейцев из первой лиги в высшую. На самом деле лавры после возвращения – яркие победы в чемпионате и Кубке страны – пожинал Садырин. Морозов тоже достиг успеха с командой, но это было чемпионство в первой лиге.

Словом, по Владимиру Высоцкому: каюсь, каюсь, каюсь.